

ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

УДК 808.2+809.155.0

ББК 81.0 Рус + 81.2 Тадж

X– 12

**Хабибов Самад Шукурович
(Хабибзода Самад Шукур)**

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ТРУД/МЕХНАТ» В
РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 6.2.14. Типологическая и контрастивная лингвистика

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Нагзибекова М.

Душанбе – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	6
ГЛАВА I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ: СПЕЦИФИКА И ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	13
1.1. Концептуальные основы языковой картины мира в современном языкознании: обзор исследований.....	13
1.2. Концепт как основная тема исследований когнитивной русской и таджикской лингвистики.....	18
1.2.1. Влияние когнитивных процессов на язык: концептуализация, категоризация и концептосфера.....	32
1.3. Окружающий мир как объект современной лингвистики, языковая картина мира.....	42
1.3.1. Ценностная картина мира и её отражение в языке.....	53
Выводы по первой главе.....	63
ГЛАВА II. СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛЯ ЯЗЫКА.....	65
2.1. Соотнесённость понятий «концепт» и «семантическое поле».....	65
2.1.1. Основные подходы к соотношению фразеологии и паремиологии в современной лингвистике.....	77
2.1.2. Вопрос о соотнесённости фразеологизмов и паремий с семантическим полем.....	89
2.1.3. Пословицы и поговорки как репрезентанты концептуальной и языковой картины мира.....	99
Выводы по второй главе.....	105
ГЛАВА III. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ТРУД/МЕХНАТ» В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ.....	106
3.1. Анализ семантемы слов, обозначающих труд (по данным этимологических и толковых словарей русского языка).....	114
3.2. Анализ семантемы слов, обозначающих мехнат / труд (по данным словарей таджикского языка).....	132
3.3. Семантика и функции труда в пословично–поговорочном фонде русского языка.....	144
3.4. Репрезентация концепта «труд/мехнат» в паремиологическом фонде таджикского языка.....	150
3.4.1. Репрезентация «мехнат/ труд», «кор/работа» в книге Садриддина Айни «Ёддоштҳо» (Воспоминания).....	162
3.4.2. Репрезентация «труд» и «работа» в произведениях М. Шолохова.....	174
Выводы по третьей главе.....	186
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	188
РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ПРИМЕНЕНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ.....	192
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	193
ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ.....	215
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	218

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Актуальность данной работы обусловлена тем, что по совокупности концептов, представленных в паремиях, можно судить о картине мира, отражаемой в языке и в сознании носителей языка. Изучение ценностных концептов духовной культуры через призму языковых данных активно проводится в современной лингвистике.

Актуальность исследования обусловлена также не изученностью национально-специфических особенностей концепта «труд /мехнат» в русской и таджикской языковой картине мира. Данное исследование может внести вклад в область лексикологии, семантики и переводоведения, предложив новые подходы к анализу языковых единиц, связанных с трудом, что не только обогатит теоретические разработки, но и расширит существующую практику корпусных исследований и сравнительного языкознания.

Степень изученности темы. Исследование взаимосвязи между языком, когнитивными процессами и концептами занимает центральное место в современной когнитивной лингвистике и основано на устоявшейся теоретической традиции. Методологическая основа для изучения таких концептов в межкультурном контексте зиждется на фундаментальных работах ведущих учёных в этой области, среди которых Джордж Лакофф (George Lakoff) в своей теории концептуальной метафоры продемонстрировал, что метафорические структуры формируют человеческое мышление [94, с. 25–39]; Рональд Лангакер (Ronald Langacker) разработал когнитивную грамматику, раскрыв глубокие связи между языковой формой и когнитивными процессами, считая, что когнитивная грамматика рассматривает грамматические структуры как «неотъемлемую часть когнитивных процессов, а не как автономную систему» [223, с. 80–110]; Леонард Талми (Leonard Talmy) развил когнитивную семантику, проанализировав организацию концептуальных структур в языке [156, с. 120–140]; Чарльз Филлмор (Charles Fillmore) ввёл фреймовую семантику, предложив модель структурирования знаний и их лексического представления [173, с. 140–160]; а Элеонора Рош (Eleanor Rosch)

прояснила роль прототипов и категоризации в формировании когнитивных категорий [138, с. 50–80].

В рамках российской и советской лингвистической традиции Е. С. Кубрякова внесла значительный вклад в развитие когнитивной лингвистики, уделяя особое внимание вопросам внутренней речи и лексической семантики [86, с. 6–17]. В. И. Карасик исследовал феномен лингвистической личности и психологию дискурса, введя понятие «лингвистического круга» [72, с. 59–80]; З. Д. Попова совместно с И. А. Стерниным разработала «семантико-когнитивный подход» к анализу языка с особым вниманием к лексикологии и семантике [125, с. 7–50; 126, с. 10–60]; Особое место принадлежит Анне Вежбицкой, польскому лингвисту, чьи исследования «семантических универсалий» получили широкое признание [34, с. 100–200]; М. В. Пименова внесла вклад в развитие когнитивной семантики и концептуальных исследований [119, с. 7–20]; И. А. Стернин сосредоточился на изучении концептов и когнитивных механизмов семантики, развивая семантико-когнитивный подход [154, с. 50–100; 155, с. 80–120]; Н. Д. Арутюнова исследовала когнитивную семантику и категоризацию, уделяя особое внимание логическому и лингвистическому анализу языка [12, с. 3–4]; О. А. Корнилов анализировал когнитивные и концептуальные модели языка, рассматривая языковую картину мира как отражение национального менталитета [79, с. 50–150].

Идеи когнитивной лингвистики получили дальнейшее развитие в рамках таджикской научной традиции. Ряд исследователей обогатили эту область, создав национальную школу когнитивной лингвистики. М. Б. Нагзибекова [2024] и Д. М. Искандарова [2023] сосредоточили своё внимание на проблеме концепта и его роли в когнитивной семантике; М. Б. Давлатмирова [2016] и С. К. Матробиён [2019] разработали сравнительные исследования, связывающие когнитивные механизмы с лингвокультурным анализом; Н. И. Каримова и З. А. Гулова сосредоточились на семантических и лексикологических аспектах когнитивного подхода.

Особое внимание уделяется работам М. Махмудзода и М. М. Имомзода, которые исследуют когнитивные структуры и их отражение в национальной картине мира. М. Д. Мамедова внесла вклад в развитие когнитивной семантики в контексте психолингвистики, а Н. К. Бойматова исследовала методологические принципы когнитивного анализа. Ш. К. Фазилова исследовала концепты в русской, английской и таджикской лингвокультурах, связывая их с когнитивными и культурными моделями.

В современной лингвистике проведено немало исследований по определению семантического поля труд. Среди них можно отметить сопоставительный анализ русской и польской паремиологии Н.А. Косенко [1993], исследование фразеосемантического поля труд в русском языке Е.В. Ганапольской [1995], работу М.А. Ереминой [2003] о лексико-семантическом поле отношение человека к труду в русских народных говорах, исследование лексической репрезентации концепта труд Г.В. Токарева [2003], Л.В. Басова [2004] описывала концепт труд в пословицах и поговорках с опорой на три его основных лексических выражения: труд – работа – дело, Л. А. Серова [2009] изучала концепт «труд» в немецких и русских паремиях: на материале современных публицистических текстов сельской тематики, О. Е. Чернова провела исследование «Концепт «труд» как объект идеологизации» [2004], Т.А. Островская предприняла попытку интерпретации концепта «труд» в паремиях, лексических единицах прямономинативного значения, фразеологических единицах и афоризмах в русском языке и в американском варианте английского языка [2005]. Однако комплексного сравнительного анализа концепта «труд/меҳнат» в русском и таджикском языках, основанного на изучении лексики, паремий и художественных текстов, до сих пор не проводилось.

Связь исследования с программами и научными темами. Тема исследования разработана в связи с научной тематикой кафедры общего языкознания и сопоставительной типологии Таджикского национального университета, утверждённой на 2020–2025 годы. Также диссертационное

исследование связано с «Государственной программой совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан на период до 2030 года (Постановление Правительства Республики Таджикистан от 30.08.2019 г. № 438)».

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования. Целью данного исследования является раскрытие когнитивно-культурных механизмов концептуализации, категоризации и репрезентации концептов «труд / мехнат» в русском и таджикском языковом сознании, выявлении общности и отличий национально-специфических компонентов его семантической структуры, установлении ценностных и мировоззренческих характеристик этих концептов, отражающих историко-культурный опыт, ментальные установки и лингвокультурологическую специфику обоих народов посредством комплексного сопоставительного анализа лексикографических источников, паремиологического фонда и художественной репрезентации концепта «труд / мехнат» в произведениях М. А. Шолохова и Садриддина Айни.

Задачи исследования. Для достижения поставленной цели решается ряд конкретных задач:

1. Проанализировать специальные элементы когнитивной лингвистики при описании особенностей национальных языков, а также языковую, научную и наивную картины мира.
2. Выявление концептуальных особенностей концептосферы труд/мехнат в русском и таджикском языках.
3. Описание основных компонентов концепта на основе лексикографического анализа с использованием различных словарей русского и таджикского языков.
4. Проведение сопоставительного анализа концепта, включающего изучение паремиологического наследия русского и таджикского народов, а также их репрезентации в художественной литературе.

5. Выявление лингвокультурологических особенностей концепта труд/мехнат в сопоставляемых языках.

Объект исследования является концепт «труд/мехнат» в русском и таджикском языках, его языковое представление и лингвокультурные особенности.

Предмет исследования – структурно–семантические и концептуальные характеристики мехнат/труд, а также их отображение в лексикографических источниках, паремиологии и художественной литературе русского и таджикского народов.

Теоретические основы данного исследования опираются на современные лингвистические концепции, которые рассматривают язык как когнитивно-культурный феномен, отражающий и моделирующий систему знаний, ценностей и представлений народа. Центральным элементом этой концепции является антропоцентрическая парадигма (Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, Ю. Н. Караулов), которая утверждает, что язык не только фиксирует человеческий опыт, но и служит средством его концептуализации.

Ключевой методологической основой является когнитивно-лингвистический подход, который позволяет анализировать лексему «труд» как результат взаимодействия лингвистических и ментальных структур. Согласно принципам, сформулированным Г. Лакоффом и М. Джонсоном, человеческое мышление по своей сути метафорично, а язык функционирует как инструмент категоризации и интерпретации мира. Следовательно, изучение семантики «труда» предполагает раскрытие не только его концептуального содержания, но и более глубоких когнитивных моделей, лежащих в его основе.

Важной составляющей теоретической базы является теория концепта (А. Вежбицкая, В. И. Карасик, С. Г. Воркачѳ), которая рассматривает его как многослойное образование, включающее понятийный, образный и аксиологический компоненты. Такая перспектива позволяет

проанализировать концепт «труд» в его национально-культурной специфике и выявить различия между русской и таджикской языковыми картинами мира.

Исследование также опирается на идеи лингвокультурологических исследований (В.В. Воробьёв, Г.Г. Слышкин), в которых язык рассматривается как вид культурной памяти и способ передачи коллективных знаний и смыслов. В данном подходе лексема «труд» является не просто лингвистической единицей, но и культурным феноменом, отражающим исторический и ментальный опыт общества.

Семантика фреймов (К. Филлмор) и семантическая типология (А.А. Уфимцева, Г.Г. Сильницкий) позволяют выявить формы знания, лежащие в основе концепта, прототипические сценарии и типичные контексты его употребления, что обеспечивает системность анализа и выявляет скрытые когнитивные связи между лексическими единицами.

Сравнительный подход, занимающий промежуточное положение между когнитивной и культурологическими парадигмами, является важным аспектом теоретической основы. Он направлен на выявление как универсальных, так и этноспецифических характеристик репрезентации концептов «труд/мехнат» в русском и таджикском языках. Этот подход методологически основан на принципах контрастивной лексикологии (Ю.Д. Апресян, Л.В. Щерба) и культурологического анализа (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров).

Таким образом, теоретическая основа исследования представляет собой синтез когнитивно-лингвистического, лингвокультурологического и сопоставительного подходов. Такая интеграция позволяет рассматривать концепт «труд» как многомерное явление, в котором взаимодействуют языковая форма, культурный смысл и ментальные структуры. Данный теоретический фундамент обеспечивает целостный анализ семантики и функциональных проявлений концепта в двух лингвистических системах, раскрывая механизмы формирования национальных картин мира.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые проводится комплексный сопоставительный анализ концепта «труд/мехнат» в русском и таджикском языках. Впервые исследуются национально-специфические особенности труда в рамках анализа лексикографических источников, паремиологического наследия и художественной литературы обеих культур. Кроме того, выявляются лингвокультурологические особенности концепта, раскрывается его роль в формировании языковой картины мира русской и таджикской лингвокультур, а также в описании его структурно-семантических и концептуальных характеристик. Исследование вносит вклад в развитие когнитивной лингвистики, углубляя понимание концепта «труд» в межкультурных рамках и расширяя методологическую базу сопоставительных исследований, изучающих языковую картину мира.

Положения, выносимые на защиту:

1. В русской и таджикской культурах «труд/мехнат» выступает как важнейший концепт, формирующий мировоззрение, обладающий многоуровневой когнитивной структурой, в которой семантика сочетается с оценочными элементами. При наличии сходных ценностных характеристик лексикографическое исследование позволяет выявить специфические культурные элементы, отличающие русский и таджикский языки.

2. Паремиологические и фразеологические единицы, включающие концепты «труд/мехнат», позволяют выявить специфику культурного восприятия труда в русской и таджикской языковых картинах мира.

3. В русском и таджикском языковом сознании концепт «труд/мехнат» тесно переплетается с историческими представлениями о физических нагрузках и трудностях, сформированными культурными традициями, религиозными верованиями, историческими событиями и социально-экономическими условиями. Труд рассматривается прежде всего как необходимая деятельность, направленная на удовлетворение практических и функциональных потребностей.

4. Сравнительный анализ русских и таджикских литературных произведений проливает свет на этнокультурную специфику представления концептов «труд»/«мехнат», что, в свою очередь, помогает выделить центральную роль этого концепта в формировании ценностных ориентиров в лингвистической и культурной сферах. Исследование подтверждает глубокие исторические корни данного концепта, свидетельствуя о том, что многовековые традиции труда прочно укоренились в исследуемых языковых культурах.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в лингвокультурологию и когнитивную лингвистику, раскрывая сложную ментальную структуру, лежащую в основе концептов «труд»/«мехнат» в русском и таджикском культурных сообществах, не только углубляя наше понимание того, как лингвистические единицы кодируют и формируют культурные ценности и мировоззрения, но и способствует дальнейшему развитию сравнительных исследований как в области межкультурной коммуникации, так и в этнолингвистике, определяя культурные особенности понятия труда в каждой языковой традиции. Анализ образцов паремиологического и фразеологического фондов позволяет в рамках данного исследования выявить культурно-специфические концептуализации труда, тем самым обеспечивая более глубокое понимание языковой картины мира и её взаимосвязи с традициями и ценностями. И что особенно примечательно, изучение образа труда в литературных произведениях позволяет по-новому взглянуть на то, как труд воспринимается и представляется в сознании носителей языка.

В методологическом плане диссертация представляет собой комплексный подход к анализу культурных концептов, объединяющий лингвистическую и культурологическую точки зрения, который может быть использован в дальнейших исследованиях языковых и культурных явлений, что усиливает теоретическую ценность исследования для лингвистики,

культурологии и междисциплинарных исследований концептуальных структур.

В связи с этим теоретически значимым является тот факт, что концепт «*труд /мехнат*», является универсальным концептом во всех языковых картинах мира и ярко отражается во всех лингвокультурах.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования её результатов в преподавании таких научных дисциплин как: когнитивная лингвистика, этнолингвистика, психоллингвистика, лексикография, лингвокультурология и др. Полученные результаты могут быть использованы при изучении других концептов и способствовать более глубокому пониманию национальных особенностей когнитивных структур таджикской и русской лингвокультуры.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность исследования обеспечивается теоретическим анализом, научным сопоставлением и сравнением, при этом на основе конкретных методологических принципов разработан разноплановый аналитический материал, соответствующий структуре, целям и задачам исследования.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Данное диссертационное исследование на тему «Репрезентация концептов «*труд/мехнат*» в русском и таджикском языках» соответствует утверждённому Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан шифру специальности 6.2.14. Типологическая и контрастивная лингвистика. Работа выполнена в русле исследований данной специальности, ориентированных на сопоставительный анализ двух и более языков, выявление их сходств и различий на различных языковых уровнях, а также на изучение лексических и семантических особенностей сопоставляемых языковых систем.

Личный вклад соискателя научной степени в исследование заключается в проведении обширного лексикографического анализа использования слов «*труд*» и «*мехнат*» в русском и таджикском языках с

целью выявления их семантических полей, синонимических моделей и коннотативных оттенков. Значительная часть работы заключалась в самостоятельном переводе примеров из произведений С. Айни, а также пословиц, поговорок и фразеологизмов, что позволило выявить культурные и стилистические особенности лексики, связанной с трудом, в обоих языках. Соискатель самостоятельно собрал, проанализировал и интерпретировал лингвистический материал, а также сформулировал как теоретическую основу, так и практические принципы, на которых основана диссертация.

Апробация и внедрение результатов. Основное содержание диссертации было представлено и обсуждалось в докладах и статьях на международных (2012–2025 гг.) и других региональных и республиканских научно-практических конференциях. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании кафедры общего языкознания и сравнительной типологии и кафедры перевода и межкультурной коммуникации Таджикского национального университета (протокол №6 от 20 января 2026 года).

Публикации по теме диссертации. Основные выводы диссертации отражены в 15 статьях, в том числе 4 статьи опубликованы в рецензируемых журналах ВАК при Президенте Республики Таджикистан, 1 статья в журналах, рецензируемых ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, 10 статей по теме исследования опубликованы в других научных журналах.

Структура и объём диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, рекомендаций по практическому использованию результатов исследования, приложения и библиографии, а её общий объём составляет 231 стандартные компьютерные страницы.

ГЛАВА I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ: СПЕЦИФИКА И ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Концептуальные основы языковой картины мира в современном языкознании: обзор исследований

Одним из центральных понятий современной лингвистики является «языковая картина мира», т.е. восприятие, организация и описание человеком окружающей действительности посредством языка. Она тесно связана с когнитивными и ментальными структурами, которые, в свою очередь, отражают реальность в системе знаков. Более широкая «концептуальная картина мира», напротив, отличается от языковой картины мира, поскольку последняя сводится к более конкретному проявлению мира, заключённому в уникальных грамматических и лексических структурах. В процессе коммуникации и мышления мы используем обе картины одновременно: концептуальная картина – это своего рода абстрактная модель, а языковая картина – средство, с помощью которого эта модель воплощается в языке.

Концептуальная картина мира предстаёт как проекция языковой картины, сформированная в соответствии с определёнными структурами и правилами данного языка. Ю. Д. Апресян пишет, что её можно рассматривать как наивную языковую картину мира, понимая как «отражённые в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [7, с.39].

Но концептуальная и языковая картины мира – это не одно и то же. Е.С. Яковлева писала «...слова не являются простыми отображителями своей «денотативной сферы», не выражают только то, что называют, но именно моделируют описываемую говорящим действительность, задают свои отношения в рамках того «жизненного контекста», в который они включены» [184, с. 14]. Ю.С. Степанов отмечает, что «язык – материальная форма овладения миром, форма всякой культуры» [152, с. 43]. Эти учёные говорят о

взаимодействии и взаимовлиянии этих двух картин, указывая на то, что ни одна из них не может заменить другую. Например, культурная модель не может полностью содержать языковые особенности, а лингвистическая картина – культурные аспекты.

Представленная Ю.Д. Апресяном «наивная картина мира» – это восприятие и понимание реальности носителями конкретного языка. «Наивная картина мира – это отражённые в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [7, с. 59]. Это обычные знания и опыт, передающиеся из поколения в поколение и состоящие из обычных представлений и категоризации мира, организованных в лексике конкретного языка

Взаимосвязь между концептуальной и языковой картинами мира заключается в том, что языковая картина отражает ключевые идеи, ценности и понятия, составляющие концептуальную картину. По выражению Е.С. Кубряковой «Языковая картина мира... рассматривается как важная составная часть общей концептуальной модели мира в голове человека, т.е. совокупности представлений и знаний человека о мире, интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира» [85, с. 169]. Концептуальная картина, таким образом, формирует языковую картину, которая сама способствует её построению, являясь основным инструментом передачи и конструирования знаний. Как отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, «картина мира» представляет собой «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [128, с.51].

Тем не менее, эти две картины не обязательно совпадают. Языковая картина более узкая по сравнению с концептуальной, последняя включает в

себя более широкий и разнообразный набор понятий и категорий, которые могут иметь, а могут и не иметь «культурную» рамку отсчёта.

Языковая картина мира выполняет две главные задачи. С одной стороны, она обозначает ключевые элементы концептуальной картины мира, помогая описать и уточнить понятия и идеи о реальности с помощью языка. С другой стороны, выражает концептуальную картину мира через язык, представляя ментальные образы с помощью вербальных средств, основываясь на общественно–историческом опыте и национально-культурном наследии, содержит знания о мире, закреплённые в лексике, фразеологии и грамматике языка, который помогает нам понимать и воспринимать мир, создавая общее видение реальности, служащее фундаментом для всех более специализированных картин мира.

На наш взгляд, понятие «картина мира» целесообразно рассматривать не как строго научный термин, а как многослойную и продуктивную метафору, показывающую, что человек сам формирует и осмысляет окружающий мир. Если следовать логике, что язык, культура и жизненный опыт делают мир упорядоченным и осмысленным, то это позволит нам выделить языковой и концептуальный уровни, находящиеся в тесной взаимосвязи: языковая картина мира, которая формируется в рамках конкретного языка и отражает «наивное» восприятие действительности посредством его лексики, грамматики и устойчивые образы и сравнения, помогающие нам понимать мир; и концептуальная картина мира, складывающаяся из опыта, научных знаний, искусства и культурных традиций. Языковая картина мира, как часть нашего общего понимания мира, вербализуется через язык и несёт на себе отпечаток культуры.

Взаимосвязь между «картиной мира» и «структурой лексики» остаётся предметом постоянного научного интереса. Исследования Ю.Н. Караулова, В.Н. Телия и других лингвистов подтверждают мысль о том, что единство отражённого материального мира в сознании носителей языка способствует отсутствию значительных расхождений в содержании, передаваемом в разных

языках. Сравнительный анализ языковых картин мира показывает, что, хотя основная физическая или концептуальная реальность остаётся неизменной, языки используют различные грамматические структуры и специфические для данной культуры метафоры для отображения этой реальности.

Например, один и тот же физический процесс движения солнца относительно горизонта отражается в разных языках с помощью различных формулировок: в русском языке используется «солнце всходит», в английском «the sun rises», а в таджикском «офтоб мебарояд, что буквально означает «солнце выходит». Несмотря на различия в грамматических конструкциях и конкретных метафорах, лежащее в основе физическое явление остаётся одинаковым. Аналогичным образом, абстрактные понятия, такие как течение времени, основаны на едином когнитивном восприятии движения: независимо от того, выражается ли это в русском языке как время идёт, в немецком *die Zeit vergeht* и французском *le temps passe* как «время проходит», фиксируется единое понимание времени как потока, даже если используются разные глаголы. То есть материальная и когнитивная основа опыта едина, а языки лишь по-разному её вербализуют.

Согласно Н.Д. Шведовой, структура языковой картины мира может быть описана как сложная схема с пирамидальной вершиной, от которой расходятся сегменты, организованные по принципу сужения. На вершине находится человек, от которого отходят две основные ветви: «человек, его деятельность и достижения» и «окружающая его среда». Это начальное разделение отражает восприятие человеком самого себя и окружающей его действительности. Далее эти ветви разветвляются на множество фрагментов, каждый из которых включает составные части, структурированные иерархически. Н.Д. Шведова в продолжение этой мысли пишет: «В любом случае для каждой из этих систем характерна семантическая дифференциация, направляющаяся от вершинного восхода к завершающим ступеням целостного построения» [181, с.5]. Таким образом, языковая картина мира

характеризуется множественностью уровней, фрагментарностью и сложной иерархической структурой.

Антропоцентризм лингвистики подтверждает В.А. Маслова, указывая, что под концептуальной картиной мира понимают «совокупность знаний о мире, которая приобретается в деятельности человека» [105, с.78].

В силу своего исторического развития и онтологической природы концепция «картина мира» не поддаётся однозначной и жёсткой терминологической фиксации. Как справедливо отмечают Н. А. Любимова и Е. В. Бузальская, её существование в научном дискурсе возможно лишь через «постоянное колебание между статусом понятия и термина», что свидетельствует о «её принципиальной нестабильности и многозначности» [100, с.42].

Мы разделяем точку зрения исследователей, которые связывают изменчивость интерпретации с антропоцентрической двойственностью картины мира, позволяющей рассматривать её одновременно и как результат человеческого познания и как продукт культуры, именно поэтому её сложная и многослойная природа не поддаётся строгим определениям, что делает её ограничение какими-то строго установленными рамками весьма трудной задачей, если не сказать невозможной.

Комплексный анализ показывает, что аналогичные характеристики присущи и другим фундаментальным категориям, устанавливающим концептуальную связь между когнитивными процессами человека и внешней реальностью, в том числе языковой личности, языковому сознанию, концепту и менталитету. Как и «картина мира», эти категории отличаются внутренней противоречивостью, семантической текучестью и полисемией, что исключает возможность выработки фиксированного и общепризнанного терминологического определения. Понимание этих явлений требует постоянного теоретического осмысления, междисциплинарной оценки и непрерывного совершенствования методов исследования в контексте современной научной мысли. Очевидно, что присущая им неоднозначность не

должна рассматриваться как недостаток, а как существенное качество, раскрывающее их сложную, многомерную природу и глубокую связь с культурными и интеллектуальными основами человеческого существования.

Таким образом, категории, связанные с осмыслением и восприятием языка и культуры, по своей сути являются сложными и многомерными. Среди них особого внимания заслуживает концепт, являющийся ключевым объектом исследования в когнитивной лингвистике. Именно концепт позволяет исследователям проследить, как люди структурируют и интерпретируют объективную реальность, а также выявить специфические особенности национальных языковых традиций.

1.2. Концепт как основная тема исследований когнитивной русской и таджикской лингвистики

Концепт является фундаментальным понятием в современных исследованиях когнитивной лингвистики и представляет собой базовую единицу ментальных моделей, с помощью которых человек организует и осмысливает окружающую действительность. В данном разделе мы рассмотрим, как концепт интерпретируется и изучается в рамках русской и таджикской языковых традиций. Анализируя общие и различающиеся аспекты концептуализации в этих двух языках, мы стремимся выявить особенности, связанные с культурными и историческими контекстами. Подход к исследованию концептов в русской и таджикской лингвистике позволяет углубить понимание взаимосвязи между языком, мышлением и культурой, а также осветить различные подходы и методы анализа, используемые учёными в этой области.

Понятие «концепт» в лингвистике не является новым явлением, его истоки восходят к средневековому концептуализму, основополагающие принципы которого были заложены такими выдающимися учёными, как Т. Гоббс, П. Абеляр и У. Оккам. В частности, П. Абеляр писал: «... когда мы говорим, что произнесённая речь обозначает нечто, то мы не хотим, чтобы это было понято так, будто мы приписываем тому, чего нет, некую форму,

которую мы называем значением, но скорее понятие, извлечённое из произнесённой речи, мы воспринимаем как концепт в душе слушателя» [112, с. 119]. То есть в рамках концептуализма концепты рассматривались как универсальные когнитивные конструкции, создаваемые разумом для внутреннего использования, способствующие обобщению свойств объектов и заключающие в себе семантически значимую информацию. С развитием когнитивных парадигм в психологии и лингвистике и появлением специализированных областей, таких как когнитивная психология, психолингвистика и когнитивная лингвистика, понятие «концепт» стало приобретать всё большее теоретическое значение.

В когнитивной лингвистике этот термин был впервые введён в 1928 году выдающимся лингвистом С. А. Аскольдовым-Алексеевым, чья фундаментальная работа «Понятие и слово» положила начало новой исследовательской траектории в когнитивной и культурной лингвистике (лингвокультурологии) в рамках советской лингвистической традиции. Согласно Аскольдову-Алексееву, «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [цит. по 85, с. 30].

Концепция С.А. Аскольдова-Алексеева получила поддержку от ряда лингвистов, включая Д. С. Лихачёва, отмечавшего «Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека...» [99, с.5].

Исследования концепта в лингвокультурологии опираются на внушительный теоретический фундамент, заложенный такими учёными, как Н. Д. Арутюнова, З. Х. Бижева, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачёв, В. И. Карасик, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов, В. Н. Телия и др., которые считают, что концепт является ментальной единицей, сформированной в результате взаимодействия социального опыта, национальных традиций и культурных ценностей.

Однако, несмотря на то что концепт прочно утвердился как ключевая категория лингвокультурологии, его интерпретации различаются. Мы видим разнообразие определений и подходов, и, как нам кажется, в этой многогранности заключается не слабость, а, наоборот, сила концепта как исследовательского инструмента для изучения пересечения языка, мышления и культуры.

Н. Д. Арутюнова рассматривает «понятия практической (обыденной) философии, возникающие в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и система ценностей» [11, с. 3-6]. З. Х. Бижева видит в нём идеальную сущность, «... сохранение семантического синкретизма значений корня ... встроенность в систему идеальных компонентов данной культуры» [22, с. 14]. А. Вежицкая в своих многочисленных работах описывает концепт как объект идеального мира, «объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определённые культурно-обусловленные представления человека о мире «Действительность» [34, с. 549]. С. Г. Воркачѳв фокусируется на его этнокультурном измерении, указывая на корреляцию между семантическими единицами и языковой личностью как носителем национального менталитета, считая, что «единственным *raison d'être* терминологизации лексемы «концепт» является потребность в этнокультурной авторизации семантических единиц – соотнесении их с языковой личностью» [45, с. 51].

В. И. Карасик даёт наиболее систематическое определение, описывая концепты «в виде культурных концептов, т.е. многомерных, культурно-значимых социопсихических образований в коллективном сознании, опредмеченных в той или иной языковой форме» [72, с. 98]. Вместе с Г. Г. Слышкиным он вводит модель «концепт – язык – сознание – концепт» для объяснения взаимодействия языка и культуры, в которой сознание выступает сферой существования концепта, сам концепт возникает как ментальное отражение культуры, а язык и речь способствуют его материализации. Они

говорят о том, «Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц ... акцентуацией ценностного элемента. ... В составе лингвокультурного концепта можно выделить ценностный, образный ... и понятийный (фактуальный) компоненты. ... Сознание – это область пребывания концепта, культура детерминирует концепт ..., язык – это сфера, в которой лингвокультурный концепт опредмечивается» [73, с. 13-14]. Г. В. Токарев с культурно-семиотической точки зрения интерпретирует концепт как эволюционирующий элемент концептосферы, «исторически развивающуюся часть концептосферы», глобальную многомерную единицу ментального уровня, сформированную историческим опытом и выраженную через «разнообразие типов знаковых репрезентаций» [164, с. 34–41; 56–58]. По мнению В. А. Масловой концепт – сложная, многогранная когнитивная единица, объединяющая основное семантическое значение и оценочные суждения наряду с субъективным отношением человека к обозначенному объекту. Она считает, что «культура в таком понимании – это совокупность абсолютных ценностей, создаваемых человеком, это выражение человеческих отношений в предметах, поступках, словах, которым люди придают значение, т.е. система ценностей – это одна из важнейших сторон культуры» [104, с. 23], концепт состоит из нескольких взаимосвязанных уровней: универсального (общечеловеческого), национально–культурного, социального, группового и индивидуально–личного (сформированного в результате образования, воспитания, опыта и психологических особенностей), каждый из которых отражает уникальное измерение человеческого опыта.

На наш взгляд, приведённые выше мнения учёных демонстрируют, что концепт функционирует как сложный, динамичный и многоуровневый инструмент для анализа национальных мировоззрений и исследования культурных моделей восприятия реальности.

Когнитивная лингвистика рассматривает концепт как динамическую и многомерную единицу смысла, которая выступает в качестве ключевой аналитической категории в лингвокультурологии, раскрывая, как язык

кодирует культурный опыт и формирует национальные картины мира. Будучи междисциплинарной областью на стыке психологии, лингвистики и философии, данное направление изучает, каким образом язык отражает и структурирует когнитивные процессы. При этом активно интегрируя достижения смежных дисциплин и постоянно совершенствуя свои подходы к рассмотрению языка как инструмента познания.

Становление когнитивной лингвистики и лингвокультурологии в Республике Таджикистан относится к началу XXI века и связано с новым этапом развития отечественной лингвистической науки. Несмотря на сравнительную новизну, это направление быстро заняло заметное место в отечественной лингвистике, став одним из наиболее перспективных и динамично развивающихся. Уже на раннем этапе таджикские исследователи обратились к методологии концептуального анализа, открывающей возможности для комплексного изучения взаимосвязей языка, мышления и культуры.

Такая методологическая установка имеет принципиальное значение, поскольку позволяет рассматривать язык не как замкнутую систему знаков, а как когнитивный инструмент, посредством которого структурируется человеческий опыт. Учёных прежде всего интересует не только то, как используется язык, но и то, как язык формирует восприятие, мышление и культурную идентичность. Несмотря на свою относительно короткую историю, таджикская когнитивная лингвистика уже продемонстрировала значительные достижения, подтверждающие высокий научный потенциал этой дисциплины.

Мы считаем, что развитие когнитивной лингвистики в Таджикистане выходит за рамки внутриязыкового феномена: оно отражает более широкий процесс систематизации знаний, объединяющей язык, мышление и культуру и углубляет понимание механизмов когнитивного формирования знания и его культурной передачи. Исследования таджикских учёных показывают, что анализ концептов в рамках когнитивно-лингвистических и

лингвокультурологических перспектив не только углубляет наше понимание природы языка, но и приближает нас к пониманию ментальной организации человеческого опыта, и когнитивная лингвистика постепенно укрепляет свои позиции в качестве междисциплинарной области гуманитарных наук.

В рамках когнитивного подхода человек рассматривается как центральный объект анализа, поскольку именно сознание, мышление и чувственное восприятие порождают концепты. Когнитивная парадигма напрямую зависит от развития логического мышления, способности человека к абстрагированию и интерпретации как конкретной, так и абстрактной реальности.

Значительный вклад в развитие таджикской когнитивной лингвистики внесли такие учёные, как М. Б. Нагзибекова, Д. Искандарова, С. К. Матробиён, М. Давлатмирова, З. Дж. Мирзоева, С. С. Рахими, З. Гулов, Н. Ю. Каримова, а также М. Мамедов, Р. Наджмидиниён, М. М. Имомзода, Д. Х. Ахмедов, Н. К. Бойматова, Ш. К. Фозилова, Х. Х. Курбанова, Н. Б. Рахронова и другие. Их исследования не только расширили теоретические горизонты когнитивной лингвистики в Таджикистане, но и привели к конкретным аналитическим результатам, подтвердившим её эвристическую ценность.

Ряд защищённых диссертаций свидетельствует о глубине и широте этого научного направления. Таджикские исследователи сосредоточились на таких культурно значимых концептах, как «дил / сердце» (М. Махмурзода), «мухаббат / любовь» (Д. Азиззода), «оида / семья» (М. Имомзода), «нон / хлеб» (З. Мирзоева), «сабр / терпение» (Х. Курбанова), «зебои / красота» (Н. Бойматова), «кисмат / судьба» (М. Давлатмирова) и других. Эти исследования, сочетающие методологию концептуального анализа с богатым материалом таджикского и русского (а в некоторых случаях и немецкого – как в работе М. М. Мирзоева о концепте «буй / запах»), не только обогатили национальную науку, но и заложили прочную основу для межкультурных сопоставительных исследований.

Анализируя эту тенденцию, можно утверждать, что мировые теоретические идеи в области когнитивной лингвистики находят своё отражение и гармонично сочетаются с национальными научными традициями Таджикистана. Адаптация когнитивной методологии к таджикскому лингвокультурологическому контексту дала значительные результаты в описании концептуальной структуры языка и открыла новые перспективы для исследований на стыке культур. В будущем это направление, основанное на концептуальном анализе и межъязыковом сопоставлении, может стать центральным в изучении национальной языковой картины мира, обеспечивая её глубокое и многомерное понимание.

Ряд полевых исследований в области когнитивной лингвистики в совокупности с предыдущими положениями устанавливают, что концепт функционирует как сложное многослойное образование. В исследованиях по этнолингвистике таджикский учёный С. К. Матробиён обращается к когнитивной проблематике и отмечает, что «с проблемой когнитивистики непосредственно связаны такие вопросы, как на каком уровне, через какие средства и в какой форме происходит передача культурной информации в данном обществе или нации на их языке, который отражает жизненный мир и положение человека в нём» [107, с.27–31].

С. К. Матробиён и М. Махмудзода в своей научной статье исследовали трудности, возникающие при изучении концептов и концептуальных исследований с позиций когнитивной лингвистики применительно к таджикскому языку. По мнению авторов, во многих словарях термин «концепт» определяется как «понятие, мысль, идея, общее значение или общее представление». «Термин «концепт» рассматривается в рамках логических наук, математики, лингвокультурологии и когнитивистики, в то время как «понятие» изучается в основном в логике и философии. Концепт включает в себя знания, мысли, мнения, предположения и идеи об объектах мира. Таким образом, термин «концепт» в таджикском языке нельзя просто приравнять к «понятию» или свести к «общей идее», поскольку он представляет собой

отдельный термин, используемый в определенном контексте. Более того, хотя фразы «общее понятие» или «общее значение, идея» частично отражают суть понятия «концепт», они не могут полностью передать всю его сложность» [107, с.27–31].

По общему признанию, одним из передовых направлений в таджикской лингвистике, связанных с изучением концептов, является сопоставительный анализ концептуальных структур в рамках взаимодействия языка и культуры. Особое значение имеет исследование фразеологических выражений и культурно–специфических особенностей таджикского народа, проводимое на основе изучения паремий (поговорок и пословиц) и афоризмов.

В исследовании «Концепт «измена» в русском и таджикском языках» (2016) С.С. Рахими [136] проводит лингвокультурологический анализ, сочетая традиционные лингвистические методы с психолингвистическими экспериментами. Основными методами являются описательный анализ, концептуальный анализ, сопоставительный метод, компонентный (семный) анализ и анализ словарных дефиниций, которые позволяют выявить основные и периферийные значения концепта. Структурный анализ изучает отношения между элементами концепта, а статистическая обработка данных фиксирует частоту ассоциативных связей. Психолингвистические методы включают свободный ассоциативный эксперимент, выявляющий спонтанные языковые реакции, и рецептивный эксперимент, оценивающий понимание концепта через формулировку определения, подбор синонимов и визуализацию. Исследование демонстрирует эффективность интеграции классического и экспериментального подходов в анализе сложных концептов.

Заметным вкладом в эту область является исследование М.М. Имомзода [65] «Национальная специфика языковой объективации концепта «семья» в лексико-фразеологической и паремиологической системах таджикского и китайского языков» (2018), в котором впервые в таджикской лингвистике представлен анализ концепта «семья» в рамках таджикско-китайской концептосферы. Исследование отличается применением семантико-

когнитивного анализа, позволяющего автору не только системно описать содержание и структуру концепта, но и определить взаимодействие его универсальных и этноспецифических характеристик.

Концепт «семья» имеет большое культурное значение, поэтому его изучение особенно актуально в контексте межкультурной коммуникации. Особое внимание уделяется языковой объективации концепта в обоих языках: исследование не ограничивается семантическим анализом, а охватывает разнообразные языковые средства, используемые для его выражения.

М.Б. Давлатмирова [52] в исследовании «Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта «судьба» (на материале таджикского, арабского и шугнано–рушанской группы языков)» (2019) проводит всесторонний сопоставительный анализ макроконцепта «судьба» в трёх различных лингвокультурных пространствах. Её исследование помогает выявить семантическую структуру, когнитивные атрибуты и культурные интерпретации этого фундаментального понятия, внося тем самым вклад в более широкую область когнитивной лингвистики и сравнительных концептуальных исследований.

В своей диссертации «Концепт богатство в английской, русской и таджикской культурах (на материале фразеологических выражений, пословиц и поговорок)» (2019) Ш.К. Фазилова [170] проводит первый в отечественной лингвистике комплексный сопоставительный анализ паремий, репрезентирующих концепт «богатство» в этих трёх языках. В исследовании концепт «богатство» рассматривается как многогранный лингвокультурный и когнитивный феномен, вписывающийся в такие широкие рамки, как «мировоззрение», «языковая картина мира», социум и культура. Особое внимание уделяется отличительным культурным традициям, когнитивным моделям и языковой среде каждой этнической группы, которые в совокупности формируют концептосферу общества; подробно изучаются структура, основные принципы и внутренняя логика коллективного языкового

сознания, а также социальные и когнитивные факторы, которые определяют эти связи.

Исследование М.Д. Мамедовой [102] представляет собой лингвокультурологический анализ концепта «ум» в русской и китайской языковых картинах мира. В исследовании используется методологическая схема, объединяющая фразеологический и паремиологический анализ для выявления культурно–специфических репрезентаций данного концепта. Благодаря контрастивному подходу в исследовании освещаются ключевые принципы когнитивной лингвистики, примечательным аспектом данной работы является её двойная направленность: помимо анализа концепта ум, в ней также исследуется его концептуальный антоним, «глупость». Такой двунаправленный анализ позволяет глубже понять оценочные и аксиологические измерения, связанные с интеллектуальными способностями в обоих культурных контекстах.

В своём исследовании концепта «красота» в таджикской и английской лингвокультурах Н. К. Бойматова [25] применяет комплексный подход к изучению языковых репрезентаций эстетических категорий. Интегрируя традиционные сопоставительные и описательные методы с современными лингвокогнитивными методиками, автор эффективно раскрывает как универсальные когнитивные модели, так и культурно-специфические аспекты концептуализации красоты. Примечательно, что в исследовании используется многоуровневая аналитическая схема, включающая дефиниционный анализ для выявления основных семантических признаков, контекстуальный анализ ассоциативных связей, паремиологическое исследование культурных коннотаций и углублённое изучение семантической структуры ключевых лексем. Такая многоаспектная методология, опирающаяся на теоретические основы таджикской, русской и западной лингвистической науки, демонстрирует обоснованность выбранного исследовательского подхода и представляет собой ценную модель для дальнейших сопоставительных исследований концептуальных структур.

В исследовании лексико-семантического поля «horse/асп» в английском и таджикском языках Х.Х. Мирзоев [109] проводит комплексный анализ данной зоонимической категории, его исследование выделяется применением современных лингвокультурологических и когнитивных подходов. Рассматривая данное лексическое поле как концептуальную структуру, исследование выявляет, как оно отражает особенности языковой картины мира в обоих языках. Такой подход, объединяющий традиционный семантический анализ с когнитивно-ориентированными методами, позволяет по-новому взглянуть на сопоставление основных смысловых сфер в разноструктурных языках.

В исследовании психолингвистических характеристик концепта «бўй» («запах») в таджикском и немецком языках М.М. Бобоев [24] использует комплексную методологическую базу, позволяющую провести глубокий анализ этого концепта. Исследование сочетает традиционные лингвистические подходы, такие как типологический, лексический, этимологический, дистрибутивный и лексико-семантический анализ, с психолингвистическими методами, включая статистическую обработку и когнитивную интерпретацию. Особое внимание уделяется компонентному анализу, который позволяет выявить структурные особенности концепта и проследить функциональные связи в языке.

Х.Х. Курбонова [93] проводит сопоставительный анализ концепта «терпение» в таджикской и русской лингвокультурах. В исследовании используется разносторонняя методологическая база, объединяющая традиционные и современные подходы. Этимологический анализ позволяет проследить историческое развитие концепта, а компонентный анализ выявляет его семантическую структуру. Когнитивная интерпретация текста раскрывает глубинные смысловые связи, а сочетание описательных и когнитивных методов обеспечивает системность исследования. Сравнительный анализ и классификация помогают упорядочить данные, а лингвокультурологический подход, основанный на идеях В.И. Карасика,

соединяет языковой и культурное измерения. Контекстуальный анализ выявляет функции языковых единиц, а эмпирическая проверка проводится с использованием статистических методов и свободных ассоциативных экспериментов. Такой комплексный, многоуровневый подход повышает объективность и глубину анализа лингвистических концептов.

Исследования, посвящённые механизмам концептуализации в разных языках, связи между языком и культурной идентичностью, совершенствованию сравнительной методологии и выявлению национальных особенностей в языковой картине мира, вносят значительный вклад в таджикскую лингвистику. Их результаты важны и когнитивной лингвистики, и для межкультурной коммуникации, поскольку показывают как универсальные закономерности, так и культурные различия в концептуальных системах. В совокупности эти работы представляют собой существенное достижение таджикских лингвистических и культурологических исследований, поскольку демонстрируют эффективность семантико-когнитивного подхода в выявлении общих моделей мышления и специфических культурных концептов, а лексикографический анализ помогает исследователям понять семантическое содержание и внутреннюю структуру концептов в разных языках. Современные исследования свидетельствуют о заметном прогрессе в таджикской лингвистике, поскольку растущее внимание к концептуальным вопросам в последнее десятилетие (Бобоев, Курбонова, Мирзоева и др.) указывает на формирование самостоятельной научной традиции, которая интегрирует классические лингвистические методы с инновационными когнитивными подходами, сочетает качественный и количественный анализ (ассоциативные эксперименты, корпусные исследования) и развивает межъязыковую концептографию. В то же время работа таджикских учёных характеризуется эмпирическим подтверждением лингвистической относительности на материале разноструктурных языков, разработкой модели лингвокультурной

концептосферы и уточнением параметров межкультурной концептуальной эквивалентности.

Соглашаясь с мнением отечественных учёных о том, что термин «концепт» в таджикском языке не является синонимом более узких терминов «понятие» или «слово», поскольку представляет собой сложное и многомерное явление, выходящее за рамки простых лексических определений, мы считаем, что его всестороннее изучение обязательно требует междисциплинарного подхода, ибо присущая ему неоднозначность, которую следует рассматривать не как ограничение, а как существенную особенность явления, является весомым аргументом в пользу активизации когнитивных и лингвокультурных исследований, позволяя точнее определить и глубже понять сложные взаимосвязи между языком, мышлением и культурой.

Современные исследования в области когнитивной лингвистики, посвящённые изучению концептов, значительно расширили наше понимание взаимодействия языка и мышления. Развитие концептуального анализа убедительно продемонстрировало, что язык не ограничивается функцией обозначения; он участвует в формировании когнитивных схем, с помощью которых люди воспринимают, интерпретируют и упорядочивают окружающую реальность. На наш взгляд, это одно из ключевых достижений когнитивной парадигмы, раскрывающей скрытые механизмы понимания мира, которые традиционная лингвистика фиксировала лишь частично.

Особое значение придаётся идее о том, что концепты отражают обусловленные культурой способы восприятия, и именно через них мы можем проследить, как язык и культура взаимодействуют в процессе познания. Мы считаем это сильной стороной концептуального анализа, позволяющего изучать не только семантическую структуру слова, но и более глубокие процессы, например, как носители языка мыслят, какие ценности исповедуют и какие культурные модели формируют их интерпретацию событий. Поэтому понятие «концепт» по праву занимает центральное место в гуманитарных науках. Оно позволяет описать многослойную природу человеческого опыта,

охватывающую знания, эмоции, ценности и культурные сценарии. С нашей точки зрения, концепт является наиболее точным инструментом для анализа тех когнитивных механизмов, которые лежат в основе познания и способов взаимодействия человека с окружающим миром.

Исследование концептов позволяет нам понять, как люди интерпретируют реальность, опираясь на лингвистические и культурные модели. В ходе исследования мы всё больше убеждаемся в том, что концептуальный подход позволяет выйти за рамки анализа словарных значений и приблизиться к пониманию ментальных структур, которые формируют сознание, что особенно важно для межкультурных исследований, где даже незначительные различия в концептуализации могут изменить характер коммуникации и смысл культурного взаимодействия.

Конечно, основы концептуального подхода были заложены в классических работах С. А. Аскольдова-Алексеева, Д. С. Лихачева, А. Вержбицкой и других учёных, исследования которых убедительно продемонстрировали, что концепт является особой когнитивной единицей, выходящей далеко за пределы лексического значения и охватывающей культурно значимые способы интерпретации мира. В современной когнитивной лингвистике эта идея получила дальнейшее развитие: концепт понимается как многомерная конструкция, интегрирующая лингвистический, когнитивный и культурный уровни анализа.

По нашему мнению, концептуальный подход является не просто удобным аналитическим инструментом, но и методологией, которая приближает нас к пониманию того, как язык становится носителем культурной памяти, как знания передаются и консолидируются в коллективном сознании, как формируются различия в национальных картинах мира. Мы полагаем, что именно через концепт раскрывается специфический способ восприятия мира, характерный для того или иного языкового сообщества.

Сформированная теоретическая база получает убедительное подтверждение в таджикской научной традиции, где значительный вклад

внесли такие исследователи, как М. Б. Нагзибекова, М. М. Махмудзода, С. К. Матробиён, М. Давлатмирова, З. Дж. Мирзоева и другие. Их работы показывают, что концепт не может быть сведён к простому понятию или отдельной лексической единице; скорее, его следует рассматривать как многомерную конструкцию, возникающую на стыке лингвистических, когнитивных и культурных процессов.

Анализ культурно значимых концептов «семья», «судьба», «любовь», «богатство», «красота» показывает, что сочетание традиционных филологических методов с современными когнитивными и лингвокультурологическими подходами позволяет раскрыть более глубокие механизмы концептуализации. Проведённые таджикскими учёными исследования расширяют эмпирическую базу таджикской лингвистики и подтверждают эффективность концептуального анализа в изучении национальной языковой картины мира.

Поступательное развитие гуманитарных наук и стремление к более глубокому пониманию когнитивных процессов делают концептуальные исследования особенно актуальными: они помогают описать механизмы, связывающие человека с окружающей средой, и понять, как знания формируются и передаются внутри культурного сообщества.

Следовательно, концептуальный анализ обладает высокой теоретической ценностью и служит надёжной основой для исследования человеческого познания, коммуникации и культурной идентичности. Подтвердив свою эффективность в ходе данной диссертации, такой подход мы рассматриваем как ключевой инструмент для анализа семантических и когнитивных особенностей концепта «труд»/ «мехнат» в русской и таджикской языковых картинах мира.

1.2.1. Влияние когнитивных процессов на язык: концептуализация, категоризация и концептосфера

В современной лингвистике всё больше внимания уделяется исследованию того, как мышление влияет на язык. Такие термины, как

«концептуализация», «категоризация» и «концептосфера», иллюстрируют сложное взаимодействие между человеческим познанием, языковыми структурами и окружающей средой. Е.С. Кубрякова пишет «Концептуализация – это процесс осмысления поступающей информации, её категориального структурирования и выделения единиц концептуального уровня, т.е. концептов» [89, с.14]. Концептуализация относится к процессу создания знаний и идей о мире, охватывающему как внутреннюю сферу мыслей человека, так и его воображение. В его основе лежат концепции, которые являются фундаментальными строительными блоками человеческого опыта и организованного знания, формирующего наше мышление. Как отмечают З.Д. Попова и И.А. Стернин, концепты «позволяют осмысливать мир и генерировать новое знание», наполняя его смыслом [127, с. 22].

Категоризация, с другой стороны, включает организацию и структурирование информации посредством процесса группировки похожих или эквивалентных элементов. Это не только помогает нам осмыслить огромные объёмы информации, но и облегчает понимание. Категоризация не только структурирует окружающий нас мир, но и является неотъемлемой частью языка. Она позволяет нам выделять основные семантические единицы и создавать из них более сложные понятия.

Концептуальная сфера – это своеобразная «система знаний», характерная для определенной языковой культуры, состоящая из идей, концептов и понятий. Наше восприятие мира формируется историей, культурой и различными другими факторами. Каждая культура имеет свой собственный уникальный способ видения мира, основанный на сочетании различных аспектов. В этой статье мы рассмотрим, как лингвисты используют такие понятия, как «концептуализация», «категоризация» и «концептосфера», чтобы понять, как люди организуют и интерпретируют свою реальность.

По мнению Н. А. Бесединой, «глубинным принципом рассматриваемого метода является принцип причинно-следственного взаимодействия концептуализации и репрезентации в процессе функционирования языка как

динамической системы, находящейся во взаимодействии с другими когнитивными структурами» [21, с. 84–85]. Существование этой концептуальной системы в мозге человека подтверждено многими учёными. Как отмечает Н. Н. Болдырев, концепт представляет собой сложную, многомерную структуру, включающую «понятийный, образный, оценочный и другие компоненты, которые формируются и актуализируются в процессе познания и вербализации» [28, с. 189]. Например, понятие «работа» связано с такими понятиями, как «труд», «доход», «истощение», «удовлетворённость», «творчество», «ответственность», «профессионализм» и другими. Эти понятия тесно связаны между собой, формируя в нашем сознании определённое мировоззрение, которое отражает наше восприятие труда и работы.

Таким образом, когнитивное структурирование концепта труд/мехнат в сознании носителей русского и таджикского языков создаёт различные «ментальные карты», в которых центральные концепты и их взаимосвязи отражают культурно сформированные ценности. В русском языке эти связи указывают на контраст между обязанностью и усталостью (например, «труд» → «усталость», но также «труд» → «творчество»), а в таджикском – баланс между усилиями и достатком («мехнат» → «ризки ҳалол», «мехнат» → «шараф»).

Для анализа когнитивных структур понятий «труд» и «мехнат» в русском и таджикском языках была использована комбинированная методология. Этот подход включал количественный корпусный анализ, семантическое картирование и контекстуальный анализ. В исследовании использовался Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и Национальный корпус таджикского (НКТЯ). Анализ проводился в три этапа:

Когнитивные структуры концептов «труд» и «мехнат» были проанализированы с помощью трёхэтапного методического подхода. На первом этапе проводилась автоматическая и ручная сплошная выборка контекстов с целевыми лексемами. На втором этапе проводился

семантический анализ словосочетаний и метафор для выявления устойчивых ассоциаций (например, «труд» связывается с «долгом» и «усталостью», «мехнат» – с «шараф» (честь) и «ризқи ҳалол» (честный заработок)). На третьем этапе проводилось группирование лексических единиц с последующим определением их относительной частоты. Данный подход позволил получить обобщённые данные о концептуальных структурах: было проанализировано около 1200 контекстов для русского слова «труд» (более 95 000 употреблений) и 950 контекстов для таджикского слова «мехнат» (более 18 000 употреблений). Распределение слов по жанрам выявило различия в их использовании: «труд» чаще всего встречался в русской художественной литературе (47 %), журналистике (32 %) и научных текстах (21 %), а «мехнат» – в таджикской художественной литературе (52 %), журналистике (28 %) и научных или официальных текстах (20 %). Результаты были представлены в виде диаграмм.

Диаграмма 1. Частотное распределение ассоциативных связей в русском языке

Диаграмма 2. Частотное распределение ассоциативных связей в таджикском языке

Другим важным когнитивным процессом является категоризация, которая опирается на категории – ментальные структуры, в которые мы группируем схожие объекты или явления. Е. С. Кубрякова определяет категорию в своём «Кратком словаре когнитивных терминов» как способ мышления, позволяющий нам обобщать и классифицировать опыт как «процесс отнесения познаваемого объекта к определённой категории, т.е. к классу объектов, обладающих общими свойствами» [89, с. 42–45]. Например, мы классифицируем виды деятельности по таким категориям, как физический труд, интеллектуальный труд, творческий труд и т. д. Этот процесс помогает нам организовать информацию о мире и делает её более доступной для понимания. Категоризация – это процесс деления всех окружающих нас вещей, событий и идей на группы по их основным признакам, позволяющий сделать мир более понятным и организованным. Мы также можем классифицировать животных по видам (млекопитающие, птицы, рептилии), одежду по назначению (верхняя одежда, обувь, аксессуары) или книги по жанрам (художественная литература, детективы, классика).

Категоризация концепта «труд/мехнат» в русском и таджикском языках выявляет как универсальные когнитивные структуры, так и культурно–обусловленные особенности. Структурно концепт состоит из ядра и периферии, причём каждый элемент вносит свой вклад в его значение в языковых картинах мира обоих языков.

Ядро концепта включает в себя фундаментальные смыслы, которые сразу же возникают при употреблении терминов «труд» или «мехнат». Как в русском, так и в таджикском языках это ядро включает следующие элементы: а) физический труд; б) профессиональная деятельность; в) целенаправленное усилие, направленное на достижение цели.

Периферия, напротив, вводит культурно-специфические ассоциации. Хотя оба языка разделяют такие периферийные понятия, как **терпение, добросовестность, целеустремлённость и настойчивость**, их интерпретации значительно расходятся в связи с культурно–историческим контекстом.

В русском языковом сознании понятие труда отличается двойственностью, хотя положительный аспект остаётся преобладающим. Большинство паремий восхваляют труд как основу жизни, успеха и нравственной чистоты: *«Землю солнце красит, а человека – труд»*, *«Будешь упорно трудиться – будет хлеб в закромах водиться»*, *«честный труд»*. Напротив, отрицательные формулировки, такие как *«Работа не волк – в лес не убежит»*, *«От работы не будешь богат, а будешь горбат»*, носят вторичный, защитный характер. Они функционируют не столько как строгие противоположности, сколько как иронические комментарии и протест против эксплуатации, возникающие именно тогда, когда труд перестаёт быть добровольным и честным, превращаясь в навязанную обузу.

Подобная двойкость, а не жёсткая полярность, глубоко укоренилась в историческом опыте: в эпоху крепостного права труд был позорным и бесчестным, а в советское время одновременно прославлялся в идеологическом поле, а на деле часто был принудительным. Отсюда и

постоянное напряжение: труд почитается, поскольку он «честный» и «свой», но легко превращается в проклятие, когда становится «чужим».

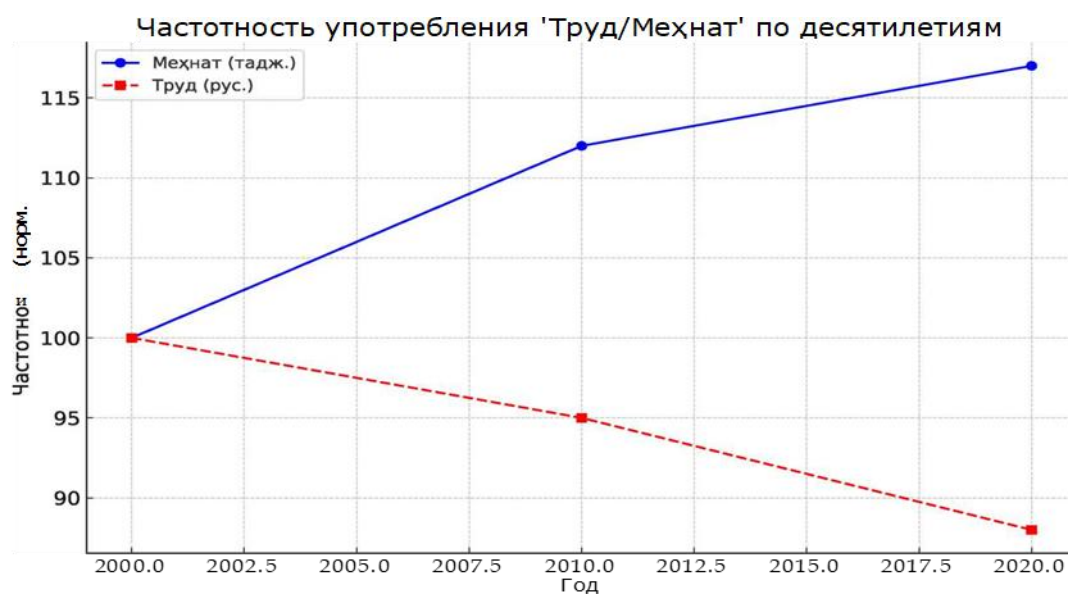
В таджикском языковом сознании, напротив, слово «мехнат» практически лишено негативных оттенков. Его семантическое поле преимущественно положительное: труд рассматривается как основа жизни, нравственной целостности, процветания и божественного благословения. Такие широко употребляемые паремии, как «*Мехнат – асоси зиндагӣ*», «*Ҳар кас аз меҳнати худ роҳат мебинад*», «*меҳнати ҳалол*», ярко отражают отмеченный выше позитивный образ труда в таджикском языке. Даже тяжёлый физический труд не рассматривается как страдание, а скорее, как почётный путь к достоинству (шарафу) и благословию (баракату).

Таким образом, различие заключается в степени амбивалентности: в русской культуре труд может быть и благословением, и проклятием в зависимости от социальных условий, тогда как в таджикской культуре труд (*меҳнат*) остаётся благом почти безусловно, потому что исторически он был семейным, общинным, религиозно освящённым и никогда не ассоциировался с систематическим бесчестием и принуждением.

Для анализа диахронической динамики ключевых лексем «труд» и «мехнат» был проведён корпусный анализ с использованием Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [<https://ruscorpora.ru/>] и Национального корпуса таджикского языка НКТЯ [<https://tajik-corpus.org/>]. В ходе исследования были проанализированы тексты различных жанров, включая художественную литературу, журналистику и научные статьи, за период с 2000 по 2020 год.

В ходе анализа целевых лексем был проведён расчёт частотности для каждого десятилетия в рамках исследуемого периода, относительной частотности каждой лексемы на миллион токенов слов, затем была сопоставлена динамика обеих лексем с целью выявления сходств и различий. Результаты этого анализа представлены на рисунке 1.

Рисунок 1. Частота использования лексем «труд» (русский язык) и «мехнат» (таджикский язык) по десятилетиям (2000–2020 гг.)

Когнитивно-семантический подход в первую очередь направлен на изучение исторического развития концепций, воплощающих социально значимые аспекты человеческого существования. Концепт «труд», наряду с его таджикским эквивалентом «мехнат», выходит за рамки своего лексического определения, функционируя как культурная и аксиологическая категория, которая определяет моральные принципы и мировоззренческие ориентации сообщества. Анализ динамики употребления этих концептов в современном русском и таджикском языках помогает выявить изменения в культурных установках, экономических приоритетах и коллективном понимании труда как одной из основных человеческих ценностей.

Количественные данные демонстрируют различные тенденции частотности между двумя языками: в русскоязычных текстах частота использования лексемы «труд» снизилась примерно на 12% в период с 2000 по 2020 год. Напротив, в таджикоязычных источниках лексема «мехнат» продемонстрировала устойчивый рост более чем на 15% за тот же период.

Контраст в динамике частотности отражает глубокие социокультурные преобразования, а не просто лингвистические различия. На наш взгляд,

снижение значимости концепта «труд» в русском языке связано с переходом к более прагматичным понятиям, таким как «работа», «занятость», «карьера» и «подработка», определяющим труд в утилитарном, экономическом и функциональном ключе, отражая сдвиг общества от идеала коллективизма к индивидуализму и материальному благополучию, дающему относительную свободу.

В таджикском культурном контексте «мехнат» сохраняет статус фундаментальной этической категории. Он понимается как признак духовной зрелости, нравственной честности и личного достоинства. Укоренённый в народной мудрости и поэтической традиции, труд изображается как источник внутренней стойкости, чести и гармонии. В современном употреблении его значение усиливается благодаря сфере образования, государственным и общественным институтам: в юридических, педагогических, официально-деловых, публицистических и культурных текстах «мехнат» выступает как ключевое понятие, объединяющее представления о долге, справедливости и созидательной деятельности.

Растущая частотность употребления слова «мехнат» отражает переоценку национальных ценностей в Таджикистане после обретения государственной Независимости. В результате падения советских идеологических барьеров открылся путь к возрождению ценностей наших предков. Теперь труд считается не просто обязанностью, а человеческим и нравственным долгом, а также главным фактором стабильности и прогресса общества. В результате «мехнат» вновь приобрёл культурное значение, став символом национального достоинства и духовного обновления.

Сравнение лексем «*труд*» и «*мехнат*» наглядно показывают, насколько тесно язык связан с культурой в формировании ценностных категорий. В русском языке слово «труд» постепенно утрачивает прежнюю значимость, наблюдается постепенное сокращение его использования в возвышенном значении и всё чаще он воспринимается в прагматическом аспекте как необходимость, а не как моральный долг. В таджикском языке «мехнат»,

напротив, сохраняет своё этическое и коллективистское содержание, воплощая идеалы честности, ответственности перед обществом и общего блага.

Пословицы и поговорки, отражающие эти представления, показывают, демонстрируют, что язык передаёт не только формы человеческой деятельности, но и внутренние ценности, с ней связанные. В этом смысле «труд» и «мехнат» обладают глубоким культурным значением, служа носителями коллективной памяти и сохраняя нравственные и мировоззренческие ориентиры народа.

Обе лексемы продолжают функционировать как когнитивные репрезентанты базового концепта человеческой деятельности, однако они действуют в разных культурных парадигмах: «труд» принадлежит к прагматической, а «мехнат» к нравственно-философской. Это расхождение отражает не только эволюцию лексики, но и более глубокие изменения в ментальных и культурных ориентациях двух языковых сообществ.

Концептуальное поле «труд» структурировано вокруг основного значения «целенаправленная человеческая деятельность, направленная на создание материальных или духовных ценностей». Его организацию можно описать в виде нескольких концентрических уровней:

Ядро: лексемы и фиксированные выражения, обозначающие процесс и результат работы (труд, работа, дело, занятие, профессия, деятельность).

Ближняя периферия: фразеологические единицы и выражения с положительной оценочной коннотацией, отражающие необходимость труда (взяться за дело, трудиться не покладая рук, кто не работает, тот не ест, дело мастера боится).

Дальняя периферия: пословицы и поговорки с нравственно–оценочным или философским подтекстом («*Без труда чести не получишь*»; «*Какие труды, такие и плоды*», «*От трудов праведных не наживёшь палат каменных*»). Здесь труд концептуализируется не просто как средство для достижения цели, но как испытание, долг и закон жизни.

Ценностные координаты этого поля структурируются через противопоставления и ассоциации: труд → лень (антонимия), труд → успех (цель), труд → жизнь (жизненная необходимость).

В совокупности эти слои демонстрируют, что в русском языковом сознании труд в первую очередь связан с утилитарной и прагматической деятельностью, но при этом он по-прежнему несёт моральный смысл, указывая на личную ответственность, дисциплину, добросовестность и результативность.

В таджикском языке концептуальное поле «меҳнат» отличается ярко выраженным моральным, этическим и сакральным измерением. Его ядро и периферия отражают тесную взаимосвязь труда с верой, честностью и социальной гармонией.

Ядро: лексемы *меҳнат*, *кор*, *касб*, *заҳмат*, обозначают физические и интеллектуальные усилия, занятие, усердие и трудолюбие.

Ближняя периферия: идиомы и устойчивые выражения указывают на ценность личного вклада: «даст ба кор доштан» («взяться за дело»), «аз ту ҳаракат, аз Худо баракат» («от тебя – действие, от Бога – благословение»), «меҳнат фаровон мекунад, танбалӣ вайрон мекунад» («труд созидает, лень разрушает»).

Дальняя периферия (паремии): «Бе ранҷ наояд ганҷ» (без труда нет сокровища), «Аз зиндаи бекор мурда беҳтар аст» (лучше мёртвый, чем бездельник) воплощают благополучие, уважение и внутреннюю гармонию, являясь частью более широкого этического и социального порядка, и отчасти отражая морально-религиозную концептуализацию труда.

Ценностные координаты: меҳнат → баракат (труд → благословение); меҳнат → ризқ (труд → пропитание, удел от Бога); меҳнат → накукорӣ (труд → добродетель).

Таким образом, в таджикской языковой картине мира «меҳнат» сохраняет своё этическое и духовное превосходство, противопоставленное лени, бездействию и праздности. Концептуальные поля «труд» и «меҳнат»

подтверждают универсальное представление о труде как основе человеческого существования, одновременно демонстрируя этноспецифичность его интерпретации.

В русской традиции акцент делается на рациональном и ориентированном на деятельность аспекте труда, с упором на процесс и действие. В отличие от этого, в таджикской культуре «мехнат» в первую очередь рассматривается как моральная категория, приближающая человека к гармонии и благополучию.

Паремии и фразеологизмы, связанные с этими концептами, в конечном итоге функционируют как когнитивные модели коллективного опыта, формируя устойчивые культурные представления о ценности труда в рамках соответствующих национальных картин мира.

Исследование когнитивных процессов в лингвистике (концептуализация, категоризация и концептуальные сферы) позволяет глубже понять взаимосвязь языка, мышления и реальности. Эти процессы формируют языковую картину мира, в которой индивидуальное восприятие переплетается с коллективным опытом. Эта картина становится центральным объектом анализа, соединяя личные когнитивные механизмы с общим мировоззрением сообщества и обеспечивая основу для изучения взаимодействия языка, когнитивных процессов и культуры.

1.3. Окружающий мир как объект современной лингвистики, языковая картина мира

Язык – это не просто способность выражать окружающий нас мир, это способ строить и создавать то, как мы понимаем и воспринимаем окружающий нас мир. Все естественные языки – это отдельные системы восприятия и организации реальности.

Язык служит для общения, передачи информации, формирования мысли, фиксации и сохранения элементов восприятия и знания, свойственных данному языковому сообществу.

С другой стороны, объективная реальность предстаёт как предмет человеческого познания и общения, и в результате в этом случае язык является зеркалом этой объективной реальности, находясь на стыке между реальностью и сознанием. Тогда как человек пытается манипулировать языком и результатами его понимания, чтобы зафиксировать результаты и сделать доступным для всех только то, что он понимает. В результате языковые значения служат инструментом, с помощью которого сознание отражает реальность.

Языковая картина мира – результат особенностей языка, имеющего двойное коммуникативное и функциональное содержание (как средство выражения эмоций, познания и хранения социально-исторического опыта мира).

Языковая картина мира, формирующаяся в результате взаимодействия человека с окружающим миром, основана на языке, служащем основным средством коммуникации людей.

Термин «картина мира» первоначально вошёл в философский и религиозный контекст, а затем был заимствован физикой, в первую очередь Г. Герцем, который применил его к различным восприятиям мира. Основы языковой картины мира сложились в 1920–х годах в рамках эволюционных теорий и типологий. На сегодняшний день она по-прежнему является одним из перспективных направлений в гуманитарных науках, осмысляющим пути её пересечения с антропологией, семиотикой и лингвистикой.

Языковую картину мира можно рассматривать как особую структуру языка, особый способ видения. В более широком смысле она охватывает язык в контексте его коммуникативных, информационных, когнитивных функций, как средство фиксации и сохранения коллективных знаний и индивидуальных представлений о реальности с помощью языковых единиц.

Языковая картина мира выполняет две основные функции: во-первых, она является ключевым компонентом концептуальной картины мира, а во-вторых, эксплицирует эту концептуальную картину с помощью языковых

средств. Вербальные экспликации являются способами восприятия ментальных образов. Во-третьих, язык идёт гораздо дальше, чем просто передача сообщения; его роль заключается в структурировании того, что передаётся.

Как отмечала Л.В. Басова: «языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами мира, она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный. Язык делает человека способным понимать себя и мир, вспоминая социальный и исторический опыт, общий для всех людей и характерный для всех человеческих культур. Поскольку язык – это отражение культурного и национального опыта человека, он обуславливает свои особенности. В языке изначально заложена идея мира, данная в понимании, которая, по сути, отражает национально-культурное наследие конкретного языкового сообщества» [20, с.55].

И, собственно, язык формирует мировоззрение его носителей, или, другими словами, языковую картину мира – целостное представление о действительности, воплощённое в существительных, фразах и грамматике. Как отмечает Ю.Н. Караулов, «словосочетание «картина мира» остаётся метафорическим, если не установлены чёткие процедуры её определения» [80, с.246].

Построение картины мира неразрывно связано с мировоззрением, которое есть не что иное, как индивидуальная позиция и точка зрения на реальность: у каждого из нас она своя. М. Хайдеггер характеризует картину мира как репрезентацию «бытия», а мировоззрение отражает отношение индивида к этому «бытию». М. Планк расширяет эту характеристику и говорит о том, что картина мира – сугубо личностная категория, основой которой являются когнитивные процессы. Он выделяет два этапа формирования картины мира: «первый – чувственное, субъективное и многообразное восприятие мира, второй – замена «пёстрого субъективного многообразия»

объективным законом, порядком и универсальным знанием о мире» [126, с.102–112].

Картина мира воспринимается как система интуитивных интерпретаций реальности, сложность которой обусловлена её связями с различными областями знания. В философии оно формируется в процессе взаимодействия человека с миром, в религии – благодаря вере в Бога и божественную волю, а в семиотике – через первичные и вторичные моделирующие системы, такие как язык, мифология, религия, фольклор, литература, кино и искусство.

Исходя из этого картина мира представляет собой комплексное представление о реальности, которое формируется через восприятие, познание и взаимодействие человека с окружающим миром, и она может различаться в зависимости от исторического, культурного и индивидуального контекстов.

Картина мира в лингвистике представляет собой организованную систему, которая описывает содержание языка. В.А. Маслова утверждает, что «язык выражает человеческое сознание, в котором объективный мир не отражается зеркально, а преломляется, превращаясь в форму особого мира». Этот лингвистически сконструированный мир фильтруется через концептуальные и культурные рамки его носителей, формируя сущность языковой картины мира. По мнению учёного, «...языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира)» [105, с.65].

Таким образом, выступая посредником между сознанием человека и объективной реальностью, языковая картина мира кодирует культурно и национально специфическую интерпретацию бытия.

По мнению Е. Кубряковой, картина мира является более сложным явлением, чем просто языковая картина мира, а «то, каким себе рисует мир человек в своём воображении, феномен более сложный, чем языковая картина мира, т. е. та часть концептуального мира человека, которая имеет непосредственную связь с языком и преломлена через его формы» [82, 26]. Она охватывает то, каким образом человек воображает мир и строит свои

представления о нём и отражает не только языковые формы, но и концептуальное восприятие мира, которое преломляется через язык

В рамках лингвистических исследований необходимо проанализировать способы, с помощью которых люди сохраняют своё положение в мировом концептуальном понимании. Мартин Хайдеггер представляет свою философскую точку зрения о том, что люди создают свою версию реальности с помощью процессов интерпретации, которые опираются на их когнитивные рамки. Хайдеггер утверждает, что люди взаимодействуют с миром, проецируя на него свои внутренние концептуальные системы, эффективно переводя внешнюю среду в ментальную репрезентацию – «картину мира». Эта репрезентация динамически направляет человеческую деятельность и интерпретирует действия и модификации людей, а также смысловые присвоения по отношению к их окружению. Для Хайдеггера эта «картина мира» – нечто большее, чем просто ментальный образ, а «конструкт опредмечивающего представления», в котором «человек борется за позицию такого сущего, которое всему сущему задаёт меру и предписывает норму» [178, 85]. Это основополагающая структура, определяющая двойную роль человечества как наблюдателя и архитектора реальности. Человеческое знание и преобразование мира возникают из этой единой перспективы, которая, по Хайдеггеру, связывает природный и социальный порядок

В лингвистике понятие «картина мира» понимается как совокупность структурированных представлений о реальности, формируемых языком. Эта система функционирует на двух уровнях: лингвистические элементы классифицируют человеческий опыт, а концептуальные измерения раскрывают культурные и социальные контексты, которые определяют ментальные модели. Язык функционирует как инструмент рефлексии и формирования, одновременно выражая существующие идеи и преобразуя их в новые. Согласно гипотезе Сапира-Уорфа, лингвистические структуры влияют на модели мышления, особенно в восприятии времени и причинно-

следственных связей, «мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком» [167, с. 44-60].

Мировоззрение человека по своей сути субъективно, оно формируется через его восприятие человеческого существования и предполагаемую роль в окружающем мире. Оно определяется социокультурными факторами: язык обеспечивает средства выражения, традиции сохраняют исторические и моральные рамки, воспитание прививает культурные ценности, а формальное образование систематизирует знания. Вместе эти элементы создают когнитивную модель, лежащую в основе человеческих представлений о пространственных и логических отношениях.

Картина мира сочетает в себе универсальные аспекты человеческого мышления с элементами, специфичными для конкретной культуры. М. Хайдеггер рассматривал картину мира как форму репрезентации бытия: «Мир становится картиной в тот момент, когда человек делает бытие предметом расчёта и наблюдения» [178, с. 58]. Он считал, что люди интегрируют свои разнообразные реальности через общую концептуальную структуру, которая распространяется на все языки, несмотря на культурные различия. Однако каждый язык раскрывает реальность по-своему. Такие различия можно объяснить ролью лингвистических знаков в сигнализации фундаментальных культурных ориентаций, которые предрасполагают человека к организации мира в соответствии с их языковой средой.

В научных дискуссиях о языковой картине мира учёные отмечают его сложность и глубокую интеграцию с человеческим восприятием. Так, например, Б. В. Раушенбах утверждает, что его значимость обусловлена не формально–логическим представлением реальности, как в национальном мировоззрении, а способностью объединять различные аспекты человеческого опыта – эмоционального, сенсорного, культурного – в единое целое. Такая интегративная перспектива позволяет человеку не просто анализировать мир, а воспринимать его как взаимосвязанное пространство, в котором объединяются знания, интуиция и традиции [129].

М. В. Пименова развивает эту идею, описывая «...языковое мировоззрение как эволюционирующую систему, включающую в себя как знания, заложенные в языке – лексику и грамматику, так и когнитивные процессы, актуализирующие эти знания» [119, с.5].

Язык функционирует как инструмент интерпретации: например, метафоры в русском («время течёт») и персидском («است آب زمان» «время – это вода») языках иллюстрируют концептуализацию времени как текучей субстанции. В. И. Постовалова добавляет, что такое «мировосприятие является результатом постоянного диалога человека с окружающей средой, формирующегося в равной степени под влиянием духовных воздействий (религия, искусство, философия) и повседневной жизни» [127, с. 1-14].

Е. С. Кубрякова уподобляет языковую картину мира «семантической палитре», которая развивается вместе с обществом» [86, с. 6 – 13].

В. А. Маслова указывает, что «языковое мировоззрение – это не абстрактное понятие, а отражение исторического развития нации» [105, с.45]. Например, обширная лексика русского языка, обозначающая снег («пороша» «наст» «крупа»), обусловлена жизнью в специфических климатических условиях, когда зима очень холодная. В то время как богатая поэтическая лексика персидского языка, включающая многочисленные синонимы слова «роза», акцентируется на эстетических приоритетах. Язык по-разному передаёт эмоциональное состояние человека: русское слово «тоска» и персидское «دلتنگی» (del tangi – дословно «стеснение сердца») выражают разные, культурно обусловленные оттенки чувств и эмоций.

В. Н. Телия описывает языковую картину мира как текучую, а не статичную: «языковая картина мира не есть зеркальное отражение мира, это всегда его интерпретация... она не статична, а постоянно обогащается и трансформируется в процессе культурно-языковой деятельности общества» [159, с.18]. В данном контексте такие слова, как «родина» в русском языке или «ватан» в таджикском, существуют как сложные смысловые образования, наполняемые личным и коллективным опытом. Поэтому «свобода» в русском

языке часто связана с политическими идеями, тогда как «озодӣ» в таджикском нередко ассоциируется с внутренним, духовным освобождением, в том числе в суфийской традиции.

Роль языка как «хранителя» мировоззрения проявляется в его устойчивости во времени. Архаичные выражения, такие как русские пословицы («Не всё коту Масленица») или таджикские идиомы «سرچشمه از آب» – «است آلود گیل» – «Об аз сар лой», аналогично «Рыба гниёт с головы», сохраняют архетипические модели мышления. В то же время язык формирует восприятие: если в русском языке существительным присваивается грамматический род (например, «река» – женского рода, символизирует в поэзии течение времени, а в мифологии – символ плодородия, движения и очищения), контрастирует с отсутствием грамматического рода в таджикском, где классификация объектов часто опирается на метафоры (например, «خورشید» хуршед – «солнце» – в поэзии часто является аллегорией царя небес, озаряющего всё вокруг светом – Бе рӯи ту хуршеди чаҳонсӯз мабод, Ҳам бе ту чароғи оламафрӯз мабод (Рудаки)).

В современных лингвокогнитивных исследованиях особое внимание уделяется диалектическому взаимодействию научной и наивной картин мира как двух базовых форм познания, определяющих структуру сознания и культурные модели. Научная картина мира понимается как систематизированный свод знаний об объективной реальности, который, по К. Попперу является «процессом создания и проверки объективного знания, постоянно уточняемое и развивающееся благодаря критическому мышлению и фальсификации теорий» [128, с. 34–45]. С. Шмаков определяет её как «философское и систематическое средство организации эмпирических знаний, развивающееся вместе с научным прогрессом» [182, с. 150]. Она стремится к универсальности и служит когнитивной основой для интеллектуального развития и научного прогресса.

Наивная (обиходная) картина мира, напротив, укоренилось в обыденном сознании, повседневных наблюдениях, мифологических образах и

лингвистических стереотипах. По мнению Б. Л. Уорфа, научное мировоззрение вытекает из наивного, функционируя как его формализованное производное [167]. И. А. Стернин полагает, что наивная картина мира «не является упрощённой; её структура столь же сложна, как и научная, но основана на иных принципах организации опыта» [127, с. 12]. Таджикский учёный С. К. Матробиён отмечает, что наивная картина мира «отражает то, что люди воспринимают непосредственно, и сохраняет архаичные представления в языке» [107, с. 27].

Итак, научная и наивная картины мира, опосредованные языковой картиной мира, образуют единую систему познания, в которой язык выступает посредником, кодирующим культурно–специфические способы интерпретации реальности. Несмотря на универсальность научных принципов, их осмысление средствами языка и культуры порождает национальные научные картины мира и, что более важно, самобытные наивные модели. Как заметил Ю. Апресян, «язык устанавливает специфические ментальные рамки, включающие культурные коды. Лингвистический анализ подтверждает, что «наивная» картина мира, сформированная языком, фиксирует этнокультурные способы восприятия действительности» [11, с. 350–355].

В коллективной монографии под редакцией Б.А. Серебренникова авторы считают, что «Сумма значений и представлений о мире, упорядоченная в голове человека...и объединённая в известную интегральную систему, – а это и можно считать...картиной мира, – организуется в некую концептуальную систему» [135, с.141]

В традиционной таджикской культуре, как и в русской, труд занимает центральное место в повседневной жизни и в системе практических ценностей. Пословицы и поговорки, как единицы паремиологического фонда языка, формируют наивную картину мира, задавая образцы поведения, нравственные установки и способы понимания личного и общего опыта. Через них закрепляются представления о законах бытия, причинно-следственных

связях и ценностях, воспринимаемых как «естественные» в повседневном сознании.

Таджикские пословицы, такие как *«Аз ту ҳаракат, аз Худо баракат»* (««от тебя – действие, от Бога – благословение»), или *«Харакату баракат»* («Действие приносит благословение»), отражают повседневное представление о том, что результата трудно достичь без приложения усилий. Пословица *«То дастат начунбад, даҳонат намечунбад»* (букв. «Пока твои руки не движутся, твой рот не будет двигаться» ≠ «Не потопаешь, не полопаешь») прямо указывают на ответственность и причинно-следственную связь между действием и результатом. Ту же мысль выражает и выражение *«То меҳнат накунӣ, санги сиёҳ лаъл нагардад»* (Без труда чёрный камень не станет рубином), подкрепляя идею о том, что желаемые результаты достигаются через труд.

Русская паремиология передают аналогичные представления: *«Всяк пожинает плоды своих трудов»* *«Не тот живёт больше, чей век дольше, а тот живёт дольше, чьих трудов больше»*, *«Дерево сильно корнями, а человек – трудами»*. Эти поговорки говорят об одном: труд – основа жизни. Они учат нас, что все зависит от наших собственных усилий, а безделье приводит к бедности и несчастью.

Пословицы выполняют важную когнитивную функцию: они упрощают сложные социальные и природные закономерности, структурируют повседневный опыт и закрепляют модели поведения. В то же время они вносят вклад в моральную и социальную ориентацию личности, формируя обобщённые когнитивные модели действий и последствий, которые становятся частью наивной картины мира. Например, таджикская пословица *«Имруз кор кун, фардо роҳат бин»* (Сегодня трудись, завтра отдохнёшь) и русская *«Без труда день годом кажется»* иллюстрируют практическую логику планирования и оценки времени, закрепляя опыт через лингвистическую форму.

Через пословицы наивная картина мира воспроизводит знания, ценности и нормы поведения, позволяя людям ориентироваться в повседневной жизни. Эти лаконичные и образные высказывания функционируют как когнитивные схемы, которые структурируют социальный и практический опыт, обеспечивая передачу знаний между поколениями и формируя устойчивое восприятие мира.

Следуя Б. Л. Уорфу [167] и И.А Стернину [155] в признании структурной сложности наивной картины мира и его производной связи с научной, мы считаем необходимым подчеркнуть её первостепенное аксиологическое значение. Как отмечает Ю. Д. Апресян, именно в языке закрепляется «наивная картина мира», формирующая этнокультурные модели интерпретации реальности [7, с.54-60]. В этом смысле наивная картина мира, воплощённая в языке и фольклоре, является не просто «сырьём» для науки (К. Поппер [128, с. 34–38], но и «хранилищем фундаментальных культурных ценностей» [43, с.64-70]. Е. С. Кубрякова указывала его «когнитивную функцию в концептуализации опыта» [86, с. 34-38], а Л. В. Щерба [186] и А. А. Потебня [129] рассматривали язык как хранителя народного мировоззрения. В таджикской лингвистике аналогичные идеи развивали С. К. Матробиён, М. Ш. Шукуров, Х. Ш. Шарифзода, А. Н. Носиров и Ф. Х. Мухаммадиев, которые показали, что архаичные представления и ценностные ориентации, сохранившиеся в языке и фольклоре, играют решающую роль в формировании национальной картины мира.

В рамках этой системы, сформированной языком и культурой, сохраняются значительные различия в интерпретации таких, казалось бы, универсальных понятий, как «труд» и его таджикский эквивалент «мехнат». Эти различия, хотя и кажутся простыми на первый взгляд, на самом деле составляют основу моральных и поведенческих моделей общества. В то время как научная картина мира стремится к объективности и методологической универсальности, наивная остаётся по своей сути культурно обусловленной и элементарной. Именно она в первую очередь формирует национальное

сознание и, таким образом, становится центральным и наиболее привлекательным объектом лингвокогнитивного исследования.

Исследование языковой картины мира позволяет раскрыть не только механизмы, с помощью которых отражается и конструируется реальность, но и более глубокие, фундаментальные слои, формирующие уникальные ценности каждой человеческой культуры. В этом контексте особое значение приобретает изучение ценностной (аксиологической) картины мира: она представляет собой саму суть, жизненно важное ядро всей концептуальной сферы. В конечном счёте, именно она определяет уникальность мировоззрения каждого языкового сообщества и находит своё наиболее непосредственное и неискажённое выражение в языке.

1.3.1. Ценностная картина мира и её отражение в языке

Ценностно-ориентированная картина мира представляет собой сложную многомерную систему, в которой пересекаются культурные, когнитивные и лингвистические компоненты. Каждая культура формирует и развивает собственное видение реальности, основанное на историческом опыте, традициях и социальных практиках. Индивидуальное восприятие, сознание и личный опыт неразрывно связаны с коллективными представлениями, формируя обобщённый образ мира. Язык в этом контексте выполняет двойную функцию. С одной стороны, он служит средством описания реальности: с помощью слов, грамматических форм, пословиц и фразеологических единиц люди фиксируют и упорядочивают окружающий мир. С другой стороны, язык отражает внутренние установки и ценности человека. Иными словами, реальность не передаётся напрямую, а лишь только через наше восприятие и интерпретацию, обусловленными языком и культурой.

Сознание и язык глубоко переплетены: сознание формируется на основе из накопленного опыта человека, связанного с социальным окружением и культурными традициями, а язык сохраняет этот опыт и делает его

доступным другим. Особую роль в этой системе играют ценности – именно через них язык передаёт представления о значимом и желаемом.

Ценностные ориентиры находят выражение в языковых формах, концептах и устойчивых выражениях, прежде всего в пословицах и поговорках, которые воплощают коллективную мудрость поколений. Эти единицы не только берегут культурные нормы и моральные принципы, но и влияют на индивидуальное восприятие мира, задавая способы понимания социальной и природной действительности.

Исследование ценностного мировоззрения требует междисциплинарного подхода. Лингвистика показывает, как ценности закрепляются в языке, когнитивная наука объясняет универсальные ментальные структуры, лежащие в основе человеческого восприятия мира, философская аксиология рассматривает природу и виды ценностей, а культурология и антропология помогают понять, как они формируются, передаются и трансформируются в обществе.

Ценностная картина мира объединяет язык, мышление и культуру в единую систему, посредством которой человек и общество воспринимают, и оценивают реальность. Язык является одним из важнейших инструментов для понимания мира и, в то же время, средством его отражения. Это не просто совокупность слов и грамматических правил, а средство упорядочивания опыта и понимания окружающей действительности. В рамках когнитивной лингвистики язык рассматривается как инструмент мышления: он позволяет нам не только называть объекты, но и формировать категории восприятия, создавать концептуальные схемы и выстраивать ментальные модели.

Как заметил Л. В. Щерба, язык отражает «не только непосредственные объекты и явления, но и способы их восприятия; другими словами, он фиксирует ментальные операции, выполняемые человеком в его взаимодействии с миром» [186, с. 35]. В этом смысле слова и языковые конструкции выступают своеобразными посредниками между реальностью и

сознанием, обеспечивая возможность абстракции, классификации и сопоставления.

Современная когнитивная лингвистика, в частности исследования Г. Лакоффа и М. Джонсона, показывает, что мышление человека во многом опирается на метафоры, закреплённые в языке. Так, выражения типа «высокий статус» и «низкое положение» помогают осмыслить социальные отношения с помощью пространственных образов. Подобные метафоры формируют устойчивые когнитивные схемы, через которые человек воспринимает и интерпретирует мир [94, с. 25]. Таким образом, метафора выступает не просто как выразительное средство, а как отражение глубинных когнитивных связей между опытом, памятью и чувствами человека.

Язык также выполняет функцию категоризации опыта. Как отмечает Дж. Филлмор, люди организуют события и объекты, создавая «прототипы и сценарии, которые впоследствии закрепляются в системе языковых средств» [173, с. 124]. Так, слово «дом» относится не только к архитектурной конструкции, но и охватывает культурные и социальные аспекты: пространство семейной жизни, центр домашнего и эмоционального существования, символ безопасности. Схожим образом, концепт «труд» в русском и таджикском языках обозначает не только трудовую деятельность, но и ценности, связанные с ответственностью, усилиями и личной инициативой.

В.И. Карасик справедливо отмечает, что «Будучи трёхмерным (как минимум) образованием, культурный концепт включает предметно-образную, понятийную и ценностную составляющие» [72, с.105].

Человеческое сознание возникает из взаимодействия индивидуального опыта с коллективными представлениями, которые кодируются в языке. В то же время язык функционирует как средство социализации: он передаёт культурные нормы, традиции и моральные принципы от одного поколения к другому. Важным аспектом здесь является двойственная природа языка: он

одновременно отражает внутренние когнитивные структуры и служит инструментом внешней коммуникации.

Эта двойственность проявляется и в восприятии ценностей. С помощью языка люди различают, что важно, какие действия приемлемы или предосудительны, а какие отношения имеют социальное значение.

Идиомы и пословицы в русском и таджикском языках ярко иллюстрируют культурную ценность труда и усилий. В русском языке такие выражения, как «засучив рукава» или «пахать как вол», выражают готовность к тяжёлому труду, а пословицы «*Капля камень точит*» и «*Где труд, там и счастье*» указывают на настойчивость и связь между трудом и благополучием. В таджикской традиции идиомы «*бо арақ нон ёфтан*» и «*аз меҳнат нур меояд*» показывают труд как источник жизни и света, а пословицы «*меҳнат ганҷ аст*» и «*об дасту бозуи хеш, подшоҳӣ кунӣ беш*» говорят о трудолюбии как основе достоинства и успеха. Эти языковые единицы не только сохраняют коллективную мудрость поколений, но и формируют когнитивные и эмоциональные модели восприятия мира, связывая усилия с результатом и определяя ценностные ориентиры общества.

Лингвокультурологические исследования показывают, что язык не просто отражает внешнюю реальность, но и моделирует её в соответствии с культурными ожиданиями и социальными нормами. Лингвистические категории, грамматические структуры и семантические поля обеспечивают рамки, через которые люди воспринимают пространство, время, социальные роли и моральные ценности. Эти рамки, в свою очередь, формируют когнитивные и эмоциональные реакции, влияя на поведение и межличностное взаимодействие.

Исследования В.В. Морковкина и В.И. Карасика показывают, что язык является структурирующим элементом сознания, позволяющим интегрировать разрозненные впечатления в систематическое знание о мире. В.В. Морковкин писал «картина мира экспонируется в языке, а её элементы – концепты» [63, с. 45]. В.И. Карасик, в свою очередь считает, что «концепты

представляют собой культурно значимые образования сознания, закреплённые в языке» [85, с. 109]. Развивая идею этих авторов Е.С. Кубрякова отмечает, что они являются «важнейшим средством доступа к структурам знания» [92, с. 37]. Лингвистические формы, семантические поля и концептуальные структуры составляют основу для понимания сложных явлений, связывая индивидуальные наблюдения с коллективным опытом культуры.

Взаимосвязь между языком и сознанием представляет собой сложный, многослойный процесс, в котором когнитивные структуры, культурные нормы и лингвистические средства сливаются воедино, формируя целостное восприятие реальности.

Любой язык отражает не только внешнюю реальность, но и то, как она воспринимается, оценивается и интерпретируется носителями той или иной культуры. С помощью языка люди выражают своё отношение к миру, указывают то, что считают важным, и закрепляют эти значения в устойчивых смысловых единицах – концептах, являющихся ключевыми элементами ментального пространства культуры, объединяя знания, эмоции и оценки, формируя то, что называют ценностной картиной мира.

Концепты никогда не существуют изолированно; они образуют взаимосвязанную систему, в которой каждый из них связан с другими через ассоциации, противопоставления и метафоры. Например, в русской языковой картине мира концепт «труд» тесно связан с концептами «честь», «достоинство», «судьба», «терпение». В таджикской культуре концепт «мехнат» также несёт в себе оттенки уважения, необходимости и жизненной силы. Эти ассоциации показывают, что концепты представляют собой не просто набор знаний, но и систему ценностей, формирующую отношение людей к окружающей действительности.

Концепт становится своеобразным «мостом» между индивидуальным и коллективным сознанием. Он соединяет личный опыт с культурными нормами и позволяет людям понимать друг друга. Слово, наполненное культурным

смыслом активизирует в сознании слушателя целый набор знаний, ценностей и эмоций.

Такие концепты, как *труд, настойчивость, честность и взаимная поддержка*, образуют ядро системы ценностей в русской и таджикской культурах. Они направляют мысли, формируют поведение и влияют на моральные нормы. Эти идеи сохраняются не только в литературе и официальной речи, но и в повседневном языке, пословицах и устойчивых выражениях, укрепляя коллективное понимание жизненных ценностей.

Исследования таких концептов показывают, что язык не только отражает культуру, но и помогает её создавать. Язык систематизирует опыт и передаёт смыслы, важные для сообщества. В результате возникает особый тип мировидения – ценностно окрашенное восприятие мира, в котором тесно переплетаются знание и оценка, разум и эмоции.

Проблема ценностей издавна находится в центре внимания философии, этики и гуманитарных наук. В её основе лежит попытка понять, как люди оценивают мир, приписывая ему значение с точки зрения добра и зла, красоты и уродства, справедливости и ложности. Именно система ценностей формирует духовную ориентацию человека, социальные нормы и характер культуры.

В западной философии одним из первых, кто затронул проблему ценностей, был Фридрих Ницше, который рассматривал их как гибкую систему, создаваемую человеком в процессе самоутверждения. Позже М. Шелер, Н. Хартманн и Г. Риккерт заложили теоретические основы аксиологии, науки о ценностях. Шелер утверждал, что ценности имеют объективную природу и иерархию, простирающуюся от чувственных и жизненных до духовных и религиозных. Гартманн считал ценности особым уровнем реальности, существующим независимо от человеческой воли, но реализуемым через неё. Риккерт, в свою очередь, связывал ценность с культурным смыслом: только то, что значимо для общества, становится предметом культурного анализа.

В русской философии аксиология приобрела культурное и гуманистическое измерение. Н.А. Бердяев описывал ценности как «воплощённый дух культуры», связанный с внутренней свободой личности [25]. С.Л. Франк рассматривал ценности не только как идеальные ориентиры, но и как формы понимания бытия, через которые человек утверждает смысл своего существования [178]. В советский период интерес к ценностям вырос с развитием социальной философии и психологии. А. Г. Спиркин, например, рассматривал ценности как форму общественного сознания, связывающую индивидуальный и коллективный опыт.

Современные российские учёные (В. И. Карасик, Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, А. А. Ивин) продолжают эту традицию, уделяя особое внимание языковой репрезентации ценностей. В. И. Карасик определяет ценности как ««наиболее фундаментальные характеристики культуры, высшие ориентиры поведения», формирующие структуру языковой картины мира [72, с. 166]. Н.Д. Арутюнова отмечает, что любая лингвистическая категория потенциально оценочна, а значение слова часто включает не только денотативный, но и аксиологический компонент: «язык не только отражает действительность, но и интерпретирует её в системе человеческих ценностей» [13, с. 3-15]. А.А. Ивин предлагает рассматривать ценность как «объект значимости для человека или группы лиц», существующий только в акте человеческой оценки, тем самым сближая философскую и когнитивную категории [67, с.31].

В таджикской философии и культурологии ценности также тесно связаны с моральными и социальными принципами. М. Шакури отмечал, что таджикские культурные ценности выражают единство материального и духовного, а труд, справедливость и знание служат основой национальной идентичности (цит. по: [107]). С. Матробиён указал роль языка как «хранилища коллективного опыта», где пословицы, идиомы и афоризмы не только передают практическую мудрость, но и сохраняют ценностные основы культуры [106, с. 27].

Оригинальное толкование предложил Х. Шарифзода, который описал ценность как «социально-историческое явление, сформированное в языке и обновляемое в коммуникации». Он считал, что «таджикская традиция сочетает в себе этические и прагматические ценности: труд и знания рассматриваются не только как средства достижения благополучия, но и как пути духовного самосовершенствования» (цит. по: [107]).

Следует отметить, что категория ценности интерпретировалась по-разному – от метафизической и этической до лингвокультурологической. Сегодня ценность понимается как интегративное понятие, объединяющее личный опыт, социальные нормы и культурные символы. Через язык ценности приобретают конкретную форму, становятся частью дискурса и формируют национальную картину мира.

Такое понимание делает категорию ценности центральной в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике, где язык рассматривается не только как средство коммуникации, но и как пространство для реализации культурных смыслов и коллективных идеалов.

Пословицы и поговорки представляют собой один из древнейших и наиболее устойчивых слоёв национальной культуры, в котором лингвистическая форма и культурное содержание неразрывно связаны между собой. Они функционируют как своеобразный код коллективного опыта, фиксируя в лаконичных формулах не только наблюдения о жизни, но и аксиологические ориентиры общества. В лингвокультурологическом контексте пословицы ценны как концентрированное выражение национального менталитета, отражающее характерные способы восприятия и интерпретации мира в рамках данного языкового сообщества.

Как отмечает Н. Д. Арутюнова «Пословицы и поговорки представляют собой сгустки народной философии, в них зафиксирован коллективный опыт, они выполняют роль суждений, имеющих силу закона» [11, с. 177]. Аналогичное мнение высказывает таджикский учёный Ш. Мирзоев (2018), отмечая, что таджикские пословицы не просто передают нравоучительный

смысл, но и закрепляют коллективную картину мира, в которой человек оценивается через труд, терпение и знания. В этом смысле пословицы можно рассматривать как «фреймы культурного сознания» [82, с. 48], объединяющие язык, мышление и социальную практику в единое ценностное пространство.

Как в русской, так и в таджикской традициях пословичное наследие отражает общие этические категории: трудолюбие, умеренность, достоинство, доброта, честность. Однако их аксиологическая интерпретация различается. Русские пословицы чаще основаны на практическом опыте и рациональной оценке действий, где ценность измеряется результатами и личной ответственностью человека. Таджикские пословицы, напротив, проникнуты духовным и нравственным содержанием, представляя труд, терпение и знания как формы внутреннего самосовершенствования и путь к гармонии с миром.

Русские поговорки, такие как *«Где правда, там сила»*, *«Не богатство украшает человека, а правда»*, *«Терпение лучше ума»* и *«Дерево держится корнями, а человек правдой»*, показывают связь между моральным и социальным измерениями ценности. В них отражается стремление человека согласовать внутренний мир с моральным порядком, найти гармонию между долгом и пользой. Эти выражения формируют устойчивые ментальные противопоставления: *правда* → *выгода*, *труд* → *праздность*, *стойкость* → *поспешность*, закрепляя идею человеческого достоинства как результата честной и осмысленной деятельности.

Пословицы о труде раскрывают не только его практическую сторону, но и глубинный смысл человеческого существования: *«Не в силе счастье, а в правом деле»*, *«Рука трудится – душа радуется»*, *«Кто землю любит, того она кормит»*, *«Тихая вода глубока, да дела её видны»*, *«Коса острием берёт, а человек умом»*. Труд здесь представлен как естественное состояние человека, придающее жизни смысл и обеспечивающее внутреннюю гармонию. Крестьянский опыт русского народа, отражённый в этих поговорках, связывает физический труд с моральным содержанием, а материальную выгоду – с духовным развитием.

В таджикской культуре пословицы выполняют схожую роль, представляя труд как этический и философский идеал. Так, выражения «*Меҳнат чоҳ нест, сарват аст*» («Труд не яма (колодец), а богатство»), «*Меҳнат занҷири зар аст*» («Труд – золотая цепь, связывающая человека с жизнью/благополучием»), «*Кори ҳалол – рӯи сафед*» («Честный труд приносит почёт и добрую репутацию») показывают, что труд воспринимается не как тяжкое бремя, а как творческая сила. Она формирует личность, помогает человеку сохранять душевное и моральное равновесие и выступает проявлением духовной целостности, а не только средством достижения материального достатка.

Большой интерес представляют также пословицы: «*Хунар гавҳари одам аст*» («Мастерство – жемчужина человека»), «*Зи меҳнати дигарон нон нахӯр*» («Не ешь хлеб, добытый чужим трудом»), «*Дил бе меҳнат тира шавад*» («Без труда сердце темнеет»), «*Кори имрӯзаро ба фардо магузор*» («Не откладывай дело на завтра»). Они раскрывают глубокий моральный смысл: физическое действие связано с внутренним состоянием, а труд понимается как проявление света, чистоты и духовной силы.

Сравнительный анализ показывает, что русские и таджикские культурные традиции сходны в понимании ключевых ценностных ориентиров. Можно выделить несколько универсальных тем:

труд как проявление достоинства: «Кто работает, тот не нуждается» / «*Меҳнат шараф аст*» («Труд – это честь»);

независимость и ответственность: «На чужой спине далеко не уедешь» / «*Ба дасти худ нони ҳалол бихӯр*» («Ешь хлеб своими руками»);

терпение и настойчивость как путь к успеху: «Терпение и труд всё перетрут» / «*Сабр калиди комёбӣ аст*» («Терпение ключ к удаче»);

этическая ценность честного труда: «Честный труд даёт светлую совесть» / «*Кори ҳалол – рӯи сафед*»;

связь между трудом, знанием и мудростью: «Без дела и ум тускнеет» / «*Хунар гавҳари одам аст*» (Мастерство – богатство человека).

Образная система пословиц также указывают на различия в культурных кодах. В русской традиции часто используются метафоры земли, воды и путей, символизирующие постоянство, созидание и терпение («вода точит камень», «земля любит заботу»). В таджикских пословицах, напротив, преобладают образы света, тепла и чистоты – символы духовного роста и внутреннего равновесия («Аз мехнат нур меояд» («От труда приходит свет»), «Дили бе мехнат чун шаби бе мох» («Сердце без труда как ночь без луны»).

Несмотря на эти различия, обе традиции в конечном итоге передают общую универсальную идею: труд как основа жизни, моральная устойчивость и гармония человека с миром.

Анализ лингвистического и культурного материала показывает, что русская и таджикская паремиологические системы строят схожие аксиологические модели, основанные на ценностях труда, честности и внутреннего света как проявлениях человеческого достоинства. Различие заключается не в сущности самих ценностей, а в метафорических средствах их выражения и в приоритетах культурного опыта: русская традиция склоняется к рационально-практической ориентации, а таджикская – к духовно-нравственной и созерцательной.

На наш взгляд именно пословицы и поговорки наиболее ярко раскрывают «внутреннюю логику» национального сознания, поскольку воплощают единство языка и ценностей. Они продолжают функционировать не только как хранилища коллективной памяти, но и влияют на поведение людей, соединяя прошлое и настоящее в едином ценностном поле.

Выводы по первой главе

Первая глава представляет собой теоретико-методологическую основу исследования, в которой раскрываются основные принципы, лежащие в основе когнитивного и лингвокультурологического подходов к анализу языка. В ней обобщаются взгляды российских и зарубежных учёных на природу концепта, структуру языковой картины мира и роль семантических полей как форм репрезентации знаний и ценностей в языке. Особое внимание уделяется

взаимодействию когнитивных процессов, культурных кодов и языковых средств, с помощью которых они выражаются.

Анализ показывает, что язык функционирует не только как средство коммуникации, но и как сложная когнитивно-культурная система, отражающая коллективные способы мышления, восприятия и категоризации реальности. С помощью языковых знаков, фразеологических и паремиологических единиц формируются устойчивые представления о мире, закрепляющие общественные ценности и мировоззренческие установки общества. В этом качестве язык выполняет не только номинативную, но и концептуализирующую роль, служа механизмом организации культурного опыта.

Исследование показывает, что концепт является центральной единицей в когнитивной структуре языка, охватывающей понятийные, образные и оценочные компоненты. Он интегрирует как индивидуальные, так и коллективные представления, формируя ментальный образ конкретных фрагментов реальности. Концепты опосредуют отношения между мышлением и языком, а их вербализация через лексику, фразеологизмы, пословицы и поговорки формирует основу национально-культурной специфики языковой картины мира.

Установлено, что семантические поля представляют собой структурированные модели, в которых языковые единицы группируются в соответствии с общим концептуальным содержанием, отражают системный характер языка и его когнитивную организацию, устанавливают иерархию смыслов, в центре которой находятся универсальные ценности, а на периферии – культурно обусловленные элементы. В этой структуре фразеологизмы и паремии занимают особое место как носители культурной информации и ключевые инструменты передачи концептов.

Пословицы и поговорки рассматриваются как самобытные когнитивные формулы, в которых воплощены социальный опыт, этические нормы и моральные ценности. Их предикативный характер, семантическая

автономность и символическая насыщенность богатство позволяют интегрировать их в системы фразеологических и концептуальных полей. Таким образом, язык выступает хранилищем коллективной памяти, а каждое выражение служит моделью национального мышления.

Таким образом, в первой главе показано, что изучение паремий и фразеологизмов в контексте концептуальной и языковой картины мира позволяет выявить механизмы, посредством которых формируются ментальные и культурные модели, подтверждая активную роль языка не только как отражателя действительности, но и как инструмента её когнитивного конструирования.

В заключение теоретического обсуждения можно отметить, что полученные выводы создают прочную основу для перехода ко второй главе, в которой будут рассмотрены конкретные примеры того, как концепты «труд/мехнат» представлены в русском и таджикском языках. Сравнительный анализ этих концептов позволит выявить как универсальные, так и этноспецифические особенности языкового мышления и проследить роль фразеологических и паремиологических единиц в формировании национальной когнитивной картины мира.

ГЛАВА II. СЕМАНТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛЯ ЯЗЫКА

2.1. Соотнесение понятий «концепт» и «семантическое поле»

В последние годы учёные-филологи провели многочисленные исследования на материалах самых разных языков, в которых особое внимание уделялось вопросам изучения лексической семантики. Это связано с тем, что лексико-семантический уровень языка, отличающийся системностью, а также практически неисчислимым количеством лексических единиц, на современном этапе требует дальнейшего углублённого изучения. На этом пути исследователи сталкиваются с многочисленными трудностями в описании данного уровня языка, однако они не оставляют попыток провести всестороннее изучение, опираясь при этом в том числе и на традиционный системно-функциональный принцип, подразумевающий использование комплексных единиц. Среди таких единиц языка самым, наверное, всеобъемлющей является понятие «семантическое поле».

Одним первых учёных, рассматривавших лексику как интегрированную систему взаимосвязанных элементов, а не как набор отдельных слов, был немецкий филолог Гюнтер Ипсен (Ипсен, 1924). В своих исследованиях он выдвинул идею, что значение слова формируется не только в результате его индивидуального использования, но и в более широких рамках лексической системы языка. Именно из этой системной перспективы возникла метафора «поля» – семантической области, в которой значения слов пересекаются, соотносятся и образуют сложную сеть взаимосвязей. Как отмечает Ю. Н. Караулов, «теория семантического поля восходит к работам Г. Ипсена (1924) и Й. Триера (1931), которые противопоставили традиционной “атомистической” трактовке значения слова понимание лексики как целостной структуры, где каждый элемент значим лишь благодаря его месту в системе» [75, с. 58].

Дальнейшее развитие теории лексического поля связано с работами Йоста Триера (1931), который ввёл термин «понятийное семантическое поле»

(das begriffliche Bedeutungsfeld). Согласно его подходу, словарный запас языка структурирован как замкнутая семантическая система, в которой каждое слово занимает определённое место и приобретает свою семантическую «нишу» посредством контрастивных отношений и взаимной дифференциации с другими элементами поля [99, с. 24]. З. Д. Попова и И. А. Стернин, характеризуя теорию Триера, писали: «Значение слова в концепции Триера полностью определяется структурой поля, вне поля слово не имеет значения» [124, с. 11].

Одним из наиболее наглядных примеров семантического анализа Триера является поле «знание» в средневековом немецком языке. Согласно его теории, изменение значения одного лексического элемента в поле неизбежно вызывает перестройку всего семантического комплекса, поскольку элементы связаны отношениями взаимной оппозиции и семантической взаимозависимости.

Позже теория семантических полей претерпела как дальнейшее развитие, так и критическую переоценку. Многие учёные отмечали, что понятие «строго закрытых» полей Триера было чрезмерно жёстким и не учитывало текучую и динамичную природу языка. Тем не менее, его концептуальная основа заложила фундамент для появления семасиологии и структурной лексикологии.

В русской лингвистической науке идеи семантических полей были приняты и далее разработаны такими исследователями, как Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак и Н. Д. Арутюнова, которые интегрировали их в исследования по семантической деривации, компонентному анализу и когнитивной семантике.

Принцип, введённый этими учёными в научный оборот, получил широкое распространение и стал использоваться в различных областях языковедения.

Зарубежные и российские учёные, такие как Й. Трир [1974], Л. Вайсгербер [1974], Ф.П. Филин [2157], В.Г. Адмони [2154], Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс [2157], А.В. Бондарко [2157, 1972, 1984], Л.М. Васильев [1971],

Ю.Н. Караулов [1972], Ю.Д. Апресян [1974], Г.С. Щур [1974], Д.Н. Шмелев [1977], И.А. Стернин [1985, 1989, 1999], З.Д. Попова [1984, 1989, 2002], О.М. Воеводская [2001] и др., развивали теорию поля и исследовали семантические поля в различных языках.

В области таджикского языкознания это направление охватывает следующие работы: Д.М. Искандаровой [2013], М. Тагаевой [2013], М.Имомзода [2017], Н.Б. Рахмоновой [2019], М. Азизовой [2011], С.Нодировой [2024] и другие актуальные работы.

Концепция семантических полей в лингвистике оказалась чрезвычайно эффективной как в теории, так и на практике, прежде всего благодаря тому, что она рассматривает слова не как отдельные изолированные единицы, а как составные элементы единой системы. Теория полей представляет лексику как упорядоченную систему, в которой слова занимают своё и связаны друг с другом отношениями семантической близости, противопоставления, градации или словообразовательных связей.

С этой точки зрения язык становится не столько беспорядочным скоплением слов, сколько живой сетью, раскрывающей перед нами тончайшие изменения значения, позволяет проследить, как слова меняются со временем, и даже позволяет нам заглянуть в концептуальные рамки, которые формируют то, как люди мыслят через язык. В когнитивной лингвистике поле рассматривается как ментальная карта, где слова связаны между собой не только грамматикой или формой, но и более глубокими концептуальными измерениями – такими, как их прототипичность, онтологическая категория, прагматическая функция и культурная маркированность.

Изучение языка через призму семантических полей открывает более глубокое понимание структуры значения, позволяет описать его внутреннюю семантическую архитектуру, а также смоделировать способы, которыми люди классифицируют мир, формируют концепции и расширяют значения (процессы категоризации, концептуализации и семантической деривации), и особенно ценен в таких областях, как межъязыковое сравнение, перевод и

лексикография, где понимание семантического поля может быть столь же важным, как и знание отдельных слов.

Семантическое поле – это больше, чем просто набор тематически связанных терминов. Ю.Н. Караулов с этой связи пишет ««лексико-семантическое поле (ЛСП) представляет собой иерархическую структуру множества лексических единиц, объединённых общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определённую понятийную сферу» [75, с. 58]. Это концептуальная сеть, построенная вокруг центральной идеи: «в центре поля находится доминанта – наиболее общее, стилистически нейтральное слово, вокруг которого группируются остальные единицы» [75, с. 60]. Развивая эту мысль З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают, что «связи между единицами внутри семантического поля многообразны: это отношения синонимии, антонимии, гипонимии, ассоциативные и деривационные связи» [124, с. 37]. А.В. Бондарко говорит о том, что поле характеризуется «сложными отношениями взаимопересечения, градуальности и иерархии составляющих его компонентов» [32, с. 13]. Эти связи раскрывают скрытую архитектуру значения в языке, предлагая структурированное представление о том, как организованы и выражены идеи. И неспроста Н.В. Уфимцева указывает на то, что лексико-семантические поля «образуют в языке не просто тематические объединения, а сложно организованные структуры, в которых каждое слово занимает определённое место благодаря системе оппозиций, контрастов и сходств, что позволяет моделировать фрагменты языковой картины мира как «сетки» взаимосвязанных понятий» [169, с. 142].

Возьмём, к примеру, понятие «труд». В русском языке это поле включает такие слова, как «работа», «занятость», «профессия», «дело», «подвиг», «услуга», «ремесло» и «заработок», каждое из которых несёт в себе свой собственный оттенок и область применения, но вместе они образуют семантическое пространство, в котором труд понимается как физическое усилие, интеллектуальная деятельность, долг и творческое достижение.

В таджикском языке аналогичное поле строится вокруг понятия «меҳнат». Здесь мы встречаем такие слова, как «кор» (работа), «захмат» (усилие, труд), «касб» (профессия), «шуғл» (занятость), «амал» (действие), «хизмат» (услуга), «ранҷ» (трудности, лишения) и т.д., образующие поле, в котором меҳнат – это не только физическая деятельность, но и показатель социальной ценности, личных усилий и вклада в сообщество.

Сравнение этих полей показывает, как в разных языковых сообществах формируют одну и ту же идею, руководствуясь культурой, историей и употреблением.

В российском языкознании теорию поля развивали Ф.П. Филин, В.Г. Адмони, Ю.Н. Караулов, Ю.Д. Апресян, Г.С. Щур, И.А. Стернин, З.Д. Попова, О.М. Воеводская и другие исследователи.

По мнению Ф.П. Филина, любая лексико-семантическая группа представляет собой «специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития» [27, с. 537–538], сформировавшиеся в результате сочетания культурных, социальных и когнитивных факторов. Как отмечал исследователь, «каждое слово в лексической системе языка или говора является компонентом лексико-семантической группы, точнее, сразу нескольких групп, и его значение определяется местом среди других слов, его словарным окружением» [1, с. 231]. Лингвистическая структура включает группы слов со сходными значениями, которые взаимно дополняют друг друга [161, с. 33]. Например, глаголы движения «идти», «бежать», «лететь» включают в себя синонимы, а также гипонимы, детализирующие значения («шагать», «бродить») и антонимы («стоять»). Развитие ЛСГ происходит с течением времени, поскольку человеческое восприятие реальности претерпевает изменения. Ф. П. Филин характеризует лексико-семантические группы «лексические объединения с однородными, сопоставимыми значениями», считая, что они являются «специфическим явлением языка, обусловленным ходом его исторического развития» и воплощают культурные, социальные и когнитивные аспекты лингвистического развития [172, с. 537–

538]. Последующие исследования уточнили и расширили эту точку зрения, учитывая иерархические отношения, такие как гипонимия и меронимия, а также более широкие тематические ассоциации. Эта расширенная структура позволяет проследить, как неологизмы – например, «смартфон» – встраиваются в уже существующие семантические поля, отражая тем самым как преемственность, так и инновации в лексической системе. Ф. П. Филин предложил рассматривать лексическую систему языка не как разрозненный набор слов, а как структурированную систему, внутри которой лексико-семантические группы действуют как взаимосвязанные компоненты, помогая обеспечить реализацию точных смысловых различий, чтобы коммуникация оставалась точной и эффективной. Учёный далее пишет: «лексико-семантические группы – это лексические объединения с однородными, сопоставимыми значениями», представляющие собой «специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития» [172, с. 537–538]. В этом контексте словарный запас – это не просто совокупность изолированных элементов, а организованное целое, отражающее концептуальную и функциональную связь между словами. По словам Ф.П. Филина, «каждое слово в лексической системе языка или говора является компонентом лексико-семантической группы, точнее, сразу нескольких групп, и его значение определяется местом среди других слов, его словарным окружением» [172, с. 538].

Ю. Н. Караулов описывает семантические поля как имеющие управляемую структуру и единую организацию [75, с. 57]. В поле «труд» ядро образуют ключевые лексические единицы, такие как «труд», «работа» и «профессия», которые определяют основное значение целенаправленной деятельности человека. Вокруг этого ядра сгруппированы смежные категории – «усилие», «результат», «процесс», а также специализированная терминология, отражающая более узкие области. Положение данной лексемы в поле не является фиксированным, а смещается в зависимости от контекста. Так, работа как человеческая деятельность принадлежит к ядру, а в

техническом употреблении (работа механизма) смещается к периферии. Эта динамичная структура указывает, как семантическое поле организует лексику как вокруг центральных, определяющих понятие единиц, так и через периферийные расширения, формируемые конкретными сферами применения.

Суждения Ю.Д. Апресяна о непрерывном семантическом пространстве указывают на то, что семантические поля пересекаются и взаимодействуют, образуя единое пространство [7, с. 241].

Например, поле «свет» соединяется с «цветом» («яркий», «красный») и через метафору распространяется на «эмоции» («светлая грусть»). Эти ассоциации создают цепочки, позволяющие плавно переходить от одного поля к другому, например «огонь» → «тепло» → «уют» → «безопасность». Люди интуитивно группируют понятия на основе опыта, как это видно на примере метафорической связи между «временем» и «движением» («время летит»). Аналогично, поле «борьба» может охватывать как конкретные действия («нападение», «защита»), так и абстрактные идеи («конкуренция», «спор»). Полисемичные слова служат мостиками между различными областями, например, «острый» охватывает области «вкуса», «интеллекта» и «эмоций».

Эта семантическая непрерывность отражает непрерывность человеческой мысли, природу человеческого познания и гибкость языка, который развивается, чтобы интегрировать новые значения, сохраняя при этом связь с прошлыми понятиями.

И.А. Стернин выделил признаки поля, включая его системную организацию, семантическую общность элементов, объединение однородных и разнородных элементов, структуру из микрополей, вертикальную и горизонтальную организацию, ядро и периферию, а также зоны переходов между полями. Учёный также указывает на то, что «Базовые структурные компоненты концепта – образ, информационное содержание и интерпретационное поле – распределяются по разным полевым участкам

концепта, при этом отсутствует жёсткая закреплённость структурных компонентов концепта за определенными полевыми зонами» [127, с. 114].

Последнее время поля рассматриваются как межуровневое явление, где общий семантический признак объединяет языковые средства разных уровней. А.В. Бондарко описывает функционально-семантическое поле как систему разноуровневых средств, объединённых на основе общности и взаимодействия функций. В полях выделяются центр и периферия, а также зоны пересечения с другими полями [30, с. 24]. Далее он пишет, что «общее (инвариантное, категориальное) значение грамматической формы приравнивается к семантическому содержанию и понимается как инвариантный семантический потенциал, отличающий данную форму от других членов определенной системы форм» [30, с. 78-79].

В лингвистике концепт и семантическое поле понимаются как система языковых единиц, связанных между собой определёнными отношениями. Эти отношения не хаотичны; они образуют внутреннюю организацию, в которой каждая единица занимает своё место в зависимости от своего значения, частотности и сферы использования.

Поля охватывают элементы разных языковых уровней – от отдельных слов и словосочетаний до устойчивых выражений и терминологии. Все они объединены общим значением, которое, однако, может быть неоднородным и делиться на микрополя, иногда противоположные по направленности. Например, семантическое поле «движение» можно подразделить на микрополя «приближение» (приходить, прибывать, прилетать) и «отбытие» (уходить, уезжать, улетать).

Структура поля обычно описывается с помощью горизонтальных и вертикальных сечений. Горизонтальные сечения позволяют увидеть взаимосвязь между элементами одного порядка в пределах одного микрополя (например, в поле «труд» работа, профессия, ремесло будут расположены рядом друг с другом). Вертикальные сечения показывают иерархию значений

от более общих к более специализированным (например, труд → профессия → врач, учитель, инженер).

Особое внимание уделяется делению на ядро и периферию. Ядро поля сосредоточено вокруг доминирующего элемента – ключевого слова или понятия. Так, в поле «труд» доминирующим элементом может быть слово работа, вокруг которого группируются слова с похожим значением (занятость, профессия, деятельность).

Периферия содержит единицы, значение которых связано с центральным понятием косвенно или в конкретных контекстах: подвиг (как «труд для высшей цели»), ремесло (как «особый вид труда»), заработок (как «результат труда»).

Периферия часто демонстрирует богатство ассоциативных и культурных связей. Например, в русском языке слово труд (работа) имеет коннотацию «усилие» и «обязанность», в то время как на периферии оно может ассоциироваться с понятием «героический поступок».

В таджикском языке меҳнат также образует ядро, но периферия окрашена социальными ценностями в большей степени (захмат – усилие, лишение; хизмат – служение; ранҷ – трудность, страдание), отражая культурное восприятие труда не только как физического действия, но и как социальной добродетели. Семантическое поле – это не статичный список слов, а динамическая структура, в которой ядро и периферия взаимодействуют, отражая как системные свойства языка, так и культурные особенности его носителей.

Разделение семантического поля на ядро и периферию обеспечивает не только структурный, но и функциональный баланс во всей системе.

Ядро концентрирует наиболее частые и однозначные единицы, которые выполняют ключевые функции в поле. Благодаря своей семантической прозрачности такие слова требуют минимального контекста для интерпретации и, таким образом, обеспечивают так называемую лингвистическую экономию. Например, в поле «движение» ядерными

единицами будут идти, ехать, лететь, которые выражают базовые и универсальные значения, легко узнаваемые в любой коммуникативной ситуации.

Периферия, напротив, выполняет дополнительные, менее универсальные или более специализированные функции. Здесь сосредоточены лексемы с описательными, относительными, повседневными или профессиональными семами (значимыми компонентами). Возьмём, к примеру область «движения», которая может включать слова *шагать*, *шататься*, *шестьковать*, *мигрировать*, уточняющие или детализирующие общее значение, добавляющие стилистическую окраску и отражающие социальный или культурный контекст.

Именно периферийная зона служит местом активного пересечения с семантическими полями. Слово «*бродить*» может относиться не только к области «движение», но и описывать «жизненный путь», а лексема «работа» связывает концепты «труд» и «усилие». Такие пересечения образуют вторичные или пересекающиеся поля, которые расширяют интерпретационные возможности языка и обеспечивают богатство ассоциативных связей.

Взаимодействие ядра и периферии формирует сбалансированную структуру: ядро содержит самые частотные и стабильные значения, обеспечивая согласованность лингвистической системы, а периферия приносит менее распространённые, более выразительные оттенки, обогащая язык и придавая ему гибкость и способность адаптироваться к новым культурным, социальным и когнитивным условиям.

Исследование семантических полей даёт глубокое понимание как внутренней организации языка, так и его связи с внеязыковой реальностью и коллективным языковым сознанием. Поля выявляют системные отношения между лексикой и фразеологией, объединёнными общей номинативной функцией и семантической направленностью: они называют явления в мире и отражают различные способы их концептуализации. Анализ полей помогает

нам увидеть, как язык связан с нашей памятью и культурой: он показывает правила, которые мы используем для построения речи, и как общий социальный опыт отражается в ней.

Эта логика напрямую соотносится с классификацией концептов, предложенной И. А. Стерниным, который выделяет «одноуровневые, многоуровневые и сегментные концепты. Одноуровневый концепт включает только чувственное ядро, фактически – один базовый слой. Многоуровневый концепт включает несколько когнитивных слоёв, различающихся по уровню абстракции [...]. Сегментный концепт представляет собой базовый чувственный слой, окружённый несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции» [124, с. 59-60]. Одноуровневые концепты представляют собой когнитивные образования, ограниченные одним базовым уровнем репрезентации и обычно интуитивно понятны и легко воспринимаются. Например, концепт «время» в его базовом понимании как некая последовательность временных отрезков – утро, день, вечер, ночь, которые воспринимаются, не требуя дополнительных толкований и объяснений, ибо их семантика закреплена на уровне непосредственного и обыденного восприятия.

Многоуровневые концепты обладают более сложной архитектурой, построенной путём наложения нескольких когнитивных слоёв на исходное представление, что приводит к постепенному усложнению семантического содержания. Концепт «занятие» иллюстрирует эту структуру: на первоначальном уровне она может обозначать конкретное действие или род деятельности, например, выполнение человеком определённой задачи. На последующих уровнях появляются абстрактные элементы, включая усердие, ответственность, социальную значимость и самореализацию. Следовательно, «занятие» выходит за рамки простой деятельности и включает в себя диапазон значений, отражающих индивидуальные и общественные ценности.

Сегментные концепты принадлежат к конкретным сферам знания или деятельности и включают в себя ряд самостоятельных, но тематически связанных элементов, объединённых общим семантическим полем. Их

отличие от многоуровневых концептов, где значения выстраиваются иерархически, заключается в том, что значения в них связаны тематически или ассоциативно. Например, концепт занятие в образовательном контексте может включать такие сегменты, как обучение, творчество, практика, саморазвитие. Хотя каждый компонент несёт свою уникальную когнитивную функцию, в совокупности они создают единый, целостный концепт.

Полевая модель языка, первоначально сформулированная для описания лексико-семантических отношений, имеет значительный потенциал для применения в изучении когнитивных процессов и организации концептуальных структур. Использование термина «поле» с когнитивной точки зрения является методологически целесообразным, поскольку оно облегчает описание внутренней архитектуры концепта посредством противопоставления ядра и периферии и учитывает различные уровни конкретности, абстрактности и образности, присутствующие в когнитивных представлениях.

Лингвистическая реализация концепта происходит через различные единицы – от отдельных слов и синонимов до сем, дефиниций, фразеологизмов и дискурсивных конструкций. Анализ таких лингвистических данных позволяет реконструировать полевую структуру концепта, тем самым придавая форму его когнитивной организации. Важно понимать, что концепт существует не сам по себе, а как компонент речевой и ментальной деятельности, неразрывно связанный с процессами осмысления, категоризации и интерпретации, происходящими в сознании носителя языка.

Связь между концептом и семантическим полем вполне оправдана с теоретической точки зрения. Культурное содержание концепта выражается через его вербализацию, то есть с помощью слов, устойчивых выражений и текстов. Особенно наглядно это взаимодействие проявляется, когда мы рассматриваем концепт внутри семантического поля, что сочетание лингвокогнитивного и полевого подходов позволяет достичь желаемых результатов.

Семантическое поле, напротив, представляет собой структурированный набор взаимосвязанных концептов, связанных между собой по принципу смысловой близости, функциональной совместимости или культурной релевантности. Например, семантическое поле труд образует концепты (занятие, дело, служба) в рамках тематической области, каждый из которых обладает внутренней структурой, охватывающей ядро. Каждый концепт, в свою очередь, имеет внутреннюю структуру, включающую ядро (конкретные, частотные, стилистически нейтральные элементы) и периферию (абстрактные, контекстуально зависимые, менее частотные единицы).

Концепт и семантическое поле являются взаимодополняющими категориями, поскольку в то время, как концепт обозначает ментальную конструкцию, отражающую опыт, знания и культурные ценности, семантическое поле выступает в качестве его лингвистической проекции, организуя словарный запас вокруг ядра и периферии. Концепт устанавливает когнитивное содержание, а поле обеспечивает его лингвистическое воплощение и системные связи между словами. Их взаимосвязь позволяет проследить, как когнитивные структуры памяти и культурные модели выражаются через язык, и как язык, в свою очередь, формирует и укрепляет концептуальные представления. Следовательно, анализ семантических полей становится важным инструментом для выявления того, как концепты представлены лингвистически, и для понимания того, как язык, мышление и культура образуют единую систему.

Чтобы логически продолжить этот анализ, мы должны обратиться к устойчивым единицам языка, таким как фразеология и паремиология, поскольку в них связь между когнитивными и культурными факторами находит наиболее яркое выражение. Именно поэтому следующий раздел будет посвящён основным подходам к соотношению фразеологии и паремиологии в современной лингвистике.

2.1.1. Основные подходы к соотношению фразеологии и паремиологии в современной лингвистике

В современных лингвистических исследованиях сложились различные взгляды на соотношение паремиологии (изучение пословиц и поговорок) и фразеологии. Фразеологический пласт является показателем лексико-фразеологической системы языка, неразрывно связанной с культурной средой и историей общества. К определениям фразеологизма относятся: 1) устойчивость, 2) конкретное семантическое содержание, 3) лексико-грамматическая структура.

Статус пословиц и поговорок в составе фразеологии до сих пор остаётся нерешённой проблемой. Для некоторых лингвистов фразеология – это отдельная дисциплина, включающая в себя все устойчивые и воспроизводимые сочетания фразеологических срощений, единств, фразеологических сочетаний, пословиц, поговорок, крылатых выражений, речевых клише. С этой точки зрения пословицы и поговорки приравниваются к фразеологическим единицам.

Другие учёные, напротив, отстаивают особый статус пословиц и поговорок, не считая их частью фразеологии. По их мнению, пословицы и поговорки по своей структуре и функции заметно отличаются от других фразеологических единиц, семантических срощений или фразеологических сочетаний. Пословицы и поговорки служат не только украшением речи, но и особым средством передачи фундаментальных и непреложных истин. Благодаря своей краткости и ясности, они содержат в себе наблюдения, которые сохранялись и передавались из поколения в поколение.

Возьмём, к примеру, русскую пословицу «Без труда хлеб не родится». Она формулирует, казалось бы, самоочевидный, но важный принцип: любой результат требует усилий. В этом выражении хлеб выступает в качестве центральной метафоры, олицетворяя пропитание, благополучие и саму основу жизни. Его достижение зависит от усердного труда; без него нельзя ожидать ни урожая, ни процветания.

Аналогичное понимание можно найти в таджикской традиции, где поговорка «Мехнати халол – нони бемалол» (букв. «Честный труд – пропитание без упрёков от кого–либо») передаёт похожее послание с дополнительными оттенками, подчёркивая не только необходимость труда, но и моральное качество этого труда. Здесь акцент делается на честности как необходимом условии и материального изобилия, и внутреннего спокойствия.

Учёные, придерживающиеся широкого определения фразеологии, с одной стороны, включают пословицы и поговорки во фразеологическую систему. Однако в последнее время сформировалась особая отрасль филологии, предметом которой являются пословицы и поговорки, называемые «паремии». Поэтому «паремии» – как «краткие» формы фольклорных жанров – стали изучать и фразеологи, и фольклористы, и паремиологи. Интерес к этим выражениям не ослабевает из-за их удивительной выразительности и широкого эмоционально–стилистического диапазона. Третья точка зрения предлагает компромиссный подход, который признает наличие общих характеристик между пословицами, поговорками и фразеологическими образованиями, однако также отмечает их отличия. В рамках указанного подхода паремии изучаются как особые лексико-фразеологические образования, обладающие. Этот подход подразумевает изучение пословиц и поговорок как особой категории лексико-фразеологических образований, обладающих специфическими характеристиками и выполняющих особые функции в языке.

Различие заключается не в том, как мы их называем или квалифицируем, а в том, что именно делает пословицы и поговорки тем, чем они являются. Устойчивые выражения люди произносят, не задумываясь, их легко использовать, и они экономят время, оставаясь лишь устоявшимися речевыми шаблонами и им не хватает структурных или концептуальных свойств, позволяющих им стать чем-то средним между отдельным словом и полным предложением. Пословицы, напротив, обладают внутренним смыслом и функционируют как самостоятельные суждения, которые нас чему-то учат,

дают нам урок или подразумевают некую мораль. Именно это делает пословицы уникальными и отличающимися от других типов слов и выражений

Например, устойчивое выражение «бить баклуши» означает праздное безделье, однако само по себе оно не претендует на роль мысли глубокой и законченной. Для сравнения, пословица «Без труда не вытащишь рыбку из пруда» представляет гораздо больше, чем просто описание, это сгусток житейской мудрости, наставление, в котором запечатлён многовековой опыт. Она предлагает не только яркую метафору, но и связное и поучительное послание, иллюстрируя существенное различие между образным выражением и мудрым изречением.

Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семенович отмечали, что «фразеологизмы, паремии и афоризмы – это типы устойчивых выражений, каждый из которых обладает своим набором структурных, семантических и лексических особенностей» [2, с. 243]. В последние годы сформировался новый подход, определяющий сферу применения паремиологии. В рамках этого подхода паремиология больше не рассматривается как подраздел фразеологии. Напротив, она признаётся сложной междисциплинарной областью на стыке лингвистики, культурологии и когнитивных наук. Данный подход позволяет исследовать не только формальную структуру пословиц, но и их функцию в сохранении и передаче культурных знаний, формировании коллективного мировоззрения и облегчении общения между поколениями.

При изучении фразеологического фонда языка особое внимание следует уделять как общим, так и специфическим свойствам пословиц и поговорок, поскольку они, вне всякого сомнения, представляют собой подлинную сокровищницу культурного и исторического наследия народа. Являясь устойчивыми речевыми формулами, они отражают не только закономерности лексико-семантической системы языка, но и нравственные, социальные и культурные ценности, сформировавшиеся на протяжении всей истории народа.

Пословицы и поговорки обладают несколькими важными свойствами: структурной устойчивостью, воспроизводимостью в речи и яркой образностью. Благодаря этим свойствам они способны выражать нечто сложное в простой и доступной форме. Более того, пословичное мышление, как правило, демонстрирует большую когнитивную устойчивость по сравнению с другими формами мышления, что во многом объясняет их удивительную долговечность и универсальность в разных культурах. Богатое разнообразие терминологии и широкий диапазон функций, выполняемых пословицами и поговорками, оправдывают их рассмотрение в качестве самостоятельного объекта исследования в рамках фразеологии. Занимая уникальное положение на стыке языка, культуры и коллективного опыта, они дают ценную информацию о ценностях общества, социальных нормах и исторической памяти, тем самым способствуя укреплению культурной идентичности и обеспечивая преемственность в рамках лингвистической традиции. Такой подход открывает новые перспективы для изучения самобытных сторон национального языкового мышления [Архангельский 1964, Виноградов 1977, Кунин 1972, Шанский 1985].

Современные лингвисты расходятся во мнениях относительно дефиниций фразеологии. Они не пришли к единому мнению о том, следует ли включать в эту область пословицы и поговорки. Традиционный метод фразеологических исследований определяет эту область как систему фиксированных семантических элементов, рассматривая фразеологические конструкции как устойчивые словосочетания, которые функционируют как целостные номинативные средства. Некоторые исследователи [Молотков 1977, Жуков 1978] выделяют в качестве важнейших признаков фразеологических единиц структурную целостность (целостность значения) и семантическую неразложимость (идиоматичность).

Ряд учёных, в том числе Ларин [1956], Бабкин [1966], Копыленко и Попова [1978], предлагают расширенное понимание фразеологии. Предлагаемое определение фразеологизма включает все возможные сочетания

лексики, даже если слова демонстрируют неустойчивость формы или контекстуальную зависимость употребления. Этот способ определения охватывает как классические фразеологизмы, так и другие словосочетания: полуфиксированные коллокации (например, «принять решение»), пословицы («Цыплят по осени считают») и поговорки («Лучше поздно, чем никогда»), которые, несмотря на вариативность формы, сохраняют устоявшееся культурное или прагматическое значение.

Для узкого определения необходимы фиксированные структуры с определёнными значениями, в то время как широкий подход учитывает гибкость контекстуального значения.

Учёные расходятся во мнениях относительно номинативной функции, поскольку одни описывают фразеологические выражения как слова–названия явлений, а другие отмечают их использование в коммуникации, особенно для эмоциональных и культурных значений.

На том, что пословицы и поговорки имеют особую структуру предложения, которую они не представляют собой семантические эквиваленты слов, акцентирует внимание Виноградов [1986]. По его словам, «пословицы и поговорки обладают особой структурой предложения и не являются семантическими эквивалентами слов» [40, с. 243]. Развивая эту мысль, Н. М. Шанский выделил фразеологические выражения, включающие пословицы и поговорки, в четвёртую группу фразеологических единиц. По мнению Шанского, эти выражения состоят из слов со «свободным номинативным значением и семантической сегментацией» и именно воспроизводимость является их определяющей характеристикой [181, с. 76].

В современной лингвистике наблюдается растущая тенденция к обоснованию необходимости отдельной классификации паремий – пословиц и поговорок. Исследователи считают, что эти единицы характеризуются не только уникальными структурными моделями, но и специфическими семантическими и функциональными свойствами. Именно эта двойная природа позволяет выделить их в отдельную категорию внутри общей

системы фразеологии. Например, выражения типа «бить баклуши» (бездельничать) относятся к классическим фразеологическим выражениям, а пословица «Тише едешь – дальше будешь» – к особой категории, сочетающей в себе устойчивость, образность и назидательность.

Многие учёные, в том числе С.И. Ожегов и А.И. Молотков с Ю.А. Гвоздаревым, не признают, что поговорки и пословицы являются частью фразеологии. Они считают, что объединение разнородных языковых явлений (например, идиомы «бежать сломя голову» и пословицы «Семеро одного не ждут») на основе критерия воспроизводимости размывает границы дисциплины.

Пословицы выступают как отдельные высказывания, которые, по мнению этих учёных, не соответствуют языковой номинативной системе фразеологических выражений. Например, выражение «водить за нос» (обманывать) функционирует как часть предложения, а пословица «Не рой яму другому – сам в неё попадёшь» является самостоятельным суждением.

В своей компромиссной методике Л.Б. Савенкова предлагает рассматривать пословицы и поговорки как самостоятельные языковые единицы, обладающие устойчивостью (например, пословица «Любишь кататься, люби и саночки возить» сохранила свой первоначальный вид с древних времён); воспроизводимостью, дидактизмом, назидательностью и пр.

По её мнению, контекст обеспечивает дополнительную поддержку, которая усиливает дидактический характер пословиц: «Безусловно, было бы неправомерно заявить, что каждое употребление паремии в речи предполагает обязательную назидательность. Скорее, можно утверждать, что в дискурсе для каждой пословицы и поговорки возможен контекст дидактического характера» [139, с. 130].

Н.Н. Амосова отвергает идею о включении пословиц и поговорок в фразеологию, аргументируя тем, что только словосочетание, а не предложение, может быть фразеологизмом. Она включает во фразеологию лишь те единицы, которые «выступают в речи с присущей фразеологизмам

функцией единицы номинации или, во всяком случае, не являются единицей коммуникации» [4, с. 144].

Стоит отметить, что пословицы и поговорки занимают особое и привилегированное положение в лингвистической системе, принципиально отличаясь от фразеологизмов как по синтаксической структуре, так и по семантической функции. В то время как фразеологические единицы действуют в основном на лексическом уровне как фиксированные выражения с единым, часто целостным и не членимым значением, пословицы обладают грамматической завершённостью и передают обобщённые суждения, часто морального или дидактического характера.

Семантическая глубина пословиц заключается в их способности воплощать не только отдельные значения, но и целые пласты культурных, этических и социальных ценностей, что позволяет им передавать накопленные знания, ценности и взгляды, сформированные в рамках коллективного опыта. В отличие от них, поговорки, как правило, носят более наблюдательный и описательный характер, часто лишённый нормативного или поучительного тона, характерного для пословиц.

На наш взгляд, структурная и функциональная особенность пословиц и поговорок оправдывает их рассмотрение в качестве отдельной аналитической категории в рамках фразеологии. Их синтаксическая целостность и семантическое богатство поднимают их до статуса «микротекстов», способных выразить мировоззрение народа и сформулировать ключевые представления о человеческом бытии в лаконичной и метафорически насыщенной форме. Эта точка зрения поддерживается многими учёными: например, В.М. Мокиенко выступает за признание паремий в качестве самостоятельного класса единиц в силу их уникальной коммуникативной функции [221, с. 5–12 (вступ. ст.)], а Ю.А. Стернин указывает на их культурную и семиотическую значимость [124, с. 45–48].

Различные научные дисциплины, включая фольклористику, лингвистику, поэтику и историю, изучают пословицы и поговорки с разных

точек зрения и подходят к их определению с учётом своих особенностей и задач. Некоторые исследователи сосредотачиваются на синтаксической организации пословиц и поговорок, выделяя определённые синтаксические конструкции. Однако для полного понимания пословиц и поговорок необходимо обращаться также к их структурно–семантической модели, учитывая как форму, так и смысловое содержание.

По мнению В.П. Аникина, «пословица – это обобщённая мысль народа, выраженная в краткой поэтической форме и обладающая самостоятельностью полного и законченного суждения. В пословичном суждении сосредоточено содержание обширной речи, могущей возникнуть по его поводу, суть её» [6, с.5].

Однако Л.Б. Савенкова указывает на возможные проблемы и разногласия в определении пословицы и поговорки. Она отмечает, что не все пословицы и поговорки обязательно обладают иносказательностью и высказывает сомнения относительно утверждения о большей конкретности поговорки по сравнению с пословицей: ««вызывает сомнение утверждение о большей конкретности поговорки по сравнению с пословицей» [139, с. 89].

Несмотря на довольно широкий диапазон мнений по данной проблеме, можно выделить некоторые общие черты этих языковых явлений. Пословица – это краткое, устойчивое и ритмически организованное изречение, которое обобщает конкретную ситуацию и обладает способностью к многозначному употреблению. Поговорка, в свою очередь, является широко распространённым выражением, образно определяющим жизненное явление и обычно сопровождаемым эмоционально-экспрессивной оценкой. Она чаще всего является частью суждения и отличается от пословицы своей конкретной темой, образом и формой.

В итоге, хотя точные границы между пословицей, поговоркой и паремией могут быть не всегда чётко определены, исследования и точки зрения учёных позволяют лучше понять их сущность и особенности использования в речи, ибо эти единицы являются важными элементами

фольклора и языка, представляя собой устойчивые выражения, передающие определённые мысли, суждения и эмоциональные оттенки.

Рассмотрим иные точки зрения учёных, которые стремятся разграничить пословицы и поговорки не только по формальным признакам. М.А. Рыбникова считала, что «Поговорка – это оборот речи, выражение, элемент суждения. Пословица – законченное суждение, завершённая мысль» [144, с.17]. Такое определение М.А. Рыбниковой не устанавливает различий в законах функционирования этих структур в речи.

А.И. Молотков писал: «общие проблемы фразеологии русского языка на уровне современных знаний фразеологии могут быть сформулированы так: 1) определение языковой природы фразеологизма, 2) историко-временная и стилистическая характеристика фразеологизмов, 3) уяснение закономерностей употребления фразеологизмов в речи» [200, с. 7].

Л.Б. Савенкова в своём исследовании устанавливает, что пословицы наиболее близки к поговоркам структурно и функционально. Основное различие между ними заключается «в метафорическом смысловом потенциале» и более широком «абстрактном семантическом содержании» пословицы по сравнению с поговоркой [139, с. 67].

Проведённый анализ различных точек зрения позволяет сформулировать следующие функциональные определения отличительных признаков паремий от пословиц и поговорок. Термин «паремии» включает в себя как пословицы, так и поговорки, которые являются устоявшимися выражениями, часто используемыми людьми в разговоре для обмена обобщёнными понятиями. Пословица представляет собой последовательное высказывание, содержащее общее смысловое наполнение как в буквальном, так и в переносном значении. Структурная последовательность поговорки совпадает с внешним видом, но весь общий смысл она приобретает при буквальном толковании.

Вопрос о том, следует ли относить пословицы и поговорки к языковым знакам или ограничить область языковых знаков только словами и

фразеологическими единицами, остаётся дискуссионным в современной науке. В.Н. Телия выделяет функциональную самостоятельность пословицы и рассматривает её как «предикативную единицу, связанную с логической сущностью» [158, с. 82]. Ю.А. Гвоздарев указывает на особенности функционирования пословицы в тексте и её изолированность как отдельного предложения [44, с. 44].

Языковые знаки, составляющие пословицы и поговорки, существуют самостоятельно как семантические, структурные и функциональные единицы. В пословицах и поговорках используются метафоры и яркие образы для выражения нравственных и жизненных истин в форме кратких, самостоятельных высказываний. А.А. Потебня отмечает широту их применения, но в то же время предполагает, что они используются лишь в определённых ситуациях [132, с. 94]. Семантические значения этих выражений зависят от контекста. Если перестанут их использовать, то такие выражения могут постепенно исчезнуть. По мнению Л.Б. Савенковой, пословицы выполняют две важные функции: предикативную и номинативную, и она описывает их концептуальные метки [139, с. 84]. Научному сообществу по-прежнему необходимо более глубокое понимание сложной семиотической природы пословиц, поскольку их роль в динамике языка остаётся до конца неясной.

Пословицы и поговорки являются номинативными единицами, которые имеют обобщённый образ и могут быть использованы в различных коммуникативных ситуациях. Они обладают предикативностью, то есть содержат определённое суждение, и могут использоваться для обозначения конкретных понятий и явлений. Однако их понимание может быть усложнено в отсутствие контекста, и с течением времени они могут потерять свою активность и стать менее употребительными.

Анализ знаков, к которым относятся слова, фразы, пословицы и поговорки, использует три специфических слоя значения, включая денотативный семантический и экспрессивный. Различные смысловые слои

вместе определяют способ доставки информации и передачи понятий, а также порождают эмоции.

Знаки получают физические связи с объектами реального мира в качестве своего самого основного значения через денотацию. Например, слово «дерево» денотативно обозначает высокое растение со стволом и ветвями. Денотативное значение обеспечивает конкретную реальную основу, которая устанавливает буквальное значение знаков как их основную референтную точку.

Семантический слой выходит за пределы базовой референции и определяет концептуальные особенности вместе с приписываемыми качествами, которые связываются со знаком. Люди чаще всего полагаются на собственное понимание и опыт, чтобы определить контекст и уловить основной смысл каждого знака. Язык кодирует абстрактные понятия и культурные знания посредством метафорических связей, особенно во фразеологизмах, пословицах и поговорках.

Эмоциональные и мировоззренческие аспекты, передаваемые знаком, составляют основу его значения. С помощью знаков мы можем уловить скрытые эмоции собеседника и его намерения.

Знак получает фактическую референцию через денотативное значение, семантическое значение расширяет его через концептуальное измерение, а экспрессивное значение добавляет эмоциональную и оценочную значимость. Любая знаковая система сочетает в себе три уровня – буквальный, когнитивный и эмоциональный – для обеспечения гибкой и эффективной коммуникации.

Различные традиции и подходы в логике, философии и лингвистике предлагают разные определения понятия «знак». Ч. Моррис и Ф. де Соссюр определяют знак как некий материальный носитель, представляющий другую сущность. Е.С. Кубрякова рассматривает знак как единство материальной формы и содержания, которое интерпретируется в языковом коллективе [Кубрякова 1993].

Пословицы и поговорки являются многомерными культурными и лингвистическими символами, сочетающими в себе семантическую глубину и выразительную силу, позволяющую формулировать истины, передавать эмоции и структурировать коммуникацию.

Основываясь на формальных и смысловых признаках пословиц и поговорок, современные лингвисты исследуют паремии без необходимости привлечения характеристик фразеологических выражений. Однако в некоторых случаях особенности фразеологизмов всё же учитываются исследователями

В контексте изучения пословиц и поговорок существует дискуссия относительно их статуса как языковых или речевых единиц. Однако множество языковедов, включая В.В. Виноградова, В.Л. Архангельского, Г.Л. Пермякова, Л.Б. Савенкову и других, придерживаются точки зрения о том, что пословицы могут быть отнесены к языковым единицам, а не только к речевым.

Г.Л. Пермяков классифицирует пословицы и поговорки на основе степени их обобщённости и считает, что «все пословично-поговорочные предложения разделяются на два класса по степени обобщённости: частные предложения и обобщённые предложения» [120, с.18]. Нам думается, что пословицы и поговорки можно рассматривать как некие особенные паремиологические знаки. Будучи сходными с другими единицами языка – словами либо фразеологизмами – они явно выходят за их пределы. В свою очередь подобная двойственность показывает, что они являются элементами языковой системы и одновременно схожи с самостоятельными микротекстами.

В научных исследованиях пословицы и поговорки обычно рассматриваются как лингвистические знаки. В то же время их текстовых характер значительно расширяет диапазон их значений и ареала употребления. Это не просто устойчивые выражения, они несут многослойные толкования и могут быть использованы практически в любых коммуникативных ситуациях.

Если рассматривать их как вторичные языковые знаки, их роль становится очевиднее, ибо они отражают концептуальную картину мира и национальную культуру носителей языка. Следовательно, паремиологический фонд языка не является случайным явлением, ведь он сохраняет ценности общества, его опыт и способы интерпретации окружающего мира.

С этой позиции изучение паремий исключительно в структурном или семантическом плане представляется недостаточным. Необходим комплексный, интегративный подход, учитывающий также когнитивные и культурные механизмы. Только тогда мы сможем понять как то, что является универсальным в пословицах, так и то, что присуще отдельно взятой культуре, их место в языковом сознании. Наконец, особое внимание следует уделить тому, как пословицы и фразеологические единицы соотносятся с семантическими полями. Именно в рамках этих полевых отношений становится очевидной их внутренняя организация: иерархии значений, ассоциативные связи и семантика, сформированная культурой. Иными словами, семантические поля дают ключ к пониманию того, как эти единицы структурированы и как они функционируют в языке в целом.

2.1.2. Вопрос о соотнесённости фразеологизмов и паремий с семантическим полем

Основная цель данного параграфа заключается в установлении взаимосвязи между фразеологическими единицами и паремиями (пословицами и поговорками) в рамках семантического поля, в частности, в определении условий, при которых каждая из них занимает ядерное или периферийное положение в его структуре.

Для анализа этой взаимосвязи в исследовании используются определения, соответствующие устоявшейся лингвистической традиции. Фразеологическая единица определяется как устойчивое словосочетание, характеризующееся целостным значением, идиоматичностью и воспроизводимостью. Н.М. Шанский писал: «Фразеологическая единица – это воспроизводимое в готовом виде языковое образование, состоящее из двух

или более ударных компонентов, целостное по значению и раздельнооформленное по структуре» [180, с. 28–29]. Она функционирует как компонент предложения (например, сказуемое, дополнение) и в основном выполняет номинативную функцию. Согласно определению А.В. Кунина, фразеологизм – «стабильное сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением» [86, с. 8].

Паремия (пословица или поговорка) представляет собой синтаксически завершённое предложение, обладающее предикативной структурой и реализующее дидактическую, оценочную и обобщающую функцию. Согласно определению в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», пословица – это «лаконичное, устойчивое, поучительное выражение в разговорной речи, отражающее многовековой опыт народа и имеющее форму полного предложения» [197, с. 374].

Семантическое поле концептуализируется как систематический набор лексических и фразеологических единиц, объединённых общим концептуальным содержанием и организованных вокруг семантического доминанта (ключевого понятия). Ю.Н. Караулов пишет: «Внутренняя структура семантического поля дифференцируется на ядро и периферию; различие между ними определяется степенью репрезентативности, частотностью и функциональной нагрузкой единиц». [76, с. 45-46].

Включение пословиц в сферу фразеологического анализа поддерживается такими учёными, как Н.М. Шанский, который выступает против их исключения: «неправильно исключать из состава фразеологических единиц устойчивые сочетания, организованные структурно как предложения, если они обладают всеми конститутивными признаками фразеологической единицы» [180, с.23], Такой подход имеет решающее значение для понимания того, как ФЕ, и пословицы вносят вклад в общую структуру и значение семантического поля.

Хотя в лингвистической литературе представлен широкий спектр подходов – от «широкого» понятия, включающего паремии в

фразеологический фонд, до «узкого» понятия, исключаящего их, мы считаем более продуктивным анализировать их функциональные роли внутри семантического поля, а не пытаться окончательно определить их «надлежащее» место в фразеологии.

Разделение поля на ядро и периферию наглядно показывает функциональное распределение между типами единиц.

Ядро последовательно состоит из элементов, характеризующихся высокой частотностью и семантической однозначностью. Этот центральный слой включает ключевые лексемы (например, работа, труд, профессия) и устойчивые ФЕ, которые напрямую называют или обозначают базовое понятие (например, *взяться за дело, даст ба кор доштан*).

Периферия семантического поля состоит из более изменчивых и выразительных лингвистических средств, к которым относятся, прежде всего пословицы и поговорки. Они в первую очередь передают ценностные ориентиры и культурные коннотации. Кроме того, периферия выполняет роль своеобразной границы, где данное понятие пересекается и переходит в смежные семантические области (скажем, пословицы о труде не просто описывают работу, а зачастую затрагивают темы чести, справедливости и долга перед обществом).

Так, в семантическом поле «труд/меҳнат» в русском и таджикском языках ядро образуют высокочастотные номинативные (в русском языке *работа, труд, профессия*; в таджикском – *меҳнат, кор, касб*). Периферию же активно заполняют пословицы и поговорки, такие как русская «*Без труда хлеб не родится*» и таджикская «*Меҳнати ҳалол – нони бемалол*» (Заработанный честным трудом з хлеб сладок). Паремнологические единицы существенно обогащают семантику поля, наполняя понятие труда морально-этической ценностью, представлениями о благополучии, тем самым значительно расширяя его культурный и концептуальный объём.

Сравнительный анализ показывает, что, хотя фразеологические единицы (ФЕ) и пословицы занимают разные уровни в системной организации

семантического поля, они функционально дополняют друг друга. В частности, ФЕ составляют номинативное ядро, служащее для отражения устойчивых категорий действия и состояния. В отличие от этого, пословицы и поговорки образуют ценностно–оценочную периферию, которая является хранилищем концентрированных культурных, этических и эмоциональных значений.

Таблица 1. Сопоставление фразеологизмов и паремий по признакам системной соотнесённости

Семантическое поле	Тип единицы	Предикативность	Семантическая автономия	Функциональная направленность	Положение в поле
Труд / меҳнат	работа, труд, меҳнат (лексемы)	–	высокая	номинация	ядро
взяться за дело; даст ба кор доштан	фразеологизм	нет	средняя	номинация / экспрессия	ближе к ядру
пословица: «Без труда хлеб не родится никогда»	паремия	да	высокая	дидактическая, нравственная	периферия
пословица: «Меҳнати ҳалол – нони бемалол»	паремия	да	высокая	оценочная / социальная	периферия

Задача соотнесения фразеологических единиц (ФЕ) и пословиц с семантическим полем занимает видное место в современной лингвистике. Этот вопрос имеет ключевое значение, поскольку затрагивает основные принципы, определяющие структурную и функциональную организацию лингвистического материала в системе человеческих понятий.

ФЕ и пословицы, хотя и образуют два взаимосвязанных уровня лингвистической системы, далеко не идентичны. Их дифференциация имеет

решающее значение для понимания их соответствующих ролей в реализации концептов:

Таблица 2. Сравнительная характеристика фразеологических единиц и паремий

Признак	Фразеологические единицы (ФЕ)	Пословицы и поговорки (паремии)	Роль в семантическом поле
Синтаксическая завершённость	Неполные, образуют словосочетание	Завершённое предложение (предикативная структура).	ФЕ формируют номинативное ядро.
Семантическая самостоятельность	Частично или полностью идиоматичны; значение зависит от контекста	Обладают большей самостоятельностью; выражают обобщённую, универсальную истину	Паремии формируют ценностно–оценочную периферию
Функциональная направленность	Номинативная (называние, описание).	Дидактическая, оценочная, обобщающая (нравоучение, суждение).	Оба типа единиц необходимы для целостной реализации концепта.

Это системное различие не является чисто структурным; оно функционально. Фразеологические единицы, обладающие идиоматической семантикой и функционирующие вне предикативной структуры, выступают в качестве основных средств лексической репрезентации ключевых концептов. И наоборот, пословицы, предлагая полные, готовые суждения, выступают в качестве важнейшего звена между центральным понятием и более широкими культурными, этическими и эмоциональными системами ценностей языкового сообщества. Таким образом, анализ этой корреляции позволяет нам отобразить не только слова, связанные с концептом, но и мировоззрение и социальные нормы, заложенные в языке.

В связи с этим необходимо определить их статус в рамках семантического поля и уточнить критерии их системного соотнесения.

В рамках российского (Амосова, 1963; Ярцева, 2000; Кунин, 2005; Шанский, 1985) и таджикского языкознания (Фозилов, 1963; Маджидов, 1982; Джалилов, 1976; Раджабова, 2019, и др.) накоплен значительный объём исследований, позволяющих рассматривать пословицы и поговорки как структурно завершённые и семантически целостные речевые формулы, отражающие коллективное языковое сознание и культурную память.

Одним из первых учёных, включивших пословицы и поговорки в сферу таджикской фразеологии, был М. Фозилов [213; 214]. Он обосновал это включение, указав на их структурную стабильность и семантическую реинтерпретацию, что делает их соответствующими фразеологическим единицам. Среди примеров, которые он приводит, можно отметить следующие таджикские выражения: «Аз анбори холи – сад ман шоли» (Из пустого амбара не вытащишь сто мешков риса); «Давидани гусала то кахдон» (Теленок бежит, пока не добежит до яслей с сеном); «Хас каму чахон пок» (Меньше сорняков – чище мир); «Дар коса бошад, ба қошук мебарояд» (Что есть в чаше, то окажется и на ложке) и т.п.

М. Фозилов писал: «Пословицы и поговорки тесно связаны с фразеологическими единицами. Те из них, которые обладают переосмысленным значением и стабильной, фиксированной структурой компонентов, несомненно, относятся к области фразеологии» [214, с.с.13].

Эта точка зрения выдвигает на первый план лексико-семантическую основу фразеологической единицы, где определяющими чертами являются семантическая переосмысление компонентов и структурная инвариантность.

Один из наиболее широких подходов к определению сферы применения фразеологии можно найти в работе Р. Гаффорова, который отмечает, что при широком толковании термина «фразеология» пословицы и поговорки можно считать его частью, поскольку они используются в речи в готовом виде и не создаются заново, и к фразеологическим средствам языка относятся не только идиомы, но и поговорки, пословицы, афоризмы. Тем самым Р. Гаффоров указывает на функциональное единство всех устойчивых выражений, выделяя

их репродуктивный характер, готовность к употреблению и интеграцию в речь как законченные лингвистические единицы [1, с.23].

Продолжая интегративный подход к фразеологии, Х. Джалилов обосновывает включение пословиц и поговорок в её область, утверждая, что они демонстрируют большинство характеристик, присущих фразеологическим единицам. Пословицы и поговорки, как и другие фразеологические выражения, используются в речи в готовом виде, целиком и без изменений; они обладают семантической целостностью, отмечены традицией и общеупотребительностью; их компоненты фиксированы, и большинство из них имеют стабильную грамматическую структуру [52, с.14].

С сравнительной точки зрения, профессор М.Н. Азимова классифицирует пословицы и поговорки как коммуникативные фразеологические единицы, принадлежащие к более широкой фразеологической системе. По её мнению, такие конструкции «могут принимать форму как простых, так и сложных предложений, включая сочинительные и подчинительные синтаксические связи» [1, с. 122].

Таким образом, в таджикской лингвистике формируется концептуальная основа, в которой пословицы и поговорки понимаются как верхний, коммуникативный уровень фразеологической системы, характеризующийся структурной стабильностью, синтаксической завершённостью и морально-оценочной функцией.

Признание пословиц и поговорок частью системы фразеологических единиц таджикскими лингвистами представляет собой важный вклад в развитие национальной и сравнительной фразеологической теории. Такой подход демонстрирует осознание глубоких структурных и семантических связей между этими формами выражения. Тем не менее, большинство исследователей, как правило, ограничиваются констатацией факта этого включения, не предлагая всестороннего объяснения лежащих в основе механизмов – таких как степень семантической целостности, синтаксическая

фиксация или когнитивные принципы, определяющие переход пословиц и поговорок в фразеологическую область.

Более подробный анализ потребовал бы изучения того, как эти единицы функционируют в более широкой семантической и концептуальной сети языка – например, как их метафорические образы, оценочная ориентация и прагматические функции вносят вклад в формирование семантических полей, в нашем случае таких как **труд/мехнат** или **работа/кор**. В этом смысле выявление лингвистических и когнитивных параметров их интеграции в фразеологию остаётся открытым и перспективным направлением для дальнейших исследований.

С точки зрения настоящего исследования, включение пословиц и поговорок в фразеологическую систему требует разъяснения по следующим критериям:

1. Структурные и синтаксические характеристики

Пословицы и поговорки обладают предикативной структурой и функционируют как автономные речевые акты. В отличие от фразеологических единиц, которые обычно служат компонентами предложения, паремии являются синтаксически завершёнными конструкциями. Например, «*Без труда не вытащишь и рыбку из пруда*» – простое предложение с причинно-следственной логикой. Или: «*Касе, ки кор кунад, нон мехурад*» – сложное предложение с моральным подтекстом.

2. Семантическая связность и переосмысление

Фразеологические единицы характеризуются переносным значением и семантической реинтерпретацией. Пословицы, несмотря на их предикативный характер, также демонстрируют семантическое единство, особенно когда буквальное значение уступает место образному толкованию: «**Когда рак на горе свистнет**» – идиома, в которой животный образ используется в переносном смысле, чтобы выразить невозможность чего-либо. В таджикском языке выражение «**Давои курут оби чӯш**» («Лекарство для курута – кипяток») служит образной формой для обозначения простого, очевидного решения.

3. Роль и значение в речевом общении

Пословицы выполняют дидактическую, оценочную и нормативную функции, в то время как фразеологические единицы в основном выполняют номинативную и экспрессивную роли. Обе функции формируют речевое поведение и отражают общее языковое мировосприятие. В русском выражении «Труд кормит, а лень портит» выражается нравственный смысл, построенный на противопоставлении. Таджикская пословица «*Меҳнати ҳалол неъмати фаровон*» (Труд приносит богатство и процветание) передаёт ту же идею, связывая трудолюбие с честностью и достойной жизнью.

4. Различие между коммуникативными и номинативными фразеологическими единицами

В настоящем исследовании пословицы и поговорки (паремии) не классифицируются как фразеологические единицы, а рассматриваются как отдельный тип устойчивых речевых формул. Их отличительной чертой является синтаксическая завершённость, позволяющая им функционировать как самостоятельные высказывания с нормативной и оценочной нагрузкой.

Фразеологические единицы, напротив, являются номинативными выражениями, которые функционируют как компоненты внутри синтаксических структур (например, в роли сказуемого, дополнения, обстоятельства). Они не обладают коммуникативной самостоятельностью, но демонстрируют идиоматическое значение и лексико-семантическую целостность. Функциональное и синтаксическое различие позволяет иерархически организовать устойчивые выражения, причём паремии занимают коммуникативный уровень, а фразеологические единицы – лексический.

Анализ структуры семантического поля приводит нас к выводу: фразеологические единицы (ФЕ) и паремии, хотя и отличаются по структуре и коммуникативной функции, функционируют как единая, высоко интегрированная система, имеющая решающее значение для концептуализации и передачи смысла.

На наш взгляд, эти два типа единиц занимают специализированные уровни в лингвистической структуре. Фразеологические единицы, в силу своей идиоматичности и лексико-семантической целостности, формируют номинативное ядро семантического поля, отражая устойчивые представления о действии, состоянии и процессе в языке. Напротив, паремии, определяемые своей синтаксической завершённостью и явной оценочной функцией, отнесены к периферии поля. Именно здесь, на периферии, закрепляются моральные, культурные и эмоциональные смыслы, определяющие ценностное наполнение языка.

Необходимо отметить, что это структурное разделение не является произвольным, а представляет собой функциональный механизм. Ядро обеспечивает объект (например, действие «труд»), а периферия – оценку и культурный контекст (например, является ли этот труд «честным» или «бесполезным»).

Сравнительный лексико-семантический анализ русского и таджикского языков показывает, что понятия «труд», «честность», «достоинство» и «усилия» функционируют как универсальные когнитивные категории, укоренённые в человеческом опыте, однако их конкретное лингвистическое выражение формируется национальными культурными рамками. В русском языке эти ценности, как правило, выдвигают на первый план личную борьбу, индивидуальную активность и отстаивание своей чести, в таджикском же они тесно связаны с коллективными обязательствами, социальной сплочённостью и гармонией с семьёй, и родиной, благодаря чему язык становится отражением языковой картины мира каждой культуры.

Мы пришли к выводу, что пословицы и поговорки функционируют как культурные формулы: они являются основным лингвистическим средством для перевода этих абстрактных, универсальных понятий в конкретный, моральный и практический опыт народа.

Итак, соотнесение фразеологических единиц и паремий с семантическим полем не только раскрывает внутренние структурные и

функциональные взаимосвязи, но и освещает фундаментальные механизмы, с помощью которых коллективное мировоззрение конструируется и увековечивается в языке. Следовательно, эти выводы обеспечивают необходимую методологическую основу для следующего этапа исследования, полностью сосредоточенного на изучении паремий как наиболее полных представлений концептуального и лингвистического мировоззрения, где их когнитивно-культурная функция реализуется наиболее полно.

2.1.3. Пословицы и поговорки как репрезентанты концептуальной и языковой картины мира

Пословицы и поговорки – это уникальная форма лингвистической памяти, которая отражает общие представления о жизни, ценностях и социальных нормах. Они отражают то, как люди думают и понимают мир, выражая ключевые идеи, такие как труд, честь, справедливость, судьба и мудрость. Используют образы из жизни, культурные символы и наши представления о том, что хорошо, а что плохо. И это делает пословицы и поговорки частью народной мудрости, передающейся из поколения в поколение. Они также являются способом выразить наши мысли, делиться культурными ценностями и тем, во что мы верим, через язык.

Связь между тем, как люди думают и как они говорят, играет ключевую роль в когнитивной и культурологической лингвистике. Способ мышления людей и язык очень тесно переплетены, потому что именно язык помогает нам понимать мир. Как отмечала В.Н. Телия, язык – это не просто система знаков, а «набор культурно закреплённых способов осмысления действительности», коллективное мировидение народа» [158, с. 214–222]. То, что мы называем языковой картиной мира, строится на устойчивых когнитивных моделях, которые вплетены в язык – от отдельных лексем и фразеологических выражений до пословиц и афоризмов. Эти модели не просто отражают реальность, они помогают формировать её понимание, руководствуясь культурными и историческими кодами мышления.

В рамках когнитивной лингвистики Ю.Д. Апресян описывает язык как «внутреннюю модель действительности» – не прямое отражение внешнего мира, а способ его интерпретации через призму национальных культурных традиций и ценностей [7, с. 39]. С этой точки зрения пословицы и поговорки можно рассматривать как отдельные элементы этой модели – малые тексты, содержащие общие знания о людях, обществе и природе, сформированные культурным опытом.

Н.Д. Арутюнова также отмечала, что пословицы «образуют фрагменты языковой картины мира, выражая стереотипы поведения и мышления» [12, с. 177]. В этом смысле поговорки функционируют как когнитивные инструменты, помогающие построить систему ценностей, в которой объединяются язык, культура и коллективное сознание.

А. Вежбицкая придерживается схожего мнения, описывая пословицы как один из источников культурных сценариев (cultural scripts) – универсальных моделей человеческого опыта и поведения, выраженные в формах конкретного языка. Она объясняет, что каждое языковое сообщество создаёт свою «сетку смыслов», которая помогает формировать понимание и интерпретацию мира людьми. С этой точки зрения, пословицы закрепляют главные модели поведения и мышления, такие как причинно-следственные связи, моральные оценки, представления о труде, долге, добре и справедливости, и превращают их в устойчивые культурные формулы [34, с. 432].

С точки зрения культурной семантики, В.Н. Телия описывает фразеологизмы как единицы, которые «отражают национально-культурные стереотипы» и «закрепляют культурные модели» [158, с. 214–215]. Они функционируют как семиотические микромодели культуры, связывая абстрактные знания с практическим, повседневным опытом, что делает их ключевым методом концептуального представления в языке.

В таджикской лингвистике аналогичные принципы выдвигает М. Азимова, утверждая, что концептуальное и лингвистическое мировоззрение

являются взаимосвязанными уровнями единого когнитивного процесса. В то время как концептуальный аспект отражает систему культурных представлений народа, лингвистический аспект обеспечивает формы их вербализации. М. Азимова считает, что таджикские пословицы и поговорки функционируют как коммуникативные фразеологические единицы, которые вербализуют национальные концепты, воплощая духовные, моральные и социальные ценности таджикского общества [1, с. 122].

М. Фозилов был одним из первых таджикских учёных, который включил пословицы в фразеологию, отметив их «устойчивую структуру и переосмысленное значение», что делает их неотъемлемой частью единой когнитивно–семантической системы языка [214, с. 13]. Развивая эту идею, Р. Гаффоров рассматривал паремии как «хранителей духовных ценностей и этических норм народа» [1, с. 23], тем самым указывая на их решающую роль в сохранении культурной памяти и национальной идентичности.

Следовательно, современные теоретические подходы – от концепции Гумбольдта о языке как «органе, формирующем мышление» до когнитивных моделей Лэкоффа и Джонсона (например, «Метафоры, которыми мы живём», 1980) – разделяют основной методологический взгляд: язык, и, в частности, паремии, служат не только средством коммуникации, но и механизмом когнитивного и культурного конструирования мира.

Данные подходы позволяют говорить о том, что пословицы и поговорки следует рассматривать как когнитивные репрезентанты концептов, вербализующие устойчивые ментальные структуры, которые формируют восприятие и интерпретацию реальности в рамках национальной культуры. Они соединяют концептуальный и лингвистический уровни картины мира, выступая связующим звеном между индивидуальным и коллективным сознанием, между знанием и ценностью и, в конечном счёте, между словом и культурой.

Для настоящего исследования это означает, что русские и таджикские пословицы и поговорки можно анализировать как вербальные носители

национальных концептов (таких как **труд/мехнат**). Через эти выражения язык не просто обозначает явления, но и активно раскрывает их культурное и этическое содержание. Паремии служат наиболее концентрированными формами выражения концептуальных структур, эффективно сочетая семантику, образность и оценочное значение.

Теоретическая основа данной работы диктует методологический подход: сравнительное исследование паремий позволяет точно определить, как различные лингвистические языковые картины мира кодируют как универсальные, так и специфические элементы человеческого опыта. Оно показывает, как именно народные изречения формируют когнитивные модели восприятия, мышления и поведения.

Одним из ключевых концептов, отражённых как в русской, так и в таджикской пословичной традиции, является «труд/ мехнат». В обеих культурах труд воспринимается не только как физическое усилие, но и как моральная категория – источник уважения и духовного удовлетворения. В русском языке это отражено в пословицах «Без труда нет ни добра, ни плода» и «Труд питает, а праздность портит», которые указывают на прямую связь между усилием и вознаграждением. В таджикской традиции труд также является символом благополучия и морального достоинства, что выражается, например, в таких пословицах, как «*Мехнат фаровон мекунад, танбалӣ вайрон мекунад*» (Труд умножает (или делает изобильным), а лень разрушает (или губит)») и «*Бе ранҷ наояд ганҷ*» (Без труда/усилия не получишь сокровище). В обеих языковых культурах концепт труда соотносится с этикой честности и социальной полезности, образуя ядро концептуальной картины мира, где высоко ценится деятельное, созидательное начало.

Как в русской, так и в таджикской пословичной традиции идея труда является основной когнитивной категорией, которая помогает формировать языковую картину мира народа. Её универсальное значение заключается в общем понимании труда как естественной и неотъемлемой части человеческой жизни – источника моральной ценности и социального

уважения. Тем не менее, различия в культурных установках проявляются в том, как каждая традиция указывает разные аспекты труда: в русском мышлении он часто представляется как отражение личной дисциплины и морального долга, тогда как в таджикской культуре труд рассматривается как путь к духовному равновесию, общественному благополучию и божественной милости.

Пословицы в обоих языках последовательно связывают труд с вознаграждением и естественным порядком жизни, часто через логику причины и следствия. Русские пословицы, такие как *«Какие труды, такие и плоды»*, *«Дерево узнают по плодам, а человека по делам»* и *«Без труда чести не получишь»* отражают те же принципы, что и таджикские *«Бе ранч наояд ганч»* («Без труда нет сокровища»), *«Аз мехнат ганч барояд»* («Из труда рождается сокровище»). В обеих лингвистических традициях труд служит фундаментальной силой, которая поддерживает жизнь, возвышает человеческий дух, приносит удовлетворение и формирует личность.

Сходным образом оцениваются такие понятия, как настойчивость, ответственность и мастерство: *«Каков мастер, такова и работа»* / *«Барои кор кардан донистан даркор, барои донистан – хондан»*. («Чтобы работать, нужно знать; чтобы знать, нужно учиться»). Эти выражения отражают последовательную культурную установку: труд – это не просто обязанность, а значимый процесс личностного роста и самореализации.

В русской пословичной традиции труд рассматривается как моральный долг и показатель внутренней честности человека. Пословицы, такие как *«Была бы охота, а впереди ещё много работы»*, *«Всякий труд достоин награды»*, выражают идею о том, что усилия сами по себе имеют ценность, независимо от материального результата. Это отношение восходит к христианской этике смирения, праведности и трудолюбия, где труд воспринимается как форма духовного служения и нравственного самосовершенствования. В русской культуре труд не просто способ

обеспечить себе существование. Он всегда воспринимался как свидетельство духовной зрелости человека и его готовности трудиться на благо других.

В таджикской традиции труд также занимает одно из центральных мест в системе ценностей, но его смысл раскрывается прежде всего в духовном и социальном контексте. Пословицы «*Аз ту ҳаракат, аз Худо баракат*» («От тебя – действие, от Бога – благословение»), «*Рӯзӣ насиби кас ба нишастан намешавад*» («Сидя без дела, не заработаешь свой удел») и известное высказывания Ибн Сино: «*Имрӯз бикун чу метавонӣ коре, фардо чи кунӣ чун натавонӣ кард*» («Делай дело сегодня, пока есть силы, завтра их может не быть») очень хорошо показывают эту гармонию между человеческими усилиями и божественным благословением. Здесь труд понимается как путь к внутреннему спокойствию, благополучию и ответственности, ответственности перед людьми и перед Создателем.

Обе традиции тесно связывают труд с честью и достоинством человека. Русская пословица «*Без труда чести не получишь*» подтверждает идею личной ответственности, а таджикские выражения «*Обрӯ аз зар беҳтар аст*» («Честь лучше золота») и «*Касе, ки кор мекунад, обрӯй меёбад*» («Кто работает, тот заслуживает уважения») говорят о том, что трудолюбие вызывает признание и уважение окружающих.

Разница между двумя традициями заключается скорее в акцентах. В русской культурной модели труд чаще выступает как проявление внутренней духовной силы и личного долга. В таджикской же он воспринимается как часть более объёмной духовно-социальной системы, где человеческие усилия обретают смысл через их соотношение с коллективным благом и божественным замыслом.

При этом в обеих культурах мы находим похожие метафорические образы: труд как путь, труд как источник плодов, труд как борьба. Универсальность этих образов указывает на то, что труд во всех культурах понимается как основа человеческого существования, как средство

самореализации и сохранения достоинства. Однако каждый народ наполняет эти универсальные образы своим собственным содержанием.

Пословицы и поговорки представляют собой сокровищницу мудрости народа, накопленную и передаваемую из поколения в поколение. Они воплощают глубокие идеи, помогающие людям помогать как окружающий мир, так своё место в нём. Как в русской, так и в таджикской традициях пословицы о труде (труд/мехнат) выходят далеко за рамки простых наблюдений за окружающим миром. Они передают ясные и недвусмысленные моральные принципы, формируют мировоззрение людей и служат символическими кодами, выражающими принадлежность к той или иной культуре. Пословицы о труде занимают особое место в этих традициях, ибо не только отражают культурные ценности, но служат ориентиром для людей, помогая им жить осмысленно и ответственно.

Благодаря этим выражениям язык выходит за рамки простой коммуникации и начинает выполнять когнитивную функцию: он сохраняет коллективную память народа, интерпретирует социальные нормы и закрепляет труд как один из основополагающих элементов человеческой жизни. Пословицы и поговорки становятся настоящим мостом между поколениями, связывая прошлое с настоящим, личный опыт с коллективным, рациональные знания с глубокими нравственными убеждениями.

Выводы по второй главе

Вторая глава «Семантические структуры и концептуальные поля языка» посвящена теоретическим и методологическим основам анализа семантических и концептуальных полей, их внутренней организации и функционированию в русском и таджикском языках.

Проведённое исследование показывает, что семантическое поле представляет собой системную единицу, отражающую взаимосвязь между лексико-семантическими единицами и концептуальными категориями, которые вместе формируют языковую картину мира.

Установлено, что концептуальные поля представляют собой когнитивные структуры, в которых языковые знаки упорядочены в соответствии с принципами семантического сходства, тем самым раскрывая культурно–специфические способы категоризации действительности.

Взаимозависимость семантических и концептуальных полей выражается в их функциональной корреляции: семантические отношения обеспечивают системный характер языка, а концептуальные отношения – его культурно–когнитивную наполненность.

На материале концептов «труд/мехнат» в исследовании выявлены как универсальные, так и культурно-специфические особенности, отличающие когнитивные модели русского и таджикского языков. В обеих традициях концепт «труд» связан с честностью, усилием и общественной пользой, однако в таджикском языке он чаще ассоциируется с духовными и коллективными ценностями, а в русском – с личной ответственностью и моральным выбором.

Анализ далее показывает, что фразеологические и паремиологические единицы занимают периферию концептуальных полей, конкретизируя культурные и ценностные смыслы, заложенные в семантической системе языка.

В главе обосновывается методологическая значимость полевого подхода в когнитивной лингвистике, поскольку он позволяет выявить механизмы, с помощью которых опыт концептуализируется и категоризируется с помощью языковых средств.

Соответственно, вторая глава обеспечивает теоретическую и аналитическую основу для последующего изучения концептуального представления в паремиологическом материале и для сравнительного исследования языковой картины мира в русском и таджикском языках.

ГЛАВА III. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ТРУД/МЕХНАТ» В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

Концепты «труд/мехнат» обладают междисциплинарным значением, поскольку объединяют когнитивные, культурные и лексико-семантические аспекты, выступая в качестве фундаментальной ценности, которая определяет систему нравственных и культурных координат народа и через язык получает многомерную интерпретацию, отражающую национальное мировидение и отношение человека к деятельности.

Выбор этого концепта обусловлен его универсальностью и высокой частотностью в русской и таджикской культурах, где он ассоциируется с идеями добродетели, долга, созидания, социальной справедливости и личностной самореализации. В каждой языковой культуре категория труда наполняется специфическими семантическими и оценочными оттенками, образуя самостоятельное концептуальное поле, сравнение которого позволяет выявить сходства и различия в национальных моделях ценностного сознания, а также определить степень универсальности и культурной уникальности концепта.

Цель данной главы – с помощью когнитивно-семантического, лингвокультурного, лексикографического и корпусного анализа в сочетании с сравнительным изучением литературного материала исследовать лексико-семантические, фразеологические и паремиологические средства репрезентации концепта «труд/мехнат» в русском и таджикском языках и выявить, как эти языковые единицы отражают культурную и когнитивную специфику двух языковых систем.

Методологическая основа исследования основана на принципах когнитивно-семантического и лингвокультурного анализа, которые рассматривают языковые единицы как представителей концептуального мировидения, используются методы семантического полевого анализа, компонентного анализа, контекстуального сравнения, концептуального

моделирования, лексикографического анализа толковых и фразеологических словарей, корпусного анализа для определения частотности и контекстов употребления, а также литературного анализа способов представления концепта в «Воспоминаниях» Садриддина Айни и «Поднятой целине» Михаила Шолохова.

Как в русской, так и в таджикской лингвистической традиции понятие «труд/мехнат» сформировалось под влиянием сложного взаимодействия исторических, культурных и религиозно-этических факторов, которые определили его ценностную ориентацию и мировоззренческое значение.

В русском контексте понятие труда развивалось на фоне крестьянского и ремесленного образа жизни, требовавшего коллективных усилий, стойкости и взаимной поддержки, и эти качества прочно вошли в язык через пословицы и поговорки, указывающие на важность совместных усилий и сплочённости, таких, например, как *«Землю красит солнце, а человека труд»*, *«Где труд, там и счастье»*, *«Кто любит труд, того люди чтут»* и т.п. В литературе, в частности в романе Михаила Шолохова «Поднятая целина», труд изображается не как простая экономическая необходимость, а как живая и динамичная сила, формирующая характер человека и определяющая уклад общественной; он становится символом национального духа, источником нравственного достоинства и напоминанием о том, что в русском культурном сознании труд всегда был тесно связан с этическими идеалами и общинными ценностями.

В таджикской культурной традиции концепт «мехнат», хотя и происходит из арабского языка, развивался в более широком контексте социально-экономических условий и духовных идеалов, укоренённых в исламской этике. Со временем он стал означать гораздо больше, чем физический труд или материальное существование, воплощая в себе акт преданности, моральный долг и путь к внутреннему совершенствованию. Мировоззрение, глубоко вплетённое в нравственную ткань общества, получает своё наиболее яркое и выразительное воплощение в народной

мудрости, где пословицы и поговорки становятся своеобразными хранителями коллективного опыта и ценностей: «*Ҳалол меҳнат кард, аз меҳнати ҳалол барака меёбад*» («Тот, кто честно трудится, получает благословение от своего труда»), «*Бе меҳнат ганҷ нест*» («Нет богатства без труда»), «*Меҳнат – ганҷи бебаҳо*» («Труд – сокровище бесценное»). «*Меҳнат талх, самараш ширин*» («Труд горек, но плод его сладок»). Пословицы возвышают труд до уровня основополагающей ценности человеческого существования, связывая повседневное усилие с духовными принципами и нравственными устоями жизни. Как мы видим в «Воспоминаниях» Садриддина Айни, это этическое понимание не просто сохраняется в языке, но и ярко воплощается в литературе, где труд становится средством самореализации, социальной гармонии и национального возрождения, отражая глубокие моральные и культурные основы таджикской идентичности.

Сравнение русского и таджикского материала показывает, что в обеих культурах труд концептуализируется как фундаментальная ценность, однако в русском языке он ассоциируется в первую очередь с коллективными формами реализации, а в таджикском пронизан морально-религиозными и духовными аспектами. Лексико-семантические, фразеологические, паремиологические, лексикографические, корпусные и литературные данные в совокупности показывают, что понятие «труд/мехнат» является не только универсальным, но и культурно специфичным, выражая отличительные черты мировидения каждого народа.

Современные исследования труда охватывают широкий спектр дисциплин – социологию, психологию, экономику, философию и смежные области, каждая из которых исследует, как труд влияет на здоровье человека, социальные связи, моральные ценности и само ощущение жизни. В настоящее время всё больше внимания уделяется культурным и социальным аспектам труда, его взаимосвязи с национальной идентичностью, этическими идеалами и коллективным сознанием народа.

Характер нации складывается из мировоззрения, ценностей, традиций и повседневных привычек. Его самобытность проявляется в взаимодействии природно-климатических и географических условий, истории и унаследованных моральных и религиозных принципов, отражающихся в языке и формах общения. Как отмечал Б.Л. Уорф, «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком... мир предстаёт перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит – в значительной степени – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [167, с. 140–141]. Аналогичную мысль высказывал В. фон Гумбольдт, утверждая, что «язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык» [49, с. 349]. В.И. Карасик писал: «культурные концепты концентрируют в себе духовное богатство нации, в них «отражается дух народа»» [72, с. 166-167]. Культурные явления не только отражают человеческий опыт, но и задают способы мышления, модели поведения и характер социальных отношений.

Особый исторический путь России породил специфические трудовые уклады, которые определили, каким образом русский народ выражает своё мировоззрение в языке. На протяжении веков сельское хозяйство оставалось ведущей отраслью производства, в которой было занято большинство населения. Однако связь с землёй никогда не исчезала полностью, даже в условиях быстрой урбанизации. По сей день широко распространённая практика содержания дачных участков представляет собой уникальное социокультурное явление. Дачи являются не просто местом отдыха, но и пространством, где возделывание почвы, уход за урожаем и сезонный ритм жизни по-прежнему играют важную роль в повседневности, сохраняя живую нить с исторически сложившейся трудовой этикой.

Работа крестьянина была борьбой со временем и природой. Короткое, часто дождливое лето и долгая, суровая зима требовали выполнения в сжатые сроки множества неотложных, определяющих жизнь задач. Обильный или

скудный урожай означали изобилие или голод, и каждый миг на поле требовал выносливости, мастерства и дисциплины. Как с поразительной точностью заметил Ключевский «ни один народ в Европе не способен к такому напряжённому труду в течение короткого времени, какой может выработать великорусский...» [77, с. 385–386]. По сути, историк говорит не только о физической выносливости, но и о необычайной внутренней мобилизации, той самой «духовной пружине», которая позволяет русскому человеку в решающие моменты собрать все имеющиеся силы, преодолеть усталость и совершить то, что кажется невозможным, превращая труд в акт почти подвижнический, где воля, совесть и чувство долга важнее комфорта и расчёта.

Именно в суровом, непредсказуемом климате и на обширных просторах, где выживание всегда висело на волоске, этот труд приобретал глубоко коллективный характер: семья, деревня, артель действовали как единый организм, где помощь ближнему была не добродетелью, а условием существования, а труд стал не только средством зарабатывания на жизнь, но и главной моральной связью общества, этикой взаимопомощи и образом жизни, нитью, связывающей людей с землёй, с соседями, с предками и потомками, той самой силой, которая на протяжении веков формировала русскую душу и русскую культуру.

Как в русской, так и в таджикской культуре коллективное и почти сакральное восприятие труда находит своё ярчайшее выражение в народных пословицах и поговорках. Лаконичные, но глубоко содержательные выражения народной мудрости, опыта, смекалки на протяжении веков формировали социальные нормы и культурные ценности. В русской языковой картине мира много таких паремий, где отражается солидарность и взаимопомощь: *«Артель дружбой крепка», «Верёвка крепка с повивкою, а человек – с помощью», «Дружный табун волков не боится», «Один и камень не сдвинешь, а артелью и гору поднимаешь»* и многие другие, свидетельствующие о ценности совместного труда, поддержки и единства,

показывая, как накопленный народный опыт воплощал идеи выживания и сплочённости в конкретные жизненные правила.

В таджикской языковой картине мира концепт «меҳнат» – это не просто слово для обозначения труда., а живая ось бытия, вокруг которой разворачивается человеческая жизнь, её смысл и внутренняя ценность.

В суровых условиях горной страны концепт «меҳнат» представляет собой как средство выживания, так и глубокую форму единения в семье, махалле и кишлаке. И что немаловажно, честный труд (меҳнати ҳалол) – это путь к духовному совершенствованию.

В таджикском сознании честный труд – это прямой путь к Аллаху: человек, который работает «ҳалол» (чистыми руками и с чистой совестью), не просто зарабатывает на жизнь, он очищает свою душу и накапливает «савоб» (духовную награду). Поэтому концепт «меҳнат» неразрывно связан с достоинством («номус»), добротой («меҳрубонӣ») и уважением со стороны общества: ленивый или нечестный человек не только теряет лицо сам, но и приносит позор всей своей семье.

Именно поэтому в таджикской культуре так распространены поговорки: «Меҳнат – калиди ризку рӯзӣ» (труд – ключ к пропитанию и счастью), «Бе меҳнат – бе неъмат» (без труда – без блага), «Меҳнати ҳалол – ибодат» (честный труд – это поклонение).

В понимании таджиков труд не есть тяжкая повинность, но естественное и радостное состояние бытия: обработать землю, посадить сад, построить дом самому и помочь в этом соседу, вырастить детей, отнести плов соседу – всё это меҳнат и одновременно физический труд, служение семье и обществу.

Получается, что в таджикской картине мира не изолированный героизм помогает человеку реализовать себя, а гармоничное и естественное включение в круг жизни семью, род, землю и Бога. И именно труд (меҳнат) становится той золотой нитью, которая связывает тело, разум и дух в единое целое, делая труд не просто средством существования, но самой сутью достойной человеческой жизни.

Исторический опыт таджикского народа укрепил это восприятие. На протяжении веков таджики неоднократно переживали вторжения, завоевания и бедствия: арабское завоевание Центральной Азии в VII–VIII веках принесло ислам и новые ценностные ориентиры. В XIII веке её захватили монголы, разрушив города и экономические структуры, вынудив людей искать новые формы выживания. Каждое из этих потрясений способствовали формированию очень простой, но сильной веры в то, что перед лицом разрушений и кризисов единственной надеждой на спасение жизни, культуры и национальной идентичности является честный труд.

Эта идея нашла своё отражение и в литературе. Абу Абдуллах Джафар ибн Мухаммад Рудаки, основатель таджикско-персидской поэзии, писал: *«Ҳар кӣ н–ӯрад аз меҳнат, н–ёбад зи давлат ҳеч»* («Тот, кто не трудится, никогда не достигнет процветания»), призывая к тому, что без усилий благополучие недостижимо. А. Фирдоуси в своём бессмертном «Шахнаме» провозгласил: *«Ба ранҷ аст, к–ёбӣ зи гул баракат, / Наёбӣ зи осон ба чуз хору қат»* («Трудом достигается благословение розы; без усилий человек получает только шипы»), связывая труд с красотой и плодами жизни. Садриддин Айни, классик современной таджикской литературы, в своём романе «Одина» заметил: *«Меҳнат одамро одам мекунад»* («Труд делает человека по-настоящему человеком»), возвышая труд до моральной категории и основы социальной справедливости.

В исламской традиции труд рассматривается как деятельность, угодная Аллаху, и одновременно как средство материального существования и духовного совершенствования. Эта идея также закреплена в пословицах: *«Ҳалол меҳнат кард, аз меҳнати ҳалол барака меёбад»* («Тот, кто честно трудится, получает благословение от своего труда»), *«Ҳар кас ба кор даст занад, ба мақсад мерасад»* («Тот, кто прилагает усилия к работе, достигнет своей цели»).

В культурной памяти таджиков «меҳнат» предстаёт не только как экономическая необходимость, но и как духовный долг, превращая каждое

усилие в акт культурного и нравственного самовыражения. Народные пословицы, исламская этика и классическая литература вместе закрепили этот концепт как фундаментальную ценность, формирующую мировоззрение и менталитет таджикского народа.

Понятие «труд» широко изучалось многими российскими учёными, в том числе Н.А. Косенко, Е.В. Ганапольской, М.А. Ерёмовой, Г.В. Токаревым, К.Е. Нагаевой, О.Е. Черновой, Л.В. Басовой, Т.А. Островской и другими. В ходе многоаспектных исследований они определили комплексный характер труда через паремиологические и фразеологические, лексические и афористические исследования.

Т.А. Островская в своём сопоставительном исследовании рассмотрела концепт «труд» в русском и американском культурных контекстах, проанализировав его репрезентацию в поговорках, лексических единицах прямономинативного, фразеологизмах и афоризмах [115, с. 12–15].

Л.В. Басова при изучении концепта «ТРУД» в русском языке сосредоточилась на материале пословиц и поговорок, выделив три основные лексические репрезентации данного концепта: труд – работа – дело [20, с.84].

Г.В. Токарев исследовал механизмы вербализации культурных знаний, заложенных в концепте «труд», в русском языке, уделив особое внимание способам и средствам его языковой объективации [164, с. 42; 165].

Несмотря на то, что концепт «труд» в различных национальных традициях был предметом многочисленных исследований, сравнительный анализ русской и таджикской лингвистических и культурных сфер пока не проводился. Между тем такое исследование имеет значительный потенциал, поскольку позволяет выявить как универсальные принципы концептуализации труда, так и отличительные черты, сформированные историческим опытом, религиозным мировоззрением и системой культурных ценностей русского и таджикского народов.

Следующий этап данного исследования посвящён изучению семантической структуры лексических единиц, обозначающих труд, что

позволяет проследить их этимологические истоки, эволюцию значений и культурные коннотации, заложенные в языке.

3.1. Анализ семантемы слов, обозначающих труд (по данным этимологических и толковых словарей русского языка)

Происхождение и развитие слова неразрывно связаны с историей языка и судьбой народа, который на нём говорит. Со временем слова неизбежно претерпевают изменения – фонетические, орфографические, семантические и даже грамматические. Некоторые из них сохраняются на протяжении веков, сохраняя следы прошлого, а другие постепенно исчезают, уступая место новым языковым формам и отражая тем самым динамичную эволюцию языка, протекающую в тесном взаимодействии с материальной и духовной жизнью общества, окружающей средой, общественно–политическими трансформациями и диалогом культур и цивилизаций.

Для более глубокого понимания фундаментальных понятий необходимо обратиться к их происхождению, так как именно этимология слов позволяет выявить, каким образом в языке закрепляются ключевые идеи, смыслы, формирующие коллективное мировидение и культурные ценности.

С самых ранних этапов истории человечества умственный и физический труд служили основным средством, с помощью которого люди достигали целенаправленных результатов, обеспечивая тем самым своё выживание, удовлетворение потребностей и развитие материальной культуры. В сознании человека труд ассоциируется с активной деятельностью, настойчивостью, выдержкой и усердием, то есть с качествами, обеспечивающими движение к цели.

Этимологическое исследование слова «труд» позволяет раскрыть его первоначальное значение и проследить семантическую эволюцию, в результате которой некоторые ранние значения вышли из общего употребления, тогда как значения, закреплённые в современном употреблении, сохранили элементы исходного содержания, обогатившись

культурными, этическими и ценностными оттенками. Оно служит не только лингвистическим инструментом, но и ключом к пониманию культурной истории, раскрывая взаимосвязи между языками и цивилизациями, освещая социальную и духовную значимость труда в конкретном сообществе, помогая понять, как восприятие труда менялось с течением времени и как эти изменения были закреплены в лингвистической форме.

Всестороннее исследование этимологии слова «труд» раскрывает его многогранный характер, поскольку прослеживание его исторической траектории позволяет реконструировать первоначальный смысл и продемонстрировать пути развития в конкретном культурном контексте, тем самым раскрывая роль концепта в формировании как мировоззрения, так и ценностных ориентиров народа.

Слово «труд» происходит от общеславянского корня *trudb, truditi*, который имеет значение «давить» или «тяготить». Это можно сравнить с латинским «*trudor, trudere*» – «давить» и готским «*thrutun, thraut*» – «отягощать». В древнерусском языке слово «труд» имело различные значения, включая «деятельность», «трудом сделанное», «трудность», «старание», «забота», «беспокойство», «подвиг», «боль, болезнь, недуг», «грех» и другие. Однако некоторые из этих значений не сохранились в современных словарях.

Слово «работа» происходит от общеславянского корня *orb* и связано с словами «раб» и «землероб». В древнерусском языке оно имело значения «рабство, неволя», «порабощение», «служение» и «труд, работа». Значение «служба, работа» было зафиксировано только в более поздних источниках, а с течением времени слово «работа» приобрело постоянную форму и значение «трудовая деятельность, труд».

В словаре Фасмера исследуемый концепт трактуется следующим образом: «Труд I род. П. –á, трудный, трудиться, укр. Труд, др.–русск. Трудь «труд, работа, рвение, забота, страдание, скорбь», ст.–слав. Трудь *пóнос, áγών* (Супр.), болг. Труд, сербохорв. Труд, род. П. трúда, словен. *Trúd*, чеш., словц. *Trud*, польск. *Trud* Родственно лит. *Triūšas* м. «работа, хлопоты», *triūsti, triūsiù*

«хлопотать», лтш. Traûds «хрупкий», ср.-в.-н. drôz м. «тяжесть, тягота, досада», гот. Us-Þriutan «отягощать», др.-исл. Þraut ж. «испытание, беда, искушение», лат. Trūdō, -ere «толкать, теснить», ирл. Trot «спор» (trudno-), troscaim «пощусь» (trudskō), алб. Treth «обрезаю» (treudō); см. И. Шмидт, Vok. 1, 160; Лескин, Bildg. 595; Траутман, BSW 326; М.-Э. 4, 224; Мейе, Dial. Ideur. 22; Педерсен, Kelt. Gr. I, 160; Торп 194; Г. Майер, Alb. Wb. 435; Вальде – Гофм.2,710 [212, 108].

В русском языке анализ лексико-синонимического поля проводился на материале «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [205], «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля [187], «Толково-словообразовательного словаря русского языка» Т.Ф. Ефремовой [190], «Словаря синонимов русского языка» З.Е. Александровой [185], «Словаря синонимов русского языка» А.Ю. Кожевникова [186], «Краткого словаря синонимов русского языка» В.Н. Ключевой [194],

Лексема «труд» занимает одно из центральных мест в лексико-семантическом поле русского языка, связанном с человеческой деятельностью, являясь полисемичным, чья семантическая структура включает прямые значения, относящиеся к физическому или умственному труду, а также образные значения, наполненные социальным, культурным и моральным смыслом, охватывающие широкий спектр от конкретного действия до символа ценности и вклада в общество.

Слово «труд» в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой имеет следующие значения: «Целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей: умственный т., физический т., научная организация труда. Производительность труда. Право на т. Люди труда (трудящиеся; высок.). Общественное разделение труда. Охрана труда. 2. Работа, занятие. тяжёлый т. Дневные труды. Заплатить за труды. 3. Усилие, направленное к достижению чего-н. Взять на себя т. сделать что-н. Не дал себе труда подумать (не захотел подумать). С трудом уговорил кого-н. Без

труда не выловишь и рыбку из пруда (посл.). 4. Результат деятельности, работы, произведение. Т. всей жизни. Научный т. || Список печатных трудов. 5. Привитие умения и навыков в какой-н. профессиональной, хозяйственной деятельности как предмет школьного преподавания. Уроки труда. Преподаватель по труду. ||[прил. трудовой, -ая, -ое (к 1 и 2 знач.). Т. коллектив. Трудовая книжка (документ о трудовой деятельности). Трудовое соглашение [205, 706].

В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» определяет слово «труд» как «работа, занятие, упражнение, дело; всё, что требует усилий, старанья и заботы; всякое напряженье телесных или умственных сил; всё, что утомляет. Человек рождён на труд. Без труда нет добра. Труд кормит и одевает. Лень с труда сбила» [187, с.482].

З.Е. Александрова и А.Ю. Кожевников дают следующие синонимы слову «труд»: ТРУД 1. дело, деятельность, занятие, работа, работенка (прост., пренебр.), / тяжелый, изнурительный: пахота, ~ египетская работа; египетский труд; / как средство ухода от проблем: трудотерапия (разг., шутил.). 2. см. произведение. 3. см. усилие трудить 1. см. затруднять. 2. см. утомлять трудиться см. работать [185, с. 504]. В онлайн-словаре «Большой словарь синонимов русского языка» также представлены синонимы: ра́бота, трудоспособность, де́ло, де́ятельность, де́ятель, духотво́рство, трудо́мыслие, нагрузка [220].

В. Н. Клюева в «Кратком словаре синонимов русского языка» соотносит слово «трудиться» с единицами «работать, заниматься, затрудняться, засекается, заморачиваться, замориться» [194, с. 142].

Каждая из этих лексем передаёт свой оттенок значения и может использоваться в различных контекстах. Некоторые из них имеют более узкое или универсальное применение, но общая идея остаётся связанной с понятием «труд» и его смысловыми аспектами.

Анализ показал, что основными репрезентантами лексемы «работа» в русском языке являются функционирование, деятельность, действие, в этот ряд можно включить и слово «функция».

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой даётся следующие толкования приведённым синонимам:

РАБОТА, –ы, ж. 1. Процесс превращения одного вида энергии в другой (спец.); вообще нахождение в действии. 2. Занятие, труд, деятельность. 3. Служба, занятие как источник заработка [205, с.553].

Лексема «работа» имеет общеславянское происхождение и связана с корнем *orb*, который также присутствует в словах «раб» и «землероб». В древнерусском языке слово «работа» имело значения «рабство, неволя», «пленение, увод в плен», «порабощение», «служение», а также «труд, работа». В церковнославянском языке сохранилось значение «рабство, неволя». В родственных языках также присутствуют аналогичные значения, например, словенское «*rabota*» – «барщина» и верхнелужское «*robota*» – «подневольный труд». Со временем слово «работа» приобрело стабильную форму и значение «трудовая деятельность, труд».

ДЕЛО, –а, мн. дела, дел, делам, ср. 1. Работа, занятие, деятельность. 2. кого–чего. 3. Надобность, нужда. У меня до вас (к вам) есть д. Прийти по делу. Ходить по делам. 4. Нечто важное, нужное (разг.). 5. Сфера знаний, деятельности, работы. 6. То же, что предприятие (в 1 знач.). 7. Событие, обстоятельство, факт; положение вещей. 8. То же, что поступок. Сделать доброе д. 9. Судебное разбирательство, процесс. 10. Собрание документов, относящихся к какому–н. факту или лицу [205, с.136].

Лексема «дело» также имеет общеславянское происхождение и образована с помощью суффикса «–ло–» от глагола *deti*, который восходит к индоевропейскому *dhe-*. В древнерусском языке слово «дело» имело значения «деятельность», «деяние», «поступок», «способ», «работа», «труд», «сражение». В ранних словарях также фиксируются значения «род занятий, ремесло», «предприятие, производство», «изготовление», «то, что полезно,

важно, существенно», «обстоятельства, обстановка, положение вещей», «деловая надобность, нужда, потребность», «судебное разбирательство», «собрание документов», «военное предприятие, поход», «свойство, природный признак». В различных индоевропейских языках также присутствуют сходные значения, например, польское «działac» – «действовать, делать» и литовское «deti» – «класть».

ЗАНЯТИЕ, –я, ср. 1. см. занять 2. То, чем кто–н. занят, дело, труд, работа, а также вообще заполнение чем–н. своего времени. 3. чаще мн. Учебные часы (уроки, лекции), а также вообще время учения [205, с.184].

Слова «занятие» и «деятельность» появились в русском языке позже и зафиксированы в словарях XVIII века. В древнерусском языке эти лексемы не встречаются. Значения слова «деятельность» в словаре XVIII века включают «практику, в противоположность теории», «активность, способность к действию» и «труды, занятия, деятельная жизнь».

Исследование происхождения и значений данных лексем расширяет наше понимание развития языка и связей между различными культурами. Оно позволяет нам увидеть, как эти слова отражают социокультурные и исторические контексты народа, его отношение к труду и деятельности.

Философское понимание труда – немаловажный аспект в изучении этого концепта, поскольку, согласно Философскому энциклопедическому словарю, труд понимается как целенаправленная деятельность человека, направленная на преобразование природы и создание предметов и ценностей, предназначенных для удовлетворения человеческих потребностей; поэтому его следует рассматривать не просто как форму физического напряжения, но как процесс, наделённый внутренней целенаправленностью, продуктивностью и творчеством, посредством которого человек утверждает своё существование в материальном и духовном измерениях культуры.

С лингвистической точки зрения, слово служит наиболее непосредственным и показательным инструментом для приближения к концептуальной сущности труда, поскольку позволяет проследить пути

формирования, дифференциации и структурирования значений в коллективном сознании. Как знаковая единица, каждое слово представляет собой органический синтез формы и содержания, в котором фонетическая и морфологическая структура воплощает лексическое значение, соотносимое с окружающей реальностью, а концепт, как его когнитивная и культурная проекция, вербализует обобщённый человеческий опыт и передаёт его из поколения в поколение, тем самым сохраняя и преобразуя систему ценностей, присущую данному языковому сообществу.

Основное значение слова носит номинативный характер, то есть представляет собой прямое значение, наиболее частотное и наиболее первичное по отношению к реальному опыту. Структура номинативного значения включает в себя как эмпирические, так и коннотативные компоненты, отражающие социально-психологическое отношение говорящих к обозначенным объектам или явлениям. Вторичные значения, которые также могут включать эмпирические или коннотативные элементы, связаны с прямым значением и отражают функционально-стилистические особенности слова.

Значения слов синонимического ряда «труд», «работа», «дело», «занятие», «деятельность» указывают на различия в объёме понятий, связанных с каждым из этих слов. Например, значения слов «занятие» и «деятельность» имеют более широкий объём, чем «труд», «работа» или «дело». Понятие «труд» обладает наибольшей абстрактностью и содержит меньше семантических компонентов.

Анализ лексических единиц, обозначающих труд, и их семантических структур позволяет глубже понять само понятие и его место в национальном мировоззрении, что даёт нам возможность выявить социокультурные аспекты труда, его функциональную роль в обществе, а также взаимоотношения людей в процессе трудовой деятельности.

Особую значимость рассматриваемым лексемам придаёт семантическая динамичность, определяющая эволюцию значений во времени, вследствие

чего такая изменчивость отражает взаимодействие между языковым развитием и историческими изменениями: по мере трансформации социальных практик, экономических систем и культурных ценностей меняются и лексические представления, которые их кодируют. Трансформация семантического поля слов, обозначающих труд, наглядно иллюстрирует, как язык, отражая эволюцию общественного сознания, постепенно адаптируется к новым социальным и культурным реалиям, одновременно сохраняя в своей структуре следы более ранних концептуальных слоёв, тем самым раскрывая многослойный характер семантического развития этой лексической группы. Подобное изменение значений свидетельствует не только о расширении концептуальных границ слова «деятельность» и повышении уровня его абстрактности, но и о перераспределении значений в лексической системе в целом. Показательно, что слово «занятие» в современных толковых словарях утратило свои прежние семантические компоненты «развлечение» и «забава», сосредоточившись вместо этого на обозначении целенаправленного процесса или формы труда, указывая на сужение его прагматического и содержательного диапазонов. Напротив, такие слова, как «труд», «работа» и «дело», со временем приобрели бóльшую семантическую насыщенность, обогатившись новыми смысловыми компонентами, отражающими не только физические, но и интеллектуальные, социальные и духовные аспекты человеческой деятельности.

Процедура пошаговой идентификации – это метод, который позволяет свести слова к обобщённым характеристикам с помощью системы идентификаторов, способствуя более глубокому пониманию их семантики. В данном подходе идентификаторы выступают в качестве ключевых элементов, выделяющих наиболее существенные и всеобъемлющие характеристики значений слов, что позволяет систематически классифицировать лексические единицы. Например, при анализе слова труд для обозначения целенаправленных человеческих усилий используется идентификатор деятельность, а слово работа обозначает выполнение или процесс выполнения

такой деятельности. Однако дальнейшее разложение этих понятий на более мелкие составляющие сопряжено с определёнными трудностями. Это связано с тем, слова «работа» и «деятельность» довольно схожи по своему основному значению и различить их весьма трудно.

Хотя идентификаторы и помогают обобщать значения, но не в полной мере отражают всё семантическое содержание слова. Скорее, они служат основой для лексической систематизации и категоризации, выделяя основные значения. Между тем, каждое слово имеет свои особенности, отличительные черты, которые сужают или расширяют его значение. Подобного рода оттенки выражаются через словарные конкретизаторы, которые уточняют правильное употребление слов в различных контекстах. Например, идентификатор «деятельность» может быть дополнен такими признаками, как «целенаправленность», «систематичность» или «результативность», что позволяет что позволяет интерпретировать его с учётом коммуникативной ситуации.

Поэтапная идентификация помогает как обобщить значения слов с помощью структурированной системы идентификаторов, так и признать важность конкретизаторов для фиксации более тонких семантических различий. Такой подход не только облегчает организацию лексических единиц, но и учитывает их динамическую природу и изменчивость в разных контекстах употребления.

Проанализируем словарные конкретизаторы, которые помогут нам более подробно разобраться в значениях и компонентах лексемы «труд». Компонентный анализ значений позволяет выделить основные семы, из которых составляется содержание слова.

Компонентный анализ значений слов «работа» и «труд» позволяет выделить такие семы, как *цель, деятельность, человек, затруднительное положение, служба*, расширяющие и уточняющие содержание и значение данных слов, отражая различные контексты их употребления.

Теперь рассмотрим лексический конкретизатор слова *выполнять* и его связь с лексемой *труд*. Компонентный анализ значений помогает глубже понять содержание этого слова.

Анализируя слово «*выполнить*», мы выделяем такие семы, как *реализация, исполнение, приведение в действие*. Сема *выполнить* связывает его с лексемой «*исполнить*». Таким образом, эти слова тесно связаны, имеют схожие значения и употребления.

Например:

*«На микроуровне с более высокой степенью детализации указаны примеры конкретных атакующих воздействий, с помощью которых можно **выполнить** ту или иную цель нарушителя».*

*«Прямой, если что–то пообещал, обязательно **выполнит**, но вот добиться от него этого обещания нелегко».*

*«Для постановки этой комбинированной задачи синтеза и анализа сначала следует **выполнить** синтез закона управления».*

*«Все знаменитые архангельские одеяла **выполнены** в этой технике».*

*«Я **выполнил** долг, ты доволен, и я доволен».*

*«Мне представляется, что попытки **выполнить** строгий отбор основаны на нескольких заблуждениях, слишком часто приводящих к неверному выбору».*

*«А при особо больших нагрузках **выполнить** и армирование газона, уложив пластиковую сетку перед посевом» [Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru)].*

Лексема «*дело*» может использоваться в широком смысле для обозначения различных понятий, включая *работу, профессию, деятельность, судебное разбирательство, документы, спор, инцидент или факт*. Все они относятся к деятельности в осязаемой реальности и применению навыков, умений и знаний. Прилагательное «*практический*» в данном контексте подразумевает практическое применение таких навыков и знаний.

Например:

*«У меня в районе никто не воспринимает портал как крупный сайт, точнее, о нём вообще не знают, а создание сайтов и портал в частности считают моим личным **делом**, т. е. баловством».*

*«А ещё такой же салатик в шале делают, только без крабовых палочек и называется это **дело** у них «нежность»».*

*«Бьёт в лоб словом, но зато **всегда за дело**».*

*«Лично мне до него и **дела нет**».*

*«Конечно хирург, нейрохирург – это **другое дело**».*

*«И интересно куда **на самом деле** ушёл 1 трлн рублей?»*

*«Ну, **великое дело** русскому человеку похандрить, любимейшее из занятий».*

*«Но судья решил: адвокат будет **знакомиться с делом** в свободное от заседаний время, а так будьте любезны немедленно защищать своего клиента».*

*«28 февраля Военная коллегия Верховного суда удовлетворила кассацию военной прокуратуры и отправила **дело** на новое, уже четвёртое по счету рассмотрение» [ruscourpora.ru].*

Поэтому можно выделить семы, предложенные компонентным анализом понятия «труд»: *деятельность, исполнение, практика, знания, навыки и воля*. Эти семы расширяют наше представление о значениях слов «работа» и «дело», раскрывая различные аспекты и контексты их употребления. Они также показывают, что термины «работа» и «дело» выходят за рамки обозначения физической активности и включают в себя другие элементы, такие как применение знаний, использование навыков, следование инструкциям и подчинение чужой воле.

Изучив синонимы, связанные с концептом «труд», мы сможем получить более полное и глубокое понимание этого комплекса понятий.

Например:

*«В этой области занято много людей, а **труд их малоквалифицирован, механичен, тяжёл и рутинен**».*

*«Ведь обычно изгнанием с работы **дело не ограничивается**».*

*«Я понимаю, что **не в работе дело**, ты хочешь разлучить её со мной».*

*«Нужно было устроить Валерку в школу, доделать ремонт в ванной, доклеить обои в коридоре, да и **на работе дел хватало**».*

*«Ведьмы–бездельницы всегда громче всех вопят, что **работа – дело людей**, а дело ведьм – утехы и потехи».*

*«Однако возведённый английской королевой в рыцари Уильям Гейтс давно уже появляется на публике исключительно в безукоризненных костюмах как человек, **создавший из работы Дело**».*

*«Отсюда шли сведения о строительстве оборонительных укреплений по Днепру. Агентурная работа – **дело опасное и трудное**»*

*«Короче, позвонил Плетнев и телеграфно, как он умеет, сообщил, что собирается уходить из Российского национального оркестра, полностью переключиться на сольную карьеру и **посвятить себя занятиям композиторской деятельностью**».*

*«На **каждом этапе занятия** отслеживается деятельность и ожидаемые действия обучающихся».*

*«Для детей, проявивших отличительные способности, умение самостоятельно и качественно работать, предусматриваются **индивидуальные занятия по исследовательской деятельности 1 час в неделю**».*

*«Якобы молодёжь будет находить себе более перспективные и **прибыльные занятия**, по сравнению с научной деятельностью».*

*«Игровая технология применяется в работе с учащимися различного возраста и используется при **организации занятий по всем направлениям деятельности...**»[ruscorpor.ru]*

Использование синонимов в речи позволяет нам уточнять и разнообразить выражение наших мыслей. Выбирая наиболее подходящее слово в зависимости от контекста и аспекта, который мы хотим подчеркнуть, мы можем передавать свои идеи и эмоции с большей точностью и тонкостью. Каждый синоним вносит свои оттенки значения и нюансы в основное понятие

«труд», тем самым расширяя его семантическое поле и придавая нашей речи большую богатство и выразительность.

Синонимические отношения возникают в рамках одного логического понятия и определяются особенностями семантической структуры языкового знака. Для выявления синонимов и уточнения содержания лексемы «труд» мы обращались к различным синонимическим словарям русского языка, таким как словарь под редакцией А.П. Евгеньевой, словарь Н. Абрамова и словарь К.С. Горбачевича. Кроме того, применяли метод компонентного анализа.

Словарь Н. Абрамова представляет три синонимических ряда, в которые входит слово «труд». Рассмотрим синонимы слова «труд» из первого ряда: «книга», «сочинение», «диссертация», «исследование», «сборник», «труд». Проанализировав слово «книга», мы обнаруживаем общий компонент значения с лексемой «труд» – это «произведение печати». Далее, слова «произведение» и «труд» связаны отношениями взаимной идентификации. Таким образом, общий компонент значения «произведение печати» объединяет слово «труд» с остальными лексемами данного синонимического ряда.

Синонимические ряды с доминантами «работа» и «дело» также содержат слово «труд». В ряде с доминантой «работа» мы анализируем синонимы «делание», «подвиг», «упражнение». Например, слово «делание» связано с глаголом «делать» и указывает на акт создания или выполнения чего-либо. А слово «подвиг» выражает героический поступок или значимое действие. Все эти синонимы уточняют и дополняют понимание слова «труд» в контексте различных видов деятельности.

Анализируя синонимы слова «труд», мы видим, как разные слова могут расширять и дополнять его семантику, выделяя различные аспекты значения. Каждый синоним отражает разные виды деятельности, работы или создания, что позволяет нам лучше понять и выразить разнообразие концептуальной картины мира, связанной с понятием «труд».

В синонимическом словаре Н. Абрамова слово «труд» входит в состав синонимических рядов, включающих такие слова как «дело», «занятие», «ремесло», «мастерство», «рукоделие», «профессия», «работа», «процесс», «спор», «суд», «тяжба». Из них, слова «спор», «суд», «тяжба» и «процесс» (в 3 значениях) синонимичны слову «дело» в его 9-ом значении. Однако, общих компонентов значения с лексемой «труд» у них не обнаружено.

Далее, проанализируем синонимы «ремесло», «мастерство», «рукоделие», «профессия». Слово «ремесло» указывает на работу, требующую специальных навыков и выполняемую ручным или кустарным способом. Также, слова «мастерство» и «рукоделие» связаны с понятием «ремесло» и выражают уровень мастерства или ручной труд, преимущественно женский, связанный с шитьём, вязанием и другими рукоделиями. Слово «профессия» указывает на род трудовой деятельности, требующий специальной подготовки и являющийся источником существования.

Изучение синонимических рядов, в которые входит слово «труд», позволяет выявить дополнительные семы, которые могут быть актуализированы во вторичных значениях слова или в его отдельных употреблениях. Такие семы включают «произведение печати», «произведение науки, искусства», «напряжённая деятельность», «героический поступок», «упражнение», «действие», «ремесло», «мастерство», «рукоделие», «профессия».

В синонимическом ряду, представленном в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под редакцией Ю.Д. Апресяна, слова «работа» и «труд» являются основными. Объём понятия лексемы «труд» шире понятия «работы», и содержательность лексических значений соотносится с уровнем их абстрактности и обобщённости [7, с. 293–295].

Анализ синонимов слова «труд» и их синонимических рядов позволяет уловить многогранные аспекты этого понятия, поскольку различные лексические эквиваленты указывают разные формы деятельности, работы или творчества, тем самым расширяя и обогащая его семантику и позволяя более

точно выразить разнообразие концептуального мировоззрения, связанного с понятием труда.

В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» выделяются различия между «трудом» и «работой» по нескольким смысловым признакам, включающим характер деятельности, масштаб задачи и количество затраченных усилий, представление деятельности как разворачивающегося во времени процесса, смысловые акценты, оценку и возможность абстрактных персонифицированных употреблений. Указанные различия выражают более творческий и этически значимый характер деятельности, связанной с понятием «труд», по сравнению с «работой», обладающей более утилитарной ориентацией [7, с. 294–296].

Анализируя узуальные значения слов «труд» и «работа», мы можем согласиться с данными «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка». Однако, для полного понимания различий между этими синонимами необходимо рассмотреть их употребление в различных контекстах.

Для углублённого анализа семантики слова «труд» целесообразно рассмотреть его в системе лексических противопоставлений и синонимов. Антонимы (лень, праздность, безделье) очерчивают границы понятия и отражают его деятельностный характер, а сопоставление синонимичных лексем («работа», «усилие», «деятельность») раскрывает стилистические и оценочные оттенки. Так, «работа» обозначает профессиональную занятость, «усилие» – объём затраченной энергии, а «деятельность» – сам процесс активности без явного указания на результат. Подобная лексико-семантическая методика позволяет точнее выделить ключевые компоненты «труда» и обогатить концептуальную картину мира, в которой он функционирует.

Анализ антонимов «труд» – «лень» позволяет выявить семантические особенности, определяющие значение слова «труд» через их отсутствие или противопоставление в лексемах, связанных с понятием «лень». В синонимическом ряду с доминантой «лень», представленной в словаре З.Е.

Александровой, мы встречаем такие слова, как «леность», «нерадивость», «ленца» («безделье») и «праздность», значения которых отражают такие семантические компоненты, как отсутствие желания работать, склонность к бездействию, недостаточная усердность и добросовестность, а также отказ от целенаправленной деятельности [185, с. 193].

Анализ лексикографических источников позволяет выделить ключевую сему, лежащую в основе понятия «труд» – целенаправленную деятельность человека, требующую усилий и направленную на достижение конкретного результата. Изучение синонимов и антонимов, в свою очередь, расширяет семантический диапазон слова «труд», выявляя дополнительные семантические компоненты, которые обогащают и нюансируют его общее значение.

Исследование этих лексических отношений позволяет более точно очертить структуру понятия и его дифференциацию от других родственных понятий, таких как *работа*, *дело* или *занятие*. Благодаря этому анализу становится очевидным, что «*труд*» в русском лингвистическом и культурном контексте воплощает не только физический аспект деятельности, но и её моральные, социальные и творческие измерения. Следовательно, комплексное изучение ключевых сем, синонимов и антонимов даёт более полное представление о том, как понятие труда концептуализируется и оценивается в русском лингвистическом сознании.

Большинство существительных, образованных от лексемы «труд», выполняют номинативную функцию и, как правило, относятся к нейтральной иерархии лексики. Примерами могут служить «*трудодень*», «*трудоспособность*», «*трудоёмкость*», «*трудоустройство*» и т.п. Вместе с тем существуют и производные слова с явно положительной оценочной коннотацией, такие как «*трудолюбие*».

Словообразование играет ключевую роль в концептуализации и лингвистической интерпретации понятия «труд», поскольку оно показывает, какие элементы реальности выдвигаются на первый план и когнитивно

структурируются носителями языка. Кроме того, оно отражает социально–психологические представления и ассоциации, связанные с трудом как социальным и культурным явлением. Не следует забывать и о коннотации, эмоциональных и оценочных оттенках слова. Они помогают понять, какое отношение у людей к труду – положительное или отрицательное, основанное на преобладающей в обществе оценки различных форм и проявлений труда

Здесь стоит упомянуть разницу в семантике лексем «трудный» и «труд». Семантическая связь между ними, согласно «Словарю современного русского литературного языка», постепенно ослабла и в конечном итоге утратила своё значение, так что их словообразовательные гнезда разделились на две группы. Несмотря на то, что эти слова ранее принадлежали к одной языковой семье, сейчас их относят к разным категориям. Однако даже производные слова с корнем «трудн–» по-прежнему содержат следы семантического значения «труд», включая «требующий много усилий, напряжения или труда» и «сложный или трудный для обращения». Это означает, что лексема «труд» по-прежнему является архаичной в языковом сознании русскоговорящих, ибо имеет значение трудности или тяжести [БАС, 1963, т. 15].

Слово «дело» происходит от глагола «делать», а соответствующее словообразовательное гнездо охватывает широкий спектр производных, включая существительные, прилагательные и глаголы.

В ходе анализа словообразовательных гнезд можно наблюдать некоторые весьма интересные лингвистические явления, например, использование элементов одного семантического поля для обозначения противоположных идей. В данном случае, лексемы, связанные с бездельем и праздностью, оказываются связанными с лексемой «лень», отражая социально-психологический и культурный подход к этому явлению, отражая культурные и социальные аспекты языка, свидетельствуя об отсутствии чёткой границы между противопоставлением труда и праздности в коллективном сознании русского народа.

В результате анализа лексикографических источников и словообразовательных гнёзд, мы можем сделать следующие выводы:

Этимология слов «**труд**» и «**работа**» не только показывает, как эти слова развивались исторически, но и демонстрирует их связь с культурными и социальными преобразованиями. Слово «**труд**», происходит от общеславянского корня, означающего «давить/обременять», а это значит, что труд первоначально воспринимался как тяжёлый и изнурительный процесс. Напротив, слово «**работа**», исторически связанное с понятием «рабство» (раб), изначально имело очень негативное значение, связанное с принудительным трудом. Однако со временем его значение трансформировалось в более нейтральное и социально значимое, желательное понятие.

Лексема «**труд**», будучи полисемичной и охватывая такие значения, как физическая и умственная деятельность, усилие, продукт труда и профессиональная подготовка, контрастирует с лексемой «**работа**», которая демонстрирует более узкий семантический охват, обозначая в первую очередь процессы занятости и экономическую деятельность как источник дохода.

При более внимательном рассмотрении синонимов «**труд**» и «**работа**» мы заметим, что они не относятся к одной лексической группе и выражают разные стороны человеческой деятельности. Труд связан с понятиями профессии, ремесла и мастерства и несёт более абстрактные и этико-философские коннотации. Работа, напротив, в большей степени ориентирована на деятельность и обслуживание, а также на утилитарность и практичность в своей результативности. В целом, изучение этого лексического поля показывает, что язык отражает социальные и культурные ценности и изображает труд как неотъемлемую часть жизни общества, требующей усилий, мастерства и преданности. Объясняет также и значение лексемы «**труд**» в сравнении с антонимами, такими как «лень», показывая тем самым контраст между работой, трудолюбием, мотивацией, целеустремлённостью и результативностью, с одной стороны, и пассивностью, отсутствием стремлений, амбиций, с другой.

Семантический анализ русского слова «труд» выявил его сложное, многослойное историко-культурное развитие, позволил проследить динамику его семантической эволюции и продемонстрировать, как лексические единицы кодируют социальные, философские и ценностные представления о человеческой деятельности. Однако более полная картина открывается, когда мы обращаемся к таджикскому языку, где понятие «меҳнат» (труд) уходит корнями в свои собственные, самобытные этимологические основы, семантические оттенки и культурные ассоциации. Сравнение этих двух лингвистических традиций позволит выявить как универсальные, так и этноспецифические особенности в восприятии труда, что становится предметом следующего раздела.

3.2. Анализ семантемы слов, обозначающих меҳнат / труд (по данным словарей таджикского языка)

На современном этапе развития лингвистической науки лексикографический анализ занимает одно из центральных мест в изучении структуры языковых концептов, их номинации и выразительных средств. Концепт «труд» (тадж. «меҳнат») представляет собой универсальное культурно-языковое понятие, существующее в языке и культуре разных народов, обладает сложной структурой, включающей множество смыслов, зависящих от того, как люди понимают и воспринимают труд в своей культуре и обществе. Как справедливо отмечает Т.В. Жеребило, «лексикографический анализ играет важную роль в описании структуры концепта, его названия и выразительных средств языка [55, с.7]. Лексикографическое исследование языковых единиц выступает ключевым компонентом лингвистического анализа, интегрируя такие подходы, как лексикографический аспект и метод лексикографического анализа. Согласно Т.В. Жеребило, этот метод трактуется как форма функционального анализа, ориентированная на изучение словарных статей и позволяющая детально описывать лексикографические объекты, включая синонимию, антонимию, фразеологию, а также особенности функционирования и структуру концепта [55, с. 4]. В свою очередь, С.Г.

Воркачев пишет, что словарные дефиниции отражают метаязыковое сознание, объединяя научный и повседневный уровни с этнокультурной спецификой последнего [44, с. 9].

В контексте лексико-семантического анализа концепта «труд/мехнат» наиболее эффективным оказывается лексикографический метод, опирающийся на данные толковых, синонимических и этимологических словарей таджикского языка. Этот подход позволяет не только выявить семантическое поле ключевой лексики «мехнат», но и проследить её этимологическое развитие, связанное с историей языка, культурой и социальными трансформациями таджикского народа. В дальнейшем анализе будут рассмотрены дефиниции, синонимические ряды, частотность употребления и культурные коннотации, что способствует полному пониманию концепта в таджикской лингвокультуре.

Для изучения лексико-семантической структуры концепта «мехнат» в таджикском языке была использована многогранная методология, сочетающая лексикографические приёмы с элементами корпусной лингвистики и компонентного анализа. Основным инструментом исследования стал лексикографический анализ, позволяющий систематизировать семантическую структуру лексики на основе словарных данных, прослеживая её полисемию, синонимические отношения и этимологическое развитие. В рамках этой методики были использованы толковые словари, такие как «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» [211, с. 14–15], «Таджикско-русский словарь» под редакцией М. В. Рахими и Л. В. Успенской [170], а также «Краткий словарь синонимов таджикского языка» М. Мухаммадиева [201]. Для исследования этимологии были использованы дополнительные источники, в том числе арабо-русские словари (например, «Большой арабско-русский словарь с транскрипциями» [219], bars.org.ru [219]).

Лексикографический анализ дополнительно подкрепляется корпусным подходом, основанным на данных Национального корпуса таджикского языка [225]. Этот ресурс предоставляет статистическую информацию о частоте

использования лексем (по количеству вхождений, предложений и документов) и позволяет отслеживать диахронические изменения с 1900 по 2020 год. Такие эмпирические данные служат основой для сравнения доминирующих лексем, таких как *кор* и *меҳнат*, а также их синонимов (*заҳмат*, *ранч*, *шуғл*, *хизмат*, *риёзат*, *амал*).

Компонентный анализ используется для декомпозиции семантической структуры концепта, выделения его основных сем (таких как «фаъолият» и «заҳмат») из периферийных (например, «ранч» и «хизмат»), а также для выявления антонимов («истироҳат», «танбалӣ») и соответствующих фразеологических единиц. Параллельно применяется сравнительный метод для сопоставления таджикских лексем с их русскими аналогами, что позволяет выявить культурные различия в коннотации, например, ассоциацию, позитивный образ созидательного труда в таджикском языке по сравнению с оттенком подневольности в русском.

Все методы интегрируются для обеспечения всестороннего анализа, охватывающего этимологию, словарные определения, контексты использования и культурные интерпретации. Исследование базируется на литературных источниках, пословицах и поговорках, что позволяет учитывать как классическое наследие, так и народные традиции. Такой комплексный подход позволяет не только описать семантему, но и раскрыть её значение в таджикской языковой картине мира.

Этимологический анализ лексемы *меҳнат*, которая является ядерным репрезентантом концепта «труд» в таджикском языке, позволяет проследить её происхождение и историческое развитие. Согласно Большому академическому арабо-русскому словарю, слово восходит к арабскому *مِحْنَة* (*miḥna*), множественное число *مِحْنٌ* (*miḥan*), основанного на трилитеральном корне *م-ح-ن* (*m-ḥ-n*), который передаёт значения «испытывать, подвергать испытанию, ставить в трудные условия» [219]. Первоначальные семантические компоненты включают «испытание», «несчастье» и «горе», отражая негативные коннотации страдания и лишений. Однако в арабском

религиозном и литературном контексте это слово также обозначает духовные испытания, которые служат для укрепления веры, характера и внутренней стойкости.

В таджикском языке, сформированном под влиянием арабо-персидской культуры, лексема «меҳнат» претерпела семантическую эволюцию, приобретая преимущественно положительные коннотации. Её полисемия отражается в сдвиге от периферийных значений, таких как «мучение, страдание, лишения» (ср. «меҳнат кашидан» – «мучаться, страдать»), к основным значениям, таким как «целенаправленная деятельность, приносящая пользу обществу и требующая как интеллектуальных, так и физических усилий» (т. е. «работа, труд»). Это развитие иллюстрирует лексико-семантический процесс амелиорации (позитивная семантическая эволюция), тесно связанный с социокультурным контекстом: в таджикской традиции труд воспринимается как путь к самореализации и коллективному благополучию, что отражено в пословицах, таких как «Ранчи мо – ганчи мо» («наши старания – наше богатство»).

Для последующего этапа анализа мы обращаемся к толковым словарям таджикского и русского языков, поскольку именно словарная статья фиксирует лексико-семантический вариант в его наиболее обобщённой и абстрактной форме, что делает его пригодным для систематизации лингвистических значений.

Слово меҳнат толкуется в «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка)» следующим образом: **МЕҲНАТ** а. 1 محنت . азоб, ранҷ, машаққат, захмат; меҳнат кашидан, азобу машаққат кашидан, дар азоб будан. 2. Фаъолияти мақсаднок ва ба чамъият нафъовари инсон, ки ранҷу кӯшиши ақлонӣ ва ҷисмонӣ металабад; кор [211, с. 793], т.е. («1. Мучение, страдание, трудность, старание; мучаться, страдать. 2. Целенаправленная деятельность, приносящая пользу обществу и человеку, требующая больших умственных и физических затрат; работа»).

В «Таджикско-русском словаре под редакцией М. В. Рахими и Л. В. Успенской приводится следующая дефиниция: мехнат 1) труд; мехнати фикрӣ умственный труд; мехнати чисмонӣ физический труд; 2) см. захмат [209, с.229].

В словаре М. Мухаммадиева «Луғати мухтасари синонимҳои забони тоҷикӣ (Краткий словарь синонимов таджикского языка)» [201] приводятся следующие лексемы, соответствующие понятию мехнат и составляющие периферийные компоненты: кор, захмат, ранҷ, шуғл, хизмат, риёзат (работа, старание, труд, занятие, служба, трудность). Эти слова кроме общего значения (название действия) обладают стилистическими и семантическими различиями. Слово кор – полисемично, и может легко заменяться другими синонимами. Оно общеупотребительно и в литературном, и в разговорном языке. Возможная причина более широкого употребления слова **кор** заключается в том, что оно является исконно персидским, в то время как **мехнат** заимствовано из арабского языка

В словаре «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» (Толковый словарь таджикского языка) [202, 203] приводятся следующие толкования указанным выше синонимам:

КОР 1 کار. амалиёти табдил ёфтани як шакли энергия ба шаклидигар, амал. 2. он чи ки касе ба он машғуласт, шуғл, пеша; кори дастӣ а) амале, ки ба воситаи даст ва умуман бо истифодаи қувваиҷисмонӣ ба ҷо оварда мешавад; б) маҳсуле, ки аз дасти касибу пешаварон мебарояд; муқоб. кори корхонагӣ. 3. Ончи аз касе содир мешавад, рафтор, кирдор: ин кори ӯ кори хуб нест. 4. хизмат, ҷои хизмат, вазифа; машғулият. 5. супориш ё масъалае, ки иҷро ва ҳалли он ҳамчун яке аз шаклҳои санҷиши дониши мактабииён ба ҳисоб гирифта мешавад: кори дипломӣ, кори санҷишӣ, кори курсӣ. 6. маҷ. вазъият, аҳвол; кор чатоқ // кор хӯрчин гуфт. вазъияти хеле бад, аҳволи бад. 7. маҷ. ҷанг, муҳориба; кору пайкор задухӯрд, муҳориба. 8. маҷ. марг, аҷал; кор шудан ба ҳоли бадӯ табоҳ афтодан; хеле ранҷу озор дидан; кор тамом шудан роҳи ҳалли масъалаеро пайдо кардан [202, с. 622-623]

Кор I 1) дело, работа; занятие; кори амалӣ практическая работа; кори илмӣ научная работа [209, с. 192].

ЗАҲМАТ I а. 1 زحمت. ранҷ, машаққат, меҳнат; азият, озор, азоб. 2. ташвиш, дарди сар, тасдеъ; аҳли заҳмат заҳматкашон, меҳнаткашон; насли заҳмат ранҷбарзодагон, авлоди меҳнаткашон; заҳмат додан ташвиш додан, боиси нороҳатӣ шудан; халал расонидан; заҳмат кашидан ранҷ бурдан, машаққат кашидан; нороҳат шудан; заҳмати беҳуда кашидан беҳуда ранҷ бурдан, меҳнати бефоида кардан [202, с.515]

ЗАҲМАТ II زحمت гуфтугӯӣ. бало, зиён, зарар, ки гӯё аз деғу чин мерасад бало, зиён, зарар, ки гӯё аз деғу чин мерасад; зиёну заҳмат балову ранҷ аз қувваҳои мавҳум; зиёну заҳмат расондан [203, с.515]

В Таджикско-русском словаре приводятся следующие толкования:

ЗАҲМАТ I 1) затруднение, трудность; тягость, беспокойство; ба заҳмат андохтан, заҳмат додан утруждать, обременять; доставлять беспокойство; заҳмат дидан, заҳмат кашидан испытывать затруднения, переносить трудности; 2) уст. труд [209, с. 153].

ЗАҲМАТ II разг. 1) нечистая сила, злой дух бес; 2) злоба, состояние крайнего раздражения, бешенство; заҳмати ӯ гирифта истодааст а) он бесится от злости, он неистовствует [209, с. 153].

В «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» (Толковый словарь таджикского языка): **ШУҒЛ** а. شغل машғулият, кор, пеша, касб; шуғл кардан машғул шудан бо коре. [203, с.684].

Таджикско-русский словарь: **ШУҒЛ** занятие, дело, шуғл доштан бо чизе, шуғл кардан (намудан) ба чизе, заниматься чем–л.; ӯ як ҳафта шуд ки бо шоҳмотбозӣ шуғл дорад вот уже неделя, как он занимается шахматной игрой [209, с.463].

В «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» (Толковый словарь таджикского языка): **ХИЗМАТ//ХИДМАТ I** خدمت//خدمت. кор кардан барои касе. 2. кор, фаъолият. 3.вазифа, коре, ки инсон ё чизи дигар ба иҷрои он ӯҳдадор аст: хизмати ҳарбӣ, хизмати нақлиёт. 4. кор ва фаъолияти шоёни эҳтиром ва

сазовори таҳсини умум; ҳаққи хизмат музди кор; ба хизмат гирифтани касеро барои иҷрои коре қабул кардан; ба хизмат камар бастан ба иҷрои коре омода будан; хизмат кардан кор кардан, вазифаеро ба ҷо овардан, супоришро иҷро кардан. [203, с. 447].

Таджикско-русский словарь: **ХИЗМАТ** 1) служба, должность; деятельность – хизмати ҳарбӣ военная служба; рӯйхати хизматҳо послужной список; 2) услуга одолжение; ба хизмати шумо ҳозирам я к вашим услугам [209, с. 422].

«Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ»: **РИЁЗАТ** а. 1 رياضت . тоб овардан ба ранҷу машаққат, саҳтӣ, азоб; машқи варзишӣ, таълим додани ҷонварон, маҳсусан асп; риёзат додан маҷ. ранҷу азоб додан касеро, риёзат кардан ранҷу заҳмат кардан: риёзати шокқа меҳнати саҳт; порсой, зоҳидӣ. 2. гӯшанишинӣ, парҳезгорӣ бо мақсади ибодат, зоҳидӣ; риёзат кашидан ранҷ бурдан, ба машаққат тоб овардан дар роҳи расидан ба мақсаде [203, с.161].

Таджикско-русский словарь: **РИЁЗАТ** книжн. 1) трудность, затруднение; испытание; 2) воздержание, аскетизм, подвижничество; риёзат кашидан а) испытывать трудности, преодолевать затруднения; подвергаться лишениям; б) прилагать усилия, трудиться; в) вести воздержанную, аскетическую жизнь, подвергать себя лишениям [209, с. 325].

Семантическое поле понятия «труд» в таджикском языке строится вокруг ядерной лексемы «меҳнат» и включает синонимический ряд, каждый из синонимов выражает специфические стороны концепта. Анализ «Краткого словаря синонимов таджикского языка» М. Мухаммадиева (1975) показал, что периферийные компоненты включают: «кор» (работа, дело), «заҳмат» (старание, тягость), «ранҷ» (страдание, усилие), «шуғл» (занятие, дело), «хизмат» (служба, деятельность), «риёзат» (аскеза, самоотверженность), «амал» (действие, поступок) [201, с. 62]. Хотя эти лексемы объединены общим семантическим ядром «деятельность, требующая усилий», они различаются по стилистическим, эмоциональным и контекстуальным оттенкам.

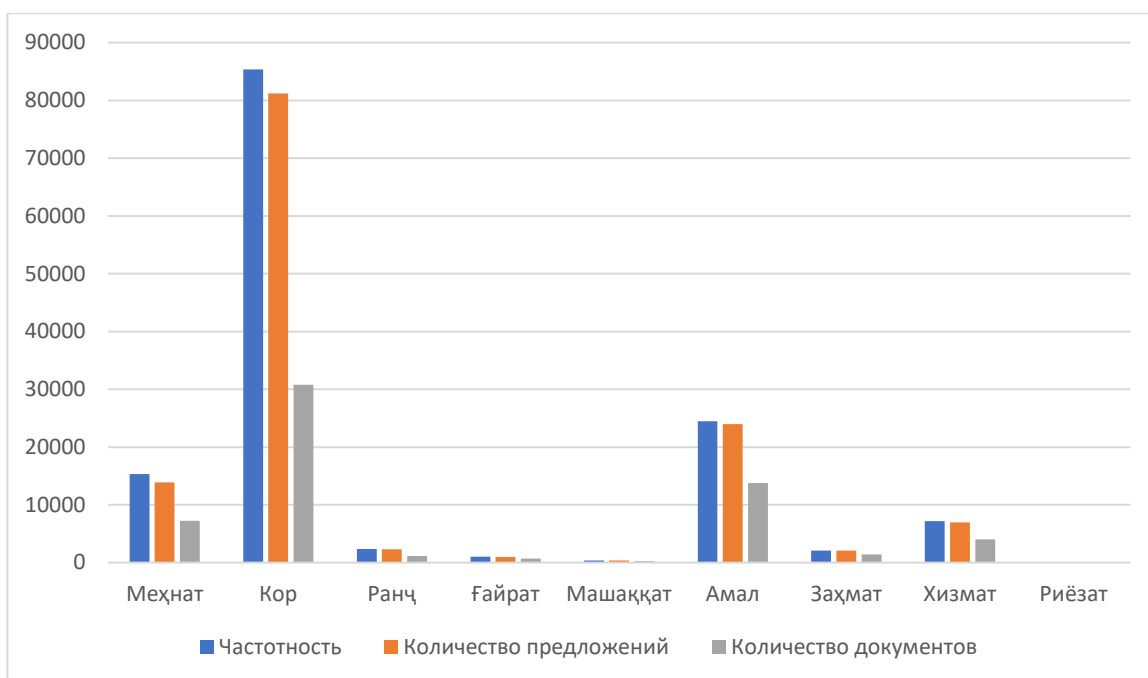
Лексема «меҳнат» является полисемичной и включает в себя как отрицательные ассоциации («азоб, ранч, машаққат» – мучение, страдание), так и положительные («фаъолияти мақсаднок» – целенаправленная деятельность), как отмечено в «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» [203, с. 793]. Лексема кор наиболее полисемична, охватывает такие значения, как «амал» (действие), «пеша» (ремесло), «вазифа» (должность), «чанг» (война) и даже «марг» (смерть в переносном смысле). Широта использования, уходящая корнями в древнеиранский корень *kar-* («создавать, делать»), делает её доминирующей в поле.

Синонимы различаются в зависимости от регистра употребления и коннотации. «Кор» является стилистически нейтральным и широко используется как в разговорном, так и в литературном контексте, с высокой продуктивностью словообразования (*коргар, корманд, корхона, коркӯфта, корам, корамнашуда, коранда, корафтода, корбоф, коргарзан, коргузорӣ, коргурез, кордида, кордӯст, корнамоӣ, корчаллон*). «Меҳнат» чаще встречается в официальном и литературном дискурсе, неся коннотации настойчивости и честности. «Ранч» и «риёзат» имеют более ограниченное использование, ассоциируются с *душворӣ* (трудность) или «зоҳидӣ» (аскетизм), и, таким образом, связаны с периферийными семами страдания. Слова «хизмат», «шуғл» и «амал» близки по смыслу, но всё-таки не полностью совпадают. «Хизмат» чаще подразумевает служение или выполнение долга (*хизмати ҳарбӣ* – военная служба, *ба хизмат камар бастан* – выполнять обязанность, исполнять поручение.). «Шуғл» обозначает занятие или то, чем человек интересуется и занимается (*шуғл кардан* – заниматься), а «амал» указывает на конкретное практическое действие действиям (*дар амал (ҳаёт) татбиқ намудан* – осуществить в жизни, *амали нек* – доброе дело). Эти различия приводят к лексико-семантическим вариантам: хотя синонимы могут иногда пересекаться, но в некоторых контекстах заметно различаются по стилю и эмоциональной окраске. Например, слово «ранч» (тяжкий труд, страдание) часто встречается в поэзии, усиливая эмоциональное воздействие.

Такие антонимы, как «истироҳат» (отдых), «бекорӣ» (безделье), «танбалӣ» (лень), противопоставляются понятию труда, особенно ярко подчёркивая, насколько высоко в таджикской культуре ценится труд. Очень показательны в этом плане пословицы и фразеологизмы: «*Ҳар кӣ нон аз амали хеш хӯрад, миннат аз Ҳатам-и Той накашад*», «*Меҳнат кунӣ – нон ёбӣ, танбал бошӣ – хор ёбӣ*», «*Дастӣ бекор – дили бебарор*», «*Танбал ба орзу зинда, коргар ба нон*» и др., не просто описывающие труд, а усиливающие смыслы честности и самоотверженности.

Согласно Национальному корпусу таджикского языка слово **меҳнат** имеет частоту употребления 15303, количество предложений 13858, количество документов 7239; **кор** – 85370, предложений 81181, документов – 30783; **ранҷ** – 2357 предложений 2315, документов 1149; **ғайрат** – 1003, 998, 678; **машаққат** – 379 вхождений, 375 предложений найдено примерно в 257 документах; **амал** – 24470 вхождений, 23977 предложений найдено примерно в 13764 документах; **заҳмат** – 2099 вхождений, 2071 предложение найдено примерно в 1425 документах; **хизмат** 7180 вхождений, 6963 предложения найдено примерно в 4007 документах; **риёзат** – 83 совпадения, 80 предложений найдено примерно в 34 документах. Это распределение показывает лексико-семантическую иерархию: «**кор**» занимает ведущее положение благодаря своей универсальности и исконности, в то время как арабские заимствования, такие как «**меҳнат**» и «**риёзат**» преобладают в специализированных текстах (официальные документы, литература, СМИ) [https://tajik-corpus.org/tajik_corpus].

Диаграмма 3. Частотность употребления и количество вхождений лексемы меҳнат и её синонимов.

Чтобы продемонстрировать, как слово *меҳнат* функционирует в отношении различных видов труда и отражает его социальную ценность, мы обратимся к ряду наглядных примеров: *«Дар ин марҳала кӯшиши асосӣ, ба ғайр аз саъйи барабаси як тамаддуни коммунист сохтан, ба сизируфтани унсурҳои сиёсӣ, иҷтимоӣ, қабули самти илмию фикрӣ ва сарфи меҳнат ба истеҳсолот будааст, ки натиҷаи он мақоми дигар ёфтани шахс дар ҷамъият мебошад»* [https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search] (На этом этапе основные усилия, в дополнение к постоянным усилиям по построению коммунистической цивилизации, были направлены на интеграцию политических и социальных элементов, принятие научного и интеллектуального направления и вложение труда в производство, результатом чего является изменение положения человека в обществе).

«Одамони бисъёре ба он аъзо шуда кор мекарданд ва музди меҳнат мехостанд». (Многие люди вступили в него, работали там и хотели получать зарплату) [https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search].

«Духтари усто Раҳмат буданамро мехостам дар меҳнат собит намоям». (Я хотела доказать, что я истинная дочь усто Рахмата своим трудом) [https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search]

«Шояд як деҳқоне, ки баробари офтоб–аз тулӯъ то зуруб меҳнат мекунад, барои Ватан саҳми зиёде дошта бошад...» [https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search]. (Может статься, что дежанин, работающий с рассвета до заката, приносит Родине не меньшую пользу...)

«–Охир, ту вақти бекоре надори–ку? Шабу рӯз меҳнат мекуни» [https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search]. (Так у тебя же нет ни одной свободной минуты. День и ночь трудишься).

«Басе ранч бурдам дар ин сӣ сол» [https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search]. (Я на протяжении этих тридцати лет сильно страдал)

«Не, медонед, вале дар рагу паям чоргома медавед, то ҳама эҳсосоти шукуфандаро, ки аз ранч ва шиканчаҳое, ки таи рӯзгори хеш таҳаммул мекунам, барӣ созад» [https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search]. (Нет, вы и не ведаете, однако в каждой жилке и в каждом моём нерве вы несётесь неудержимым потоком, увлекая за собой все чувства, рождённые из боли и испытаний, что я пронёс через свою жизнь).

Лексическое поле меҳнат охватывает как интеллектуальные, так и физические усилия, а также моральные и социальные качества личности. Оно включает **меҳнати зеҳнӣ** (умственный труд), относящийся к интеллектуальным усилиям, решению проблем и стремлению к знаниям, например, *«Мушкилоти масъалаҳое, ки дар мусобиқаҳо ҳал мешаванд, нишон медиҳанд, ки дар саноати асри XXI тақсимоти анъанавии меҳнат ба ҷисмонӣ ва зеҳнӣ аллакай хеле шартӣ мебошад»*; **меҳнати ҷисмонӣ** (физический труд), обозначающий затраты энергии и сил при выполнении работы, например, *«Мардум кайҳо боз омӯхтаанд, ки вазнинии меҳнат ва ҷаззоб набудани ҷисмонию онро паси сар кунанд, аммо сабабҳои ин бартарафсозӣ на ҳамеша моро қонеъ мегардонанд»*; **масъулият** и **интизом** (ответственность и дисциплина), выражающие самодисциплину и усердие – *«–Чаро ҳайрон шудӣ?– ба гап даромад писарбача. Амалиёти баландихтисос, кори истисноӣ бо масъулияти баланд аст»*, *«Акнун ки дар мамлакат макони вайрон*

намондааст, кори мамлакат тамом аст ва аҳволи халқ дар **интизом**. – Мақсадро худатон баён кардед, – аз ҷой бархост сариқтисоддон, – боварӣ, **интизом**, иҷрои вазифа»; натиҷа и дастовардҳо (результаты и достижения), указывающие на целеустремлённость и продуктивность труда, например, «Шумо дар бораи он чӣ фикр доред, ки баъзе **дастовардҳои илмӣ** барои саломатии мо таҳдид мекунад?» – бо лаҳни сахт пурсид ӯ», «Ба он деҳа рафта дар назди арбобу калонони он ҷо васиқа кардан лозим аст, – гуфт ноиб, – «Арбобро бину деҳро тоз» гуфтаанд, коре, ки дар деҳот бе хабардори арбоб ва калоншавандагон карда шавад, **натиҷаи хуб намедиҳад**. (С.Айни «Марги судхур», с. 109)».

Компонентный анализ раскрывает семантическую структуру концепта, выделяя его ядерные семы – фаъолият (деятельность), кӯшиш (усилие), мақсад (цель) – общие для всех синонимов и периферийные – азоб (страдание) в «меҳнат» и «ранҷ»; хизмат (служение) в «хизмат»; зоҳидӣ (аскетизм) в «риёзат».

Сравнение с русским языком выявляет некоторые различия: таджикское выражение «кор кардан» передаёт коннотации целенаправленного действия и созидания (от древнеиранского корня kar– – «делать, создавать»), тогда как русское «работать» происходит от rab («раб») и несёт в себе коннотации подчинения. Этот контраст формирует многомерную структуру концепта: социальная – коллективизм, хашар (взаимопомощь); прагматическая – натиҷа (результат, исход); экзистенциальная – самореализация, как в изречении Саади: «*Инсон бо кор зинда аст*» («Человек живёт благодаря труду»); духовная – сакрализация труда.

Данные корпуса иллюстрируют контекстуальное использование: меҳнати зеҳнӣ» (умственный труд) и «меҳнати ҷисмонӣ» (физический); «заҳмат додан» (причинять беспокойство). Коннотации варьируются от положительных (интизом – дисциплина, фидокорӣ – самопожертвование) до отрицательных (хастагӣ – усталость, истисмор – эксплуатация), обогащая лексико-семантическое поле.

В целом семантическое поле «меҳнат/труд» отражает синтез древних персидских традиций и арабских влияний, выражая роль труда в таджикской картине мира как средства коллективной солидарности и личностного развития.

В заключение можно сказать, что концепт «меҳнат» является многомерным: он объединяет деятельность, занятие, служение, интеллектуальные и физические усилия, а также личные качества, необходимые для достижения целей. В таджикской картине мира труд сохраняет положительную оценку служения, добросовестности и ответственности. В отличие от русского языка, где слова «труд» и «работа» нередко несут оттенок тяжести или канцелярита, в таджикском «меҳнат» и «кор» звучат гораздо теплее и достойнее. Компонентный и лексикографический анализ показывают высокую семантическую гибкость этих слов, тесно связывающих язык, культуру и систему ценностей таджикского народа. Изучение лексики, синонимов, антонимов и фразеологизмов, связанных с лексемой «меҳнат», убедительно подтверждает её центральную роль в лингвистическом и культурном сознании таджикского общества.

3.3. Семантика и функции труда в пословично-поговорочном фонде русского языка

Использование пословиц и поговорок для изучения концепта «труд» помогает выявить связанные с ним смыслы и перцептивные модели. Они могут дать много информации о различном и даже противоположном отношении к рассматриваемому явлению. Даже если эти характеристики динамичны и зависят от контекста, это будет способствовать выработке надёжного определения понятия «труд». В русских пословицах и поговорках содержится множество лексических средств, которые отражают концепт «труд», представленный ключевой лексемой «труд», а также синонимическими лексемами, однокоренными словами. Изучение концепта

«труд» в этих выражениях начинается с паремий, где содержится ключевая информация.

Важно отметить, что многие характеристики из интерпретационного поля могут быть яркими в сознании народа в определенные периоды и существенно влиять на его мышление и поведение [Попова, Стернин 2002].

При изучении в словарях «Русские пословицы и поговорки» [М. А. Рыбникова, 1961], «Большой словарь русских поговорок» [<https://rus-proverbs-dict.slovaronline.com/search>] 1005 паремий, связанных с концептом «труд», лексема «труд» встречается 197 раз. Необходимость кропотливого и честного труда, приносящего результаты и пользу как самому человеку, так и обществу – основной концептуальный признак, выражаемый этими народными мудростями. В большинстве пословиц и поговорок говорится о том, что без усилий и труда невозможно достичь желаемого и успешно преодолеть препятствия. Это свидетельствует о важности труда в культуре и мышлении народа, а также подчёркивает его роль в достижении успеха и благополучия.

Многочисленные русские паремии раскрывают различные аспекты позитивного восприятия трудовой деятельности. Выделим ключевые смысловые группы:

1. Труд как основа жизнеобеспечения:

В пословицах говорится, что труд – необходимое условие существования: *«Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «Труд кормит, а лень портит», «Кто не работает, тот не ест», «Хочешь есть калачи – не сиди на печи», «Дело мастера кормит», «Где труд, там и хлеб», «Труд человека кормит, а лень в нищету ведёт», «Работаешь – ешь с охотой, без дела сидишь – хлеба не жди», «Не будет поту – не будет и хлеба», «Что потрудимся, то и поедим»; «Без дела жить – только небо коптить».* Отсутствие труда ассоциируется с нищетой: *«Лень до добра не доведёт», «Лентяй да лежебока – нищете родная кроватка», «Не будешь работать – будешь побираться», «Лень – родная сестра бедности», «Без дела жить –*

только небо коптить», «Не потрудился – с голоду умрёшь», «Кто лодыря гоняет, тот хлеба не знает», «Ленивому всегда праздник, да хлеба нет», «Где лень, там и бедность», «Станешь лениться – будешь с сумой волочиться».

2. Терпение и усердие в труде:

Успех связывается с настойчивостью: «Терпение и труд всё перетрут»; «Без труда не вынешь рыбку из пруда», «Без труда не вытащишь и рыбку из пруда», «Белые руки чужие труды любят», «Всякая работа мастера хвалит», «Где много слов, там мало дела», «Глаза боятся, а руки делают», «Делу время, а потехе час», «За всякое дело берись умело», «Каков работник, такова ему и плата», «Кончил дело – гуляй смело», «Не спеши языком, торопись делом». Подчёркивается ценность прилежания: «Работай до поту – так поешь в охоту», «Кто слово скор, тот в деле редко спор», «Кто любит труд, того люди чтут», «Не тот хорош, кто лицом пригож, а тот хорош, кто на дело гож».

3. Ответственное отношение к работе:

«Была бы охота – наладится всякая работа», «В полплеча работа тяжела, оба подставишь – легче справишь» «Глаза страшатся, а руки делают», «Горька работа, да хлеб сладок», «Доброе дело спасёт душу и тело», «Думай к вечеру, а делай поутру», «Дело шутки не любит»; «Делать как-нибудь – так никак и не будет». Осуждается халатность: «Коли орать – так в дуду не играть»; «Чем эдак пахать, так лучше выпрягать», «У халатности три брата: один – «авось», другой – «небось», третий – «как-нибудь», «Лучше сидеть сложа руки, чем делать спустя рукава».

4. Преодоление трудностей:

Труд ассоциируется с усилиями: «Не срубить дубка, не насадив пупка», «Чтобы рыбку съесть, надо в воду лезть», «Без топора и клина избу не срубишь», «Без терпения нет умения», «Пот проливать – хлеб добывать», «Чтобы кашу сварить, надо котёл растопить». Активность противопоставляется пассивности: «Сложив ручки не пойдёшь и по обабки»,

«Сложь руки и камень не поднимешь», «На печи лежать – добра не видать», «Лодырь и в праздник беден».

5. Труд и материальное благополучие:

Пословицы связывают трудолюбие с достатком: *«Кто пахать не ленится – у того хлеб родится»;* *«Где работа – там густо, а в ленивом доме пусто»* *«Кто пахать не ленится – у того хлеб родится», «Руки работают – голова кормит», «Кто рано встаёт, тому Бог подаёт», «Не потрудиться – так и хлеба не добиться», «Работай до поту – поешь в охоту», «Доброе дело само себя хвалит».*

6. Социальное признание труда:

Уважение к труженикам выражено в паремиях: *«Работа да руки – надёжные в людях поруки»;* *«Дома не лежу, а в людях не стою», «Золотые руки у того, кто трудится умело», «Умелец да рукоделец себе и людям славу приносит»* *«Кто в труде живёт, того люди чтут», «Рабочего человека по рукам видно», «Кто землю лелеет, того земля жалеет», «Не место красит человека, а человек место».*

7. Соразмерность труда и отдыха:

«Работе время, а потехе час»; *«Сделал дело – гуляй смело», «После работы и отдых сладок», ««Поработал – отдохни, послужил – погуляй», «Кто хорошо трудится, тот хорошо отдыхает», «Труд без отдыха – не житьё, а мука», «От трудов праведных не нажить палат каменных».*

Такое многообразие подтверждает, что труд занимает одно из центральных мест в системе ценностей русской лингвокультуры.

Например: *«Хочешь есть калачи – не сиди на печи». «Кто в труде, тот и в чести». «Умелец и топором дерево обстрогает». «Не трудись в праздности – трудись в работе». «Трудолюбие – ключ к богатству» и др.*

Вместе с тем нужно сказать, что любая деятельность не приведёт к хорошему результату без затраченных для этого усилий. Этот принцип отражён в таких пословицах, как *«Без дождя трава не растёт, без труда хлеб*

не родится» и «Без труда всё гниёт, а с трудом цветёт», «Усердие к труду – путь к счастью» и т.п.

Чтобы достичь чего-либо, необходимо вложить усилия и труд: *«Не потрудиться, так и хлеб не родится». «Терпенье и труд все перетрут». «Человек трудится – земля не ленится; человек ленится – земля не трудится». «Чем труднее дело, тем выше честь».*

Результат, достигнутый трудом, всегда ценится: *«Дорога ложка к обеду, а труд – к делу». «Кто трудится, тот и славится». «Радость в труде – богатство в доме». «Только то и крепко, что трудом добыто».*

Жить своим трудом всегда считается правильным и справедливым: *«Свой труд – свои и плоды». «Честный труд человека красит». «Живи по труду – будешь в ладу». «Своим трудом жить – перед людьми не стыдиться». «Кто по совести трудится, тот счастья добьётся». «Честным трудом дорога светла».*

Чужой труд за счёт собственной выгоды осуждается: *«Чужой труд – не своё добро». «На чужой спине в рай не въедешь». «Чужим трудом жить – совесть погубить». «Не своим трудом жить – горе себе нажить». «Легко чужим трудом богатеть, да совесть тяжелеет».*

Также встречаются пословицы, которые осуждают бесполезный и напрасный труд: *«На песке дом строить – труд зря тратить». «Гнездо в буре свивать – труд на ветер». «Напрасный труд – хуже лени». «Даром трудиться – только руки марать». «В пустую бочку воду лить».*

Во множестве паремий говорится о том, что труд требует больших усилий и напряжения: *«Без труда науки не даются». «Знание без труда мертво». «Кто учится, тот труда не боится». «Долгий труд – основа великого знания».*

Пословицы и поговорки отражают ценность труда в достижении желаемого результата.

Человеческий труд невозможен без старания, терпения, воли и стремления. Вместе с трудом эти качества помогают человеку достичь

результатов: *«Воля крепка – гора по плечу»*. *«Кто трудится, тому и счастье улыбаётся»*. *«С волей железной труды легки»*. *«Не ленись, а потрудись – и к успеху приблизишься»*. *«Поспешай медленно, но трудись усердно»*. *«Человек силён, когда старание с трудом идёт рука об руку»*.

В русских народных пословицах говорится как о физических аспектах труда, так и его влияние на человеческий дух и чувства. В них заключена значимость внутренней самореализации и цели, которые возникают в результате работы по специальности, которая действительно нравится людям.

В пословицах и поговорках труд прославляется как средство придания жизни смысла. В них утверждается, что без труда время кажется бесконечным, дни – нескончаемыми. Это не только потребность, но и существование человека.

Паремии также выражает важность труда в формировании личности и духовном самосовершенствовании: *«Не тот живёт больше, чей век дольше, а тот живёт дольше, чьих трудов больше»*. *«Человек трудом оценивается»*. *«По труду можно судить о человеке»*. *«Дерево узнают по плодам, а человека – по трудам»*. *«Золото познаётся в огне, а человек – в труде»*. *«Дерево оценивают по корням, а человека – трудом»* и др.

В русских паремиях отражено противоречивое отношение к труду, усилиям и организации времени для достижения целей. С одной стороны, многие из них воспевают трудолюбие, мастерство и дисциплину как основу успеха: *«Терпение и труд всё перетрут»*. *«Ремесло за плечами не носить, а добром корми»*. *«Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня»*. *«Сделал дело – гуляй смело»*.

Однако в других пословицах сквозит фатализм, сомнение в эффективности усилий и принятие неизбежности тягот. Здесь труд воспринимается как бесконечная ноша, где инициатива бессмысленна: *«Работы невпроворот, а конца не видно»*, *«Работа не волк, в лес не убежит»*. *«От трудов праведных не нажить палат каменных»*. *«День прошёл – и слава Богу»*.

Эта двойственность частично объясняется историческим контекстом. Труд, особенно подневольный, часто ассоциировался с угнетением, что порождало пассивность: *«На чужой работе не разбогатеешь»*. *«Работаешь до седьмого пота, а кушаешь через год»*. *«Хозяин жиреет, а работник хиреет»*. *«Барин в усах, а мужик в слезах»*. *«Работа – не мёд, не оближешься»*. *«Работать за спасибо – только ноги оббить»*. *«За свой труд попал в хомут»*. *«Работа на барина – день длинный, а хлеб чёрствый»*.

В русских поговорках прослеживается довольно противоречивое отношение к труду. С одной стороны, труд видится как путь к самореализации и личному росту, с другой – как тяжёлая, часто вынужденная и неизбежная обязанность. Эта амбивалентность хорошо отражает постепенный переход от понимания работы как принуждения к её восприятию как творческого и осмысленного процесса. В центре этого противоречия находится дилемма: человек действует по собственному желанию или вынужден подстраиваться под внешние обстоятельства? Культурный прогресс во многом измеряется тем, насколько общество способно освободить человека от жёстких природных и социальных рамок, давая ему пространство для свободного развития и самореализации.

В пословицах отражено мышление людей, которые считают, что труд не только обеспечивает материальное благополучие, но и служит основой гармонии в обществе, когда индивидуальные достижения непосредственно влияют на благополучие общества. Отношение к труду, как показывает анализ поговорок разных эпох, менялось на протяжении различных исторических этапов: от восприятия его как тяжкой повинности до признания важности осознанного, творческого подхода. Примечательно, что в большинстве случаев труд в пословицах оценивается позитивно, ассоциируясь с чувством достоинства, радостью и внутренней свободой. Например, безделье часто осуждается, а трудолюбивый человек противопоставляется «пустому» или «бесполезному». В таких выражениях заложена идея: истинная ценность труда – не только в результатах, но и в моральном удовлетворении, которое он

приносит, придавая смысл ежедневному, повторяющемуся из года в год занятию. Пословицы показывают, что принудительный труд часто воспринимался как тяжёлый, неблагодарный и лишённый личной выгоды.

3.4. Репрезентация концепта «труд/мехнат» в паремиологическом фонде таджикского языка

Самобытная национальная идентичность и языковое своеобразие народа проявляется в паремиологической картине мира. Она является хранилищем богатого исторического опыта, представлений о труде и быте, культурных обычаев. Одним из очень важных этапов, который необходимо пройти перед освоением нового языка и расширением области свободного владения им, является изучение пословиц и поговорок. Пословицы, идиомы и поговорки дополняют коммуникацию, часто очень продуманно, делая её своеобразной, точной, яркой, выразительной и запоминающейся.

Культурное развитие народа, отражённое в паремиологической картине мира, складывается на основе социальных, политических, культурных изменений и достижений на протяжении длительного исторического времени, являясь частью общей языковой картины мира, отражает самобытность национально–культурного сознания того или иного народа. Образный аспект идиом играет решающую роль в их значении, причём контекст их происхождения часто служит основой для их интерпретации.

Паремиологической взгляд на мир, формируемый пословицами, поговорками, идиомами и т. д., представляет собой языковой феномен национального культурного наследия. Л.Б. Савенкова справедливо отмечает, что пословицы и поговорки «образуют отдельную категорию языковых единиц, которые выходят за рамки обычных словосочетаний и за пределы потенциальных синтаксических структур, встречающихся в повседневной речи» [139, с. 33].

За тысячелетнюю историю таджикского языка паремиологическое наследие сохранило общинную мудрость, которая отражает глубокие чувства общества в отношении труда, повседневной практики и культурных традиций.

Традиционные знания, заложенные в пословицах, служат зеркалом, которое отражает национальную идентичность, культурное своеобразие и фундаментальные ценности таджикского народа.

Слово **меҳнат**, встречающееся в паремиологическом фонде, играет важную роль в формировании представлений о ценности труда в обществе. Паремии, фразеологизмы, пословицы и поговорки, связанные с «меҳнат», не только обогащают язык, но и придают выразительность и образность речи. Они играют важную роль в усвоении языка и повышении культуры речи, закрепляя в рамках народной мудрости такие ценности, как стойкое отношение к делу и упорный труд, а также личная ответственность и профессиональное стремление к мастерству.

Как справедливо отмечала Маслова В.А.: «язык – это путь, по которому мы проникаем не только в современную ментальность нации, но и в воззрения древних людей на мир, общество и самих себя. Отзвуки давно минувших лет, пережив века, сохраняются сегодня в пословицах, поговорках, фразеологизмах, метафорах, символах культуры и т.д.» [104, с. 1].

Л. В. Басова считает, что «паремиологический фонд языка в наибольшей степени отражает особенности мировосприятия носителей языка, обусловленные национальной культурой» [20, с.19].

Языковая картина мира каждой этнической группы проявляется в их способности трансформировать сложные идеи в яркие образы. Любой язык содержит бесконечное количество образных выражений, которые позволяют людям распознавать абстрактные идеи через конкретные чувственные образы. В лингвокультуре эту особенность демонстрируют паремии – пословицы, создающие сложные скопления философско-этических и социально-культурных смыслов.

Одно из центральных мест в таджикской паремиологической системе занимает концепт «меҳнат» (труд), семантика которого выходит за рамки простой физической деятельности. Анализ фразеологизмов и пословиц, являющихся неотъемлемой составляющей паремиологической картиной мира,

отражая языковой феномен национально-культурного наследия таджикского народа, раскрывает многослойность и многогранность этого понятия.

Для исследования мы обратились к словарям фразеологизмов, пословиц и поговорок таджикского языка, таким как «Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони хозираи тоҷик (фарҳанги фразеологӣ)» (Словарь фразеологизмов современного таджикского языка (фразеологический словарь) М. Фозилова [214; 215], «Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими» (Зарбумасал ва мақолаҳои тоҷикӣ ва аналогияи русии онҳо) Я.И. Калонтарова [191]. В результате выделяются основные когнитивные признаки, которые отображают понятие «меҳнат» в таджикском языке через паремии:

1. Труд – основа человеческого существования, гарант материального и духовного благополучия: «*Меҳнати имрӯз – роҳати фардост*» (сегодняшний труд – завтрашний отдых); «*Меҳнат куну ризқата ёб*» (трудись, заработаешь свой хлеб); «*Меҳнат кунӣ – роҳат бинӣ, бекор шинӣ – алам бинӣ*» (будешь трудиться – увидишь довольство, будешь без дела сидеть – увидишь горе); «*Мукофоти меҳнат серӣ аст*» (Награда за труд – сытость); «*Кор ҷавҳари инсон аст*» (Труд – сущность человека); «*Замин аз борон сабз аст, инсон аз меҳнат*» (Земля зеленеет от дождя, человек возвышается трудом); «*Дарахти меҳнат сабз аст*» (Дерево труда вечнозелёное).

2. Честь и достоинство в труде: «*Меҳнат иззату лаззат дорад*» (в труде почёт и уважение); «**Меҳнат – шараф аст**» (труд – слава); «*Меҳнат кунӣ – ҳалол кун, ҳосилаша ҷавол кун*» (если честно потрудиться, урожай мешками соберёшь); «*Меҳнат обрӯи инсонро баланд мекунад*» (Труд возвышает честь человека); «*Кори ҳалол – рӯйи сафед*» (букв. Честная работа приносит светлое лицо (доброе имя)); «*Усто чӣ гуна – кораиш намуна*» (Каков мастер, такова и его работа); «*Бе меҳнат роҳат нест*» (Без труда нет покоя).

3. Упорство и настойчивость в работе: «*Гар ту кунӣ ҳаракат, ёбӣ зари пурқимат*» (Если будешь стараться, найдёшь драгоценное золото); «*Зар бе ранҷ нест, роҳат бе меҳнат*» (Золото не без забот добывается, отдых – без

труда); «*Имрӯз меҳнат, фардо (пагоҳ) роҳат*» (Сегодня потрудишься – завтра отдохнёшь); «*Шахсе, ки ҷӯстучӯ мекунад, муваффақ аст*» (ищущий достигает успеха); «*Сабр кунӣ – аз гӯра ҳалво меназад*» (Будь терпелив, и даже из незрелого абрикоса приготовишь халву); «*Оғози хуб – анҷоми хуб*» (Хорошее начало ведёт к хорошему завершению); «*Оғози хуб – ними ғалаба*» (Хорошее начало – половина победы).

4. Понимание важности труда как неотъемлемой составляющей жизни, источника процветания и развития: «*То даст начунбад, даҳонат намечунбад*» (Пока руки не двинутся, рот не зашевелится); «*То меҳнат накунӣ, нон намеёбӣ*» (Пока не потрудишься, хлеба не добудешь); «*Роҳат агар ҷӯӣ, аз ранҷ матарс*» (Если ищешь довольствия, не пугайся труда); «*Вақт бо кор зуд мегузарад*» – (Время быстро проходит за работой); «*Кор кушояндаи иштиҳост*» (Работа возбуждает аппетит); «*Кори имрӯзаро ба фардо магузор*» (Не откладывай сегодняшний труд на завтра); «*Ҳар ки дона кошад, нон хӯрад*» (Кто посеет зерно, тот будет есть хлеб).

5. Отрицательное отношение к бездельникам, лоботрясам и нахлебникам: «*Кӣ кашад ҷабру ҷафо, кӣ кунад кайфу сафо*» (кто терпит страдания и мучается, а кто развлекается и наслаждается); «*Нариштаву натофта, аз баҳри худо ёфта*» (не прилагая никаких усилий обрести имущество и другие блага); «*Аз бекор худо (ҳама) безор*» (Бог (никто) не любит бездельников); «*Ду даст дар киса*» (сидеть сложа руки); «*Аз одами бекор – Худо безо*» (Бог не любит праздных людей); «*Дар меҳнат хирад нест*» (Чрезмерный труд без смысла не приносит мудрости); «*Одами ҳамакора – ҳама кораи нимкора*» (Кто хватается за всё, ничего не доводит до конца); «*Танбалӣ модари ҳамаи бадбахтиҳост*» (Лень – мать всех несчастий).

Исследование паремий, связанных с концептом «меҳнат» (труд), раскрывает ценностную картину мира таджикского народа, его отношение к труду и представления о его роли в обществе. Эти выражения придают языку неповторимый колорит, обогащают культуру речи и позволяют лучше понять и оценить трудовую деятельность в контексте таджикской культуры.

В таджикской паремиологии настойчивый труд концептуализируется как процесс, приводящий к успеху, фиксируется идея постепенного накопления усилий, их трансформирующей силы и конечной результативности. Труд требует выдержки, самоотверженности и постоянного стремления к самосовершенствованию, является фундаментом для достижения высоких результатов в различных сферах жизни, будь то профессиональная деятельность, учёба, спорт или личная жизнь.

Концепт «труд/меҳнат», рассматриваемый в аксиологическом аспекте, обнаруживает положительную оценку в таджикских поговорках. Труд необходим человеку для приобретения жизненного опыта, развития навыков и достижения целей, помогает ограничивать желания, проявлять самоотверженность и самодисциплину.

В «Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик (фарҳанги фразеологӣ)» (Фразеологический словарь современного таджикского языка) М. Фозилова слово меҳнат употреблено в различных формах, фразеологизмах и предложениях 155 раз, что подтверждает высказанное выше мнение об особом месте труда в таджикской культуре.

Приведём в качестве примера некоторые из них:

«*Ҳалол меҳнат кард, аз меҳнати ҳалол барака меёбад...*» [214, с.87]. (честно работал и получил выгоду).

«*Фаҳмидӣ, роҳат бе меҳнат муяссар намешавад*» [214, с. 252]. (нет хорошего отдыха без труда, понял?).

«*Кадом меҳнат? Мо ҳанӯз меҳнат накардаем ва барои ҳамин ҳам коре нашуд. Агар дуруст меҳнат мекардем, дастии мо боло буд*» [214, с. 317]. (Какой труд? Мы до сих пор не трудились и ничего не сделали. Если бы работали правильно, добились бы успеха).

«*Ҳамаи ин майлаш, вай аз кор наметарсид, аз меҳнат сар наметофт, агар ўро таҳқир намекарданд, агар ҳар замон ба дили дардноки ў сих намезаданд...*» [214, с.406]. (Кроме того, он работы не боится, не воротит нос от неё, если бы его не унижали, не ранили его в сердце...).

«Дар замонҳои пештара одами меҳнат мекардагӣ хор, меҳнат намекардагӣ, бекорчиҳо азиз буданд. Киҳо кашанд ҷабру ҷафо, киҳо хуранд шаҳду шакар...» (В прежние времена тот, кто трудился, страдал, а бездельники были в почёте) [214, с.549].

«– Миёнатон дард накардааст, намедонед, ки дар бинои ин мадраса чӣ қадар пул сарф шудааст ва он пул аз куҷо ва ба чӣ гуна меҳнат ба даст даромадааст...» [214, с. 651]. (У вас спина не болела, не знаете, сколько денег было затрачено на медресе, откуда и каким трудом они были добыты)

Исследование языковых средств, используемых для выражения «меҳнат» в таджикском языке, позволяет увидеть, что это понятие является важной частью культуры и сознания носителей языка, не ограничиваясь физическим трудом. Он также включает в себя понятие «кор» (работа), которое является более обширным и охватывает как физическую, так и умственную деятельность, направленную на достижение определённых целей.

В «Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик (фарҳанги фразеологӣ)» (Фразеологический словарь современного таджикского языка) М. Фозилова слово «кор» употреблено в различных формах, фразеологизмах и предложениях 857 раз:

«Ба кор омадан» – сгодится к чему–либо, пригодится когда–либо, понадобится

«...акнун ман ба ту (кордро –М. Ф.) ҳаёба мекунам, писари азиз, ягон вақт ба кор меояд». [214, с. 12] (Подарю тебе нож, сынок, когда–нибудь пригодится)

«Аввал кор, баъд бозор» – букв. сначала дело, потом базар (делу время – потехе час), аввал кор, баъд тамошо, пеш аз хама кору вазифа, баъд корҳои дигар – сначала дело, потом зрелище, прежде всего работа, а потом другие дела.

«Ҳамин тавр-куя, ҳақиқатан аввал кор, баъд бозор! Лекин мардаки узбек одами нағз-дия, ба маънос кардани вай дили кас намешавад» [214, с. 20]

(Правду говорят, сначала дело, потом базар. Хороший человек этот узбек, никто не сможет его привести в отчаяние).

«**Акси кор**» – невезение, неудача в делах.

«*Акси кора тамошо кунед, ки имруз навбати кори Савсанҷон будааст...*» [214, с. 32] (не везёт так не везёт, сегодня очередь работать Савсанджону)

«**Аз афти кор**» – выясняется, наблюдается; возможно, вероятно, судя по всему.

«*Аз афти кор, вай ба ягон кароре омада буд*» [214, с. 58] (Судя по всему, он не принял никакого решения)

«**Гап дигару кор дигар**» – букв. говорить одно, делать другое. 1. всё, как было, ничего не меняется; 2. Между словом и делом большая разница; 3. Дело не совпадает со словом.

«– *Медонам, хамаашро медонам. Ҳозир гап дигару кор дигар. Ҳатто мехмоиҳопаҳои колхозии мо аз хонаи бойҳои пештара беҳтар ва озодатар*». [205,72]. (Знаю, всё знаю. Сейчас всё по-другому. Даже наши колхозные гостиницы лучше и свободнее, чем дома богатых людей прошлого).

«**Гап кор накардан**» – не повлиять

«– *Беҳуда насиҳат карда нашинед, ба вай гап кор намекунад*» [215, 205]. (Не давайте советов зря, ему это не поможет)

«**Гапу кор чи**» – в чём суть чего-либо, в чём дело.

«*чи будани моҳияти чизе, аз чӣ иборат будани масъала. – Агар бовар накунад, марҳамат, як сари қадам рафта бинед, сонӣ мефаҳмед, ки гапу кор чӣ будааст*» [215, с. 206]. (Если вы мне не верите, пожалуйста, сходите и посмотрите, вы поймёте, в чём суть дела).

«**Даст аз кор мондан**» – букв. руки устали, невозможность дальше работать, устать

«*Дастони хурдтараке, ки пеш аз он киштӣ норонда буданд, дар аввали кор ба ду-се бел задан суст ва карахт шуда аз кор мемонданд...*» [215, с.307].

(Маленькие ручки, раньше никогда не управлявшие лодкой, после двух-трёх гребков веслом ослабли и онемели).

«Аз дасти касе кор меомадагй шудан» – 1. уметь делать работу, уметь работать, уметь выполнять работу, 2. Созреть, повзрослеть.

«Вақте ки аз дастам кор меомадагй шуд, баъд ба хотиратон омадам-мӣ?» [215, 328]. (Вы вспомнили обо мне только тогда, когда я чему-то научился?)

«Аз дасти касе кор омадан» – кто-то умеет что-либо, может что-либо выполнить.

«Худатон ягон кор накунед, аз дасти мо одамони оддӣ чӣ кор меомад?» [215, с.329]. (Если Вы ничего не делает, что сможем сделать мы, простые люди).

Анализ таджикских паремий и фразеологизмов убедительно демонстрирует, что лексема «кор» (работа/дело) является краеугольным камнем национальной языковой картины мира. Семантика этого слова не ограничивается узкими рамками трудового процесса, вмещая в себя нечто неизмеримо большее, Её семантический диапазон выходит далеко за рамки простого обозначения труда, охватывая профессиональное мастерство, социальную ответственность, понимание разницы между тем, что есть, и тем, что справедливо, эффективность действий и нравственные ориентиры.

Обладая семантической универсальностью, «кор» охватывает широкий спектр значения от конкретного ремесла до абстрактного «дела жизни» и оценки событий и демонстрирует устойчивую положительную аксиологию (кори хуб, кори нек, кори ҳалол), что отличает его от амбивалентного русского «работа» (тяжёлая, грязная работа, «работа не волк», «от работы кони дохнут» и т.п.), Однако и «кор» также может нести негативную оценку, ообенно на периферии лексико-семантического поля, например, в таких выражениях, как «кори бад», «кори беҳуда», «кори носазо» и т.д. В ходе работы мы заметили, что для обозначения либо тяжёлого, либо, наоборот, созидательного и

общественно ценного и значимого труда в таджикском языке употребляется лексема «меҳнат».

В то время как «кор» выражает процесс, организацию и общую эффективность деятельности, «амал» смещает акцент на единичное действие с сильным моральным, религиозным или юридическим подтекстом. Таким образом, «амал» дополняет и углубляет сферу труда, перемещая её из области «работы» в область «поступка» или «действия», где особенно ярко проявляется личная ответственность человека перед Богом, обществом и совестью.

Слово «амал» упоминается в указанном словаре в различных словоформах 42 раза:

«Олими беамал – занбури беасал» – букв. не применяющий на практике свои знания учёный – пчела без мёда. Знания должны претворяться на практике, учёный должен действовать в соответствии со своими знаниями, иначе от них нет никакого толка.

«Шароф Намолов агарчи худаш ба баҳои «аъло» хонад ҳам, лекин ба баъзе рафиқони ақибмонда ёрӣ додан намехоҳад. Ин рафтори Шароф Намолов монанди «олими беамал – занбури беасал» мебошад» [217, с. 50]. («Шароф Намолов, хоть и сам получил оценку «отлично», но не хочет помогать некоторым отстающим товарищам. Такое поведение Шарафа Намолова похоже на «праздного учёного – пчелу без мёда»).

Используется для описания выполнения планов или действий.

«Ба амал баровардан» – претворять в жизнь, осуществлять

«Накшаи рафик Нейматов ба амал бароварда шуд». [214, с. 38]. (Планы товарища Нейматова осуществились)

Описывает процесс создания или подготовки чего-либо

«Ба амал омадан» – 1. Возникать, появляться; 2. Готовить, подготовить

«Дар вақти сардори собиқи трест як бор не, чандин бор хирворҳои калони ангишт ба амал меомаданд...» [214, с. 38]. (Во время работы бывшего директора на-гора неоднократно выдавалось рекордное количество угля)

В «Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик (фарҳанги фразеологӣ)» (Фразеологический словарь современного таджикского языка) М. Фозилова слово «ранҷ» употреблено в различных формах, фразеологизмах и предложениях 63 раза.

«**Набурда ранҷ ганҷ муяссар намешавад**» (пока не прольёшь семь потов, богатства не обретёшь). «**То меҳнат накунӣ, роҳат намебинӣ, бе меҳнат роҳат нест**».

«*Онҳо хуб медонанд, ки бе меҳнат роҳат нест ва «набурда ранҷ ганҷ муяссар намешавад»* (Они прекрасно знали, что без труда нет отдыха, пока не прольёшь семь потов, богатства не обретёшь) [215, с.676].

«**Ранҷ бурдан** (кашидан)» – трудиться, прилагать усилия, переносить тяготы (труда).

«– *Мо ранҷ мебурдему ранҷро дигарон соҳибӣ мекарданд*» (Мы трудились (переносили тяготы), а плодами нашего труда пользовались другие). «*Гуфт ки: «Ранҷ агар, Хасан, набарӣ, Нест дар корҳои ту баракат»*» (Он сказал: «Если ты, Хасан, не будешь трудиться (не примешь тягот), то не будет благословения (бараката) в твоих делах») [215, с.676].

Слово **хунар** употреблено 55 раз

«**Даҳ ангушт (даст) хунар будан**» (мастер на все руки)

«– *Мунаввархон, даҳ дастатон хунардия. Ҳамаи коратон табъи дил*» [215, с. 330]. (Мунавварахон, вы мастерица на все руки. Всё, что не сделаете, делаете от всей души)

«**Панҷ панчааш хунар**» (то же самое)

«*Ин буд, ки оилаи ин одами панҷ панчааш хунар, ки хочатбарори мардум буд, ба муҳтоҷӣ зиндагонӣ мекард*». (Так случилось, что семья мастера на все руки, помогавшего всем вокруг, жила в нужде) [216, 803].

«**Аз болои хунар нон хурдан**» (зарабатывать на жизнь своим ремеслом и мастерством).

«*Муқим бошад, аз болои хунараш нон меҳурад*» (Муқим зарабатывал на жизнь своим ремеслом) [215, 131].

Пословицы со словом «меҳнат» являются фундаментальной частью таджикской картины мира, объединяющей дехканский образ жизни, исламскую этику и коллективистское сознание. Об этом свидетельствуют такие поговорки, как «*Меҳнат куну ризқата ёб*» (Что потрудился, то и поел), «*Меҳнат кунӣ – ҳалол кун, ҳосилаша ҷавол кун*» (кто трудиться рад, тот будет хлебом богат), где труд рассматривается как высшая добродетель, объединяющая материальное благополучие с духовным развитием.

Частотность лексем «меҳнат» (155 упоминаний) и особенно «кор» (857 упоминаний) в таджикских паремиологических словарях убедительно свидетельствует о ядерном статусе труда в национальной языковой картине мира. Паремии фиксируют его как неизменную основу бытия, используя аллегории и противопоставляя довольство/лишения, усилие и будущее благополучие («*Меҳнати имрӯз – роҳати фардо*»).

Семантическое поле таджикских единиц вокруг «меҳнат» / «кор» / «ранч» / «амал» характеризуется полной потерей изначальной негативной семы «тягота», «страдание» и абсолютной позитивной архисемой «благородное, богоугодное усилие, приносящее достоинство (шараф) и благословение (баракат)», с полным слиянием физической, профессиональной и духовной сфер.

Русское поле «труд» / «работа», напротив, сохраняет этимологическую сему тяготы (трудъ → страдание), а позитивная коннотация возникает только при условии, что человек эту тяготу преодолевает.

Ключевые различия на уровне семантических полей пословиц:

Таджикская: безоговорочно позитивная, сакральная («*Меҳнат – оинаи шараф*» (Труд – отражение достоинства), «*Аз меҳнати ҳалол сарват меояд*» (Честный труд приносит), «*Амал – калиди биҳишт*» (Не слово, а дело ключ к раю)).

Русская: условно позитивная с постоянным оттенком тяготы («*Землю солнце красит, а человека – труд*»), но «*От работы кони дохнут*»).

В таджикской традиции труд = ибадат (поклонение). Классическим примером этого служит хадис, переданный Аз-Зубайром ибн аль-Аввамом (да будет доволен им Аллах): Пророк (мир ему и благословение) сказал: «Если кто-либо из вас возьмёт верёвку, соберёт дрова, принесёт их на своей спине и продаст, сохранив тем самым своё достоинство, это лучше, чем просить у людей, которые могут дать ему что-либо, а могут и отказать». Этот хадис (Бухари 1470, Муслим 1042) утвердился как аксиома, освящающая труд даже в его самой низкой и унижительной форме: всякий труд сохраняет человеческое достоинство и предпочтительнее унижительной зависимости. Лень предстаёт как природный грех, укоренённый в самой природе человеческого бытия («Аз зиндаи бекор мурда беҳтар аст» (Лучше мертвец, чем живой бездельник)).

Русские пословицы одновременно возвеличивают труд как священное и основу жизни («Труд – Божий дар и источник бытия»), но в условиях эксплуатации легко превращают его в тяжёлую повинность и объект иронии, что выражается в пословицах вроде «От работы не будешь богат, а будешь горбат» или «Работа не волк – в лес не убежит».

В художественной прозе таджикской литературы XX века выявленные паремиологические различия находят своё наиболее яркое и многогранное воплощение, где фольклорное наследие переосмысливается через призму личного опыта автора и возвышается до инструмента коллективного самоанализа. Поэтому следующий этап исследования по праву обращается к понятиям «мехнат» и «кор», как они представлены в «Ёддоштҳо» Садриддина Айни

3.4.1. Репрезентация «мехнат/ труд», «кор/работа» в книге Садриддина Айни «Ёддоштҳо» (Воспоминания)

Профессор Р. Гаффоров, известный таджикский лингвист, неоднократно указывал на необходимость детального изучения фразеологических единиц в произведениях Садриддина Айни. Его интерес к этой теме не был ни случайным, ни формальным; он проистекал из осознания её фундаментальной

важности для понимания как эволюции таджикского литературного языка, так и культурно–национальной специфики художественного стиля писателя. В своих исследованиях Р. Гаффоров [1987] выделил два ключевых подхода, которые имеют методологическое значение и составляют основу настоящего анализа: во-первых, личность Устода и его неопределимая роль в формировании новой таджикской литературы и языка. Во-вторых, в своих произведениях С.Айни как непревзойдённый мастер слова талантливо и к месту использовал живые народные фразеологизмы, пословицы и поговорки, передавая тем самым весь колорит и самобытность речи своих героев.

Сам Айни в предисловии к «Ёддоштҳо» писал: «Поскольку мне казалось, что написание мемуаров – задача более трудная, нежели создание романов или повестей, я откладывал эту работу до тех пор, пока не накоплю больше опыта. Ведь подобно тому, как человек не может в полной мере оценить сегодняшнюю жизнь – жизнь советскую и социалистическую, – не зная доподлинно и реалистично жизни прошлой, так и писатель не сможет полно и правдиво изобразить прошлое – жизнь феодальную, – пока не приобретёт должного опыта в советском социалистическом строительстве, особенно в его литературе, и не освоит этот новый жизненный уклад до конца» [229, с. 4]

Именно поэтому в данном параграфе мы сосредоточимся на анализе того, как концепты «меҳнат/труд» и «кор/работа» представлены в произведении Садриддина Айни «Ёддоштҳо» (1920–1954), признанном вершиной таджикской автобиографической прозы XX века и важнейшем источнике для исследования эволюции литературного языка.

В тексте наблюдается поразительная диспропорция в частотности ядерных лексем поля труда: арабизм «меҳнат» встречается всего 45 раз во всём произведении, в то время как исконно персидская лексема «кор» используется 1428 раз. Это соотношение не является произвольным и представляет собой весьма значимый лингвистический, стилистический и ценностный показатель.

Во-первых, это соотношение подтверждает сознательное стилистическое предпочтение Айни. Как хранитель классической персидско-таджикской традиции и реформатор таджикского литературного языка, он отдаёт явное предпочтение лексеме «кор» как более нейтральной, универсальной и семантически богатой исконной единице таджикского языка. В его текстах «кор» функционирует как гипероним для всего семантического поля «труд», охватывая весь спектр значений.

Более низкая частотность концепта «меҳнат» (всего 45 употреблений в четырёхтомном тексте объёмом более 680 страниц) свидетельствует о весьма специфическом и периферийном его статусе. Данная лексема используется в основном в контекстах, требующих этического, религиозного или идеологического акцента, где труд представляется как моральная добродетель, богоугодное страдание, жертва или подвиг (сохраняя таким образом следы арабского слова *miḥna(t)*, означающего «испытание»). И наоборот, повседневный, рутинный и социально нейтральный труд почти всегда обозначается словом «кор».

Изложенные выше соображения позволяют определить общие рамки исследования и выделить основные направления анализа. Однако для обоснования этих выводов необходимо обратиться к фактическому лингвистическому материалу. Только на текстовом уровне можно проследить, как выявленные методологические принципы реализуются в лексике и фразеологии Айни.

По этой причине на следующем этапе мы рассмотрим ряд наглядных примеров из «Ёддоштҳо», где концепты «меҳнат/труд» и «кор/работа» приобретают конкретное художественное воплощение.

«Дар маркази деҳа – дар Дехнави Абдуллоҳон тагламадузон – касоне, ки ба соқи музаи кӯҳна таг ва рӯй мебанданд, бошанд ҳам, дар инҳисор – монополияи тагламаҷаллобон буданд ва самараи меҳнати онҳоро он ҷаллобон меҳӯрданд» [229, с. 7]. (В центре селения – в Дехнави Абдулло –

жили сапожники – те, кто сшивал подошвы и верх старых сапог, – но плоды их труда пожинали монополисты–скупщики).

*«Баъд аз хӯрдани занбӯрузбирён, ки нахустин бор **меҳнати ман** ҳам дар вай ҳамроҳ шуда буд, ман ба зудӣ хобидам»* [229, с. 23]. (Поев жареные грибы, в сбор которых я впервые в жизни вложил свой труд, я быстро уснул).

*«– Ман акнун меравам, бачаҳо шохбофиро хуб омӯхтанд, худашон бофтан мегиранд, регкашонӣ ва тоқхоро аз рег пок кардан бошад, **меҳнати дуру дарозеро талаб мекунад**, шумо сар шуда истед, писарҳо ин корро ҳам ба анҷом мерасонанд»* [229, с. 25]. (– Ну я пошёл тогда, мальчики научились хорошо переплестать ветками шесты, сами всё сделают, но таскать песок и очищать лозы от песка требует большого труда, вы начинайте, сыновья и эту работу сделают).

*«Лутфулло 30 сол умр дидааст, дар ҳамин умри худ аз бозе, ки ба дасти худ каланд гирифтааст, як хонаводаро **бо меҳнати худ сер карда омадааст**. Аммо шумо дар шастсола умратон бо меҳнати худ аҳли хонавода он сӯ истад, шиками худатонро сер накардаед»* [229, с. 48]. (Лутфулло прожил тридцать лет, взяв в руки кетмень, своим упорным трудом кормил всю свою семью. Но вы в свои шестьдесят лет не то что семью, сами себя своим трудом прокормить не можете).

*«Биёед, монед ин гапхоро. Акнун **аз меҳнати худ** чӣ гуна ҳалво хӯрдани Лутфуллоро тамошо мекунам, – гуфт ва ба дастёри худ фармуд, ки аз хона якта нон ва аз баққолии урганҷиён як қабза ҳалво биёрад»* [229, с. 48]. (Ох, оставьте ваши разговоры. «Теперь я посмотрю, как Лутфулло ест халву, полученную своим трудом», – сказал он, приказав своему помощнику принести из дома лепёшку и халву из лавки ургенцев).

*«Азбаски сари рӯди нави Шофирком соз шуда, аз дарёи Зарафшон нисбат ба пештараи зиёдтар об мегирифтагӣ шуда буд, деҳқонон **бо меҳнати худ** ва аз гайри роҳбарии ҳукумати амир рӯди кӯҳнаи Шофиркомро ҳам аз рег тоза карда...»* [229, с. 57]. (Дехкане после того, как были очищено верховье нового русла Шофиркома и из реки Зарафшан стало забираться

больше воды, чем прежде, собственным трудом и без руководства правительства эмира также очистили старое русло реки Шофирком от песка).

«Азбаски он сол гӯзапоя хушк шуд, меҳнати падарам абас рафт, ман танҳо ба болои кори кишти ҷуворӣ меистам» [229, с.108]. (Из-за того, что в этом году гузапая (стебли хлопчатника) засохли, труды отца пропали зря, я в одиночку руководил посевом кукурузы).

«Палавкаду ҳам, ки ҳосили аввалини меҳнати деҳқониӣ ман буд, аз одат берун ҳосили бисёр дод» [229, с. 118]. (И урожай палавкаду (сорт тыквы), ставший первым плодом моего деҳканского труда, был обильнее обычного).

«Дар Таҳти Қӯргон як кӯли калон буд. Мардумро ба меҳнати бемузд сафарбарӣ карда, он кӯлро бо хоки теппа хушк ва ҳамвор намуда барои худ кӯшк ва чорбоғ бино намуд. Ин меҳнати маҷбурии бемузди ӯ ҳатто дар соли вабо ҳам давом кард» [229, с. 123]. (В Тахти-Кургане было большое озеро. Он отправил людей на бесплатный труд, чтобы они землёй с холма осушили озеро, выровняли его, чтобы построить для себя замок и разбить сад. Этот неоплачиваемый принудительный труд продолжался даже в год чумы).

«Ҳар талабае, ки яке аз ҳучраҳои мадрасаро бо харҷ ва меҳнати худ обод карда дар вай нишинад...» [229, с. 133]. (Каждый обучающийся за свой счёт и своим трудом приводил в порядок кельи медресе, чтобы в них жить).

«...ва тағои калонам ба замми ин, ки бо меҳнати ҳалол зиндагӣ мекард, дар вай таъсири қозӣ Абдулвоҳиди Сарир буд, ки ӯ шоир ва донишманди замони худ буда, аз ҳамфикрони Аҳмад–махдуми Калла буд» [229, с. 189]. (А мой старший дядя, помимо того, что жил честным трудом, находился под влиянием Кази Абдулвахида Сарира, поэта и учёного своего времени, последователя и единомышленника Ахмада Махдума Калла).

«Дар ин кор нохунҳои кас мепарад ва шонаҳои кас мефурояд. Лекин меҳнати ҳалол аст. Касе, ки номус ва гайрат дошта бошад, аз ин гуна меҳнат наметарсад» [229, с. 197]. (На этой работе ногти ломаются и ломит предплечья. Но труд честный. Тот, кто имеет честь и достоинство, не боится такого труда).

«Лекин ҳокимон ба меҳнати ҳалол роҳ намедиҳанд...» [229, с. 197].

(Однако правители не допускали честного труда...).

«Соҳибкор дар вақти ин кор аз он бадбахтон фаҳмида гирифта будааст, ки ин тобистон ҳар кадоми онҳо аз меҳнати сиёҳи худ сад танга – дусад танга ёфтаанд» [229, с. 229]. (Хозяин выяснил, что за весь этот изнурительный труд каждый из этих бедняков этим летом смог заработать жалкие сто – двести танга).

«Чашми пиришудаи Сомӣ ба ин гуна меҳнати тоқатфарсо, ки маҷбур буд дар як шабонарӯз 15 – 16 соат китобат кунад, тоб наёварда... дар 72–солагиаш вафот намуд» [229, с. 280]. (Старые глаза Соми не выдержали такого изнурительного труда, когда ему приходилось писать по 15–16 часов в сутки... он скончался в возрасте 72 лет).

«Аммо афсӯс, ки аксари он гуна талабаҳо ноаҳл баромаданд ва пеш аз он ки аз ин илм чизе ба даст дароранд, фолбин шуда, ҳам худро ва ҳам меҳнати маро нобуд карданд» [229, с. 284]. (К сожалению, большинство таких учеников оказались неспособными и, прежде чем успели что-то извлечь из этих знаний, занялись гаданием, погубив и себя, и мой труд).

«Аммо даромади асосии Аҳмад-махдум аз роҳи меҳнати худааш буд» [229, с. 285]. (Но основной доход Ахмаду Махдуму приносил его собственный труд).

«Нақдаш ҳамин аст, ки ҳоло ман барои усто шудани онҳо меҳнати муфт кашида истодаам» [229, с. 383]. (Суть в том, что теперь я тружусь бесплатно, чтобы сделать их мастерами).

«Агар ман ин қонунро вайрон кунам, маро ҷазои нақдӣ (штраф) хоҳанд кард, ки ба адои он якрӯза музди меҳнати ман намерасад – гуфт» [229, с. 523]. (Если я нарушу этот закон, меня оштрафуют на такую сумму, что мне не хватит целого дня заработка, чтобы её выплатить).

«Шумо гумон накунад, ки ман қиморбозиро як кори хуб медониста бошам, балки бадтарини бозиҳо қиморбозист, чунки як бечора як рӯзи дароз меҳнати сиёҳ карда шаш нор пул меёбад, азбаски дар ин кӯи бад (қиморбозӣ)

афтодааст...» [229, с. 524]. (Вы ведь не думаете, что я считаю азартные игры чем-то хорошим? Напротив, азартные игры – это самое худшее из всех игр, ведь несчастный человек может целый день трудиться как проклятый, чтобы заработать всего шесть копеек, попав в эту дурную историю (азартные игры)).

«Агар он фарзандони нуристеъдоди халқ дар замони советӣ мебуданд, ҳар кадом қаҳрамони халқ, қаҳрамони меҳнати сотсиалистӣ, адиб ва адабиётшиноси гузаро, мутафаккир ва файласуфи ҷаҳонӣ, ходими пурманфиати ҷамоат, ихтироъгарӣ рӯи дунё ва монанди инҳо мегардиданд» [229, с. 594]. (Если бы эти талантливые дети народа жили в советское время, каждый из них стал бы героем труда, известным писателем или литературным критиком, мировым философом, общественным деятелем, изобретателем и т.д.)

Проведённый нами анализ контекстов употребления слов «труд/меҳнат» из произведения С. Айни «Ёддоштҳо (Воспоминания)» позволяет говорить о том, что в приведённых примерах писатель с присущим ему художественным мастерством показал разнообразие смысловых оттенков, связанных с трудовой деятельностью.

Мы сгруппировали их следующим образом:

Таблица 3. Семантические оттенки слов «труд/меҳнат» в произведении С. Айни «Ёддоштҳо»

Категория	Пример из текста (таджикский)	Перевод (русский)	Семантический оттенок	Страница
Эксплуатация людей труда	самараи меҳнати онҳоро он чаллобон меҳӯрданд	Плоды их труда пожинали монополисты–скупщики	Негативный: отчуждение результатов труда	с. 7
	меҳнати маҷбурии бемузди ӯ	Неоплачиваемый принудительный труд	Негативный: принуждение и отсутствие оплаты	с. 123

	аз меҳнати сиёҳи худ	Изнурительный труд	Негативный: физическое истощение	с. 229
Труд как благодетельное деяние	бо меҳнати ҳалол зиндагӣ мекард	Жил честным трудом	Позитивный: моральная чистота, достоинство	с. 189
	меҳнати ҳалол аст... аз ин гуна меҳнат наметарсад	Труд честный... не боится	Позитивный: честь и сопротивление	с. 197
Труд как основополагающий элемент бытия	бо меҳнати худ сер карда омадааст	Своим упорным трудом кормил семью	Позитивный источник благополучия	с. 48
Тяжёлый физический труд	меҳнати дуру дарозеро талаб мекунад	Требует большого труда	Негативный: длительность и усилие	с. 25
	дар ин кор нохунҳои кас мепарад... меҳнати тоқатфарсо	Ногти ломаются... изнурительный труд	Негативный: физическая боль и истощение	с. 197, с. 280
Сельскохозяйственн ый труд	меҳнати падарам абас рафт	Труды отца пропали зря	Нейтрально– негативный: бесплодность усилий	с. 108
	ҳосили аввалини меҳнати деҳқонии ман	Первый плод моего деҳканского труда	Позитивный: результат и самореализаци я	с. 118
Коллективный труд	деҳқонон бо меҳнати худ	Деҳкане собственным трудом	Позитивный: сплочённость	с. 57
	бо харҷ ва меҳнати худ обод карда	Своим трудом приводили в порядок	Позитивный: совместные усилия	с. 133
Идеологизация труда	каҳрамони меҳнати сотсиалистӣ	Герой социалистическо го труда	Позитивный: возвышение в советском контексте	с. 594

Исследование лексемы «меҳнат» выявило её многогранность, простирающуюся от простого физического труда до более глубокого представления о моральном долге и социальных изменениях. Однако для получения полной семантической картины нам необходимо перейти к

критическому сравнению с лексемой «кор», которая гораздо чаще встречается в «Ёддоштхо» и охватывает ещё более широкий спектр значений. В то время как «меҳнат» склонен выдвигать на первый план духовные и этические аспекты труда, «кор» в первую очередь закрепляет практические аспекты человеческой деятельности, начиная от повседневных дел и заканчивая профессиональной идентичностью и социальной функцией. Поэтому дальнейший аналитический фокус будет посвящён изучению примеров использования «кор» в тексте Айни, что позволит нам точнее очертить его семантический объём и художественную роль.

Примеры с использованием слова «кор»:

«Бобоям **дар ин кор ҳам хунарманд буда**, назар ба фикри *ӯ*, аз ин роҳ ҳам дар ин деҳа барои вай даромади иловагӣ пайдо мешуд» [229, с. 7]. (Мой дед был искусен и в этом деле, и, по его мнению, даже таким путём для него в этом селении появлялся дополнительный доход).

«Ман, ки соли гузашта аз палавакду «мазахӯрак» шуда будам, имсол ҳам заминчаи поёни суффаи хонаамонро аз порсола **бехтар кор карда** боз палавакду киштам» [229, с. 122]. (Попробовав вкус прошлогодней тыквы, в этом году я снова засеял небольшой участок земли ниже нашего двора тыквой, изрядно поработав при этом).

«Қарабек, ки пештар ба амлокдорон ва ҳокимон мирзо – котиб шуда **кор мекард...**» [229, с. 123]. (Карабек, который раньше работал мирза–катибом (делопроизводителем) амлякдоров (землевладельцев) и правителей...).

«Аммо ҳанӯз мардум дар иморати *ӯ* бемузд ва маҷбури **кор мекарданд** ва ин **корро** мувофиқи таълимоти *ӯ* амлокдори Гиждувон, ки ба ҷои *ӯ* таъин шуда буд, **идора менамуд**» [229, с. 124]. (Однако люди по–прежнему работали в его дворце без оплаты и по принуждению, а этой работой руководил в соответствии с его учением назначенный на его место владелец поместья Гиждуван).

«Ман аз ин камбудии ҳарифи худ фоида бурда фиребгариро ба **кор бурдан гирифтам**» [229, с. 125]. (Я воспользовался этой слабостью своего противника и прибегнул к обману).

«...ки ҳавли рӯидаричаноки дар деҳаи Маҳаллаи Боло аз падар мондаамонро фурӯшем ва пулаширо ба **ин кор сарф кунем**» [229, с. 128]. (...продать открытый двор в селении Махалля Боло, который оставил нам отец, и использовать вырученные деньги на это дело).

«...ки 19 сол бар болои як программаи маҳдуд **кор мекардаанд**, бояд дар илмҳои дар он программа зикрфта мутахассиси замони худ шуда мебаромада бошанд» [229, с. 136]. (...которые работали по ограниченной программе в течение 19 лет, должны были стать знатоками в науках своего времени, упомянутых в этой программе).

«Ва ҳол он ки талабаи Бухоро, агар хушзеҳн ва пурқобилият бошад ва роҳи ба сари худ **кор карданро ёбад**...» [229, с. 138]. (И всё же, если студент из Бухары умён и способен, он найдёт способ работать самостоятельно).

«Ту чунон зӯрманд мебошӣ, ки ба **ҳар касбу кор**, ки даст занӣ, рӯзат ба подшоҳӣ мегузарад» [229, с. 158]. (Ты такой крепкий и умелый, что, какую бы профессию или дело ни выбрал, станешь жить как падишах).

«Ин кор бе дуздӣ **як кори ношуданӣ будааст**» [229, с. 169]. (Эта работа без воровства – дело невыполнимое).

«Кучои ин кор аҷиб аст? Магар **ин кор муҳолифи шариат аст?**» [229, с. 174]. (– Что в этом удивительного? Противоречит ли это законам шариата?)

«Бас кунед! Хуни ин касофатӣ либосамро **аз кор баровард!** – гуфт» [229, с. 223]. (Хватит! Кровь этого злосчастливого негодяя испортила мне рубаху).

«**Ғайр аз ин ду кор чораи дигаре надоранд**. Ин одам ба замми мутаваллиғӣ ҳам имом, ҳам шайх, ҳам хатиби он мазор ва хонақоҳ ба шумор рафта, ҳама **корҳои он ҷо** дар дасти вай буд» [229, с. 237]. (Кроме этих двух вещей, у них нет другого выбора. Этот человек, помимо того, что был мутаваллитом, также считался имамом, шейхом и проповедником этой гробницы и ханаки, и все дела там находились в его руках).

«Аз ин гуфтаҳои мутаваллӣ маълум буд, ки ӯ бо ман бозӣ карданро салоҳи кори худ надониста, балки ҳамкорӣ карданро лозим шумурдааст...» [229, с. 239]. «Со слов мутавалля выяснилось, что он не считал своей задачей играть со мной, а скорее считал необходимым сотрудничать).

*«Аммо ман пай бурдам, ки он суханони ман ба он духтари ҷавон ҷунон форид, ки молиши даруни ҳаммом ба **пирони солхӯрдаи коркӯфта** ба он дараҷа намефорад»* [229, с. 241]. (Но я заметил, что мои слова оказали на эту молодую девушку такое глубокое воздействие, какого массаж в хаммаме не окажет на измученного работой старика).

*«**Ў дар кор фармудани ман дар корҳои наст, дар хӯрок ва дар манъ кардан аз китобхонӣ ва дар ҳақорат кардани ман бо вайронӣ аз модари ӯгаи пештараам бадтар ва сахттар ба ман муомила мекард**»* [229, с. 250]. (Она обращалась со мной хуже и суровее, чем моя предыдущая мачеха, заставляла меня выполнять чёрную работу, запрещала мне читать во время еды и оскорбляла меня).

*«Дар он **корхона** як ҷавони бухороии дигар буд, ки шабу рӯз дар он ҷо – дар болои пиллаҳои хушку тар посбонӣ мекард. Файр аз ману он ҷавони посбон дигар ҳамаи **коркунон ва коргарони он корхона маргелонӣ буда, бештарини коргарон (мардикорон)**–ро занон, духтарон ва писарбачагони хурдсол ташкил мекарданд»* [229, с. 262]. (На этой фабрике был ещё один молодой человек из Бухары, который день и ночь стоял на страже – над сухими и мокрыми коконами. Кроме меня и молодого охранника, все остальные служащие и рабочие на этой фабрике были из Маргелана, и большинство рабочих (мардикоров) были женщинами, девушками и подростками).

*«...аммо бо он зан чизе нагуфта ва гап назада аз номи ӯ бо ин пирсаг савдо карда, як маблағ пули ӯро ба даст дарорад ва баъд аз он ман боз **роҳи чӣ кор карданро нишон медиҳам**»* [229, с. 264]. (Но, ничего не говоря этой женщине, не разговаривая с ней, поторгуйся с этой старой собакой стариком от её имени, получи часть её денег, а потом я покажу тебе, что делать дальше).

«Бо ин **коратон** сад бор «ё оллоҳ!» гуфтанатонро дусад бор ҳисоб карда, магар худоро фиреб додан меҳоҳед?» [229, с. 327]. (Тем, что сто раз повторите «О, Аллах», а скажите, что двести, вы хотите обмануть Бога?)

«...ва аз ин пеша садҳо ҳазор тилло ёфтаанд, **кор надоранд**. Натанҳо **кор** надоранд, ҳатто инҳоро ҳурмат ҳам мекунанд» [229, с. 276]. (...им нет дела до того, что благодаря ремеслу те озолотились. Не только нет дела, они их даже уважают).

«Шукур **дар корҳои деҳқонӣ** ва нигоҳубини чорпоҳои бой машгул шуда, духтараш дар ҳавлии даруни бой дастёрӣ мекардааст ва вақти хоб падару духтар дар ҳамон коҳхона меҳобидаанд» [229, с. 308]. (Шукур был занят сельским хозяйством и заботился о скоте богача, в то время как его дочь помогала во внутреннем дворе богача, а спали отец и дочь на сеновале).

«Ман ҳанӯз ҳайрон будам, ки шарикдарси собиқи ман **аз ин кор чӣ гуна фоида меёфта бошад** ва тойҳои пахтаро тар карда хушкондан **ба ин кор чӣ дахл дошта бошад**. Аммо ҳамсӯҳбати ман бо суханҳои зеринаш маро як дараҷа **бо кори худ шинос кард**» [229, с. 325]. (Я все ещё задавался вопросом, какую пользу это могло принести моему бывшему однокласснику и какое отношение к этому имел процесс смачивания и высушивания тюков хлопка. Но мой собеседник в какой-то степени познакомил меня со своим делом следующими словами...)

В романе Садриддина Айни «Ёддоштҳо» (Воспоминания) слово «кор» демонстрирует широкий семантический диапазон, отражая как конкретные реалии повседневной жизни, так и более абстрактные культурные и этические категории.

Прежде всего, «кор» обозначает физический труд и практическую деятельность. В тексте содержатся описания сельскохозяйственных работ («заминчаи поёни суффаи хонаамонро ... кор карда боз палавқаду киштам»), принудительный труд мардум дар иморати ӯ бемузд ва маҷбури кор мекарданд»), деҳканская деятельность («...дар корҳои деҳқонӣ ва нигоҳубини чорпоҳои бой машгул шуда») и фабричный труд («...ҳамаи коркунон ва

коргарони он корхона...»). Эти примеры отражают существовавшие тогда формы общественной жизни и передают тяжесть труда, лежащего на плечах простого люда.

Мы наблюдали, что «кор» используется также в значении профессии или рода занятий. Например, Карабек описывается как писец («...мирзо – котиб шуда кор мекард» [229, с. 123]), студенты и учёные показаны как люди, годами работавшие по одной и той же программе («...19 сол бар болои як программаи махдуд кор мекардаанд» [229, с. 136]), а в более широком смысле «кор» обозначает профессию или жизненный путь («...ба хар касбу кор, ки даст занй...» [229, с. 1158]).

В других контекстах «кор» означает «дело», «действие» или «поступок». Оно может относиться к конкретному решению («...ки ба корҳои хусусии худашон сарф мешуд» [229, с. 205]), ситуации («Ин кор бе дудӣ як кори ношуданӣ будааст» [229, с. 169]) или поступку («Кучои ин кор ачиб аст?»). «Кор» также употребляется в значении абстрактного «дела» как выбора или альтернативы («Ғайр аз ин ду кор чораи дигаре надоранд»). В таких случаях лексема «кор» выходит за пределы материального труда и выступает как универсальная категория жизнедеятельности человека.

В ходе анализа особый интерес у нас вызвали устойчивые выражения и переносные значения, в которых слово «кор» выходит за пределы прямого номинативного смысла. Например, в слове «коркӯфта» оно передаёт состояние крайней усталости и изнурённости («пирони солхӯрдаи коркӯфта»), тогда как в выражении «аз кор баровард» реализуется значение «вывести из строя». Подобные идиоматические употребления показывают, как лексема «кор», включаясь в состав фразеологических единиц, обретает дополнительные эмоциональные и метафорические оттенки.

Приведённые примеры представляют лишь небольшую часть имеющегося материала, но они позволяют увидеть, насколько глубоко слово «кор» укоренилось в художественной системе Айни и как оно служит для выражения социальных, культурных и духовных аспектов труда.

В произведениях Садриддина Айни можно проследить тонкое, но показательное взаимодействие между двумя ключевыми лексемами – «меҳнат» и «кор». Обе они связаны с идеей человеческой деятельности, но различаются по эмоциональной окраске и культурному контексту. Каждое из них отражает различные аспекты труда и человеческой деятельности: его материальную сторону и моральную сущность.

И «меҳнат», и «кор» обозначают действие, неважно в какой сфере, и оба несут в себе отголоски повседневных усилий и эксплуатации. Однако «меҳнат» всегда несёт в себе более глубокий этический подтекст, связанный с честностью, стойкостью и нравственностью, в то время как «кор» говорит о чём-то более конкретном – о деле, ремесле, самой работе.

В художественном видении Айни их сближение знаменует символическое преобразование – от страдания к самореализации, от пассивного терпения к творческой деятельности.

Айни также по-разному использует эти слова в своей повествовательной текстуре. «Меҳнат» передаёт эмоциональный реализм, вызывая в воображении коллективный дух, выносливость простых людей, их молчаливый героизм. «Кор» функционирует как структурный термин, укореняя текст в конкретности повседневной жизни – профессиях, ремёслах и социальном сотрудничестве. Такие выражения, как «меҳнати ҳалол» («праведный, честный труд»), приобретают моральное и духовное значение, в то время как ҳамкорӣ кардан («сотрудничать», «работать вместе») указывает на прагматические и общинные аспекты деятельности.

3.4.2. Репрезентация «труд» и «работа» в произведениях М. Шолохова

Роман Михаила Шолохова «Поднятая целина» (часть I – 1932, часть II – 1960) является одним из центральных произведений советской литературы, посвящённым коллективизации на Дону. Первый том был удостоен Ленинской премии в 1960 году. С точки зрения жанра, это эпопея соцреализма,

в которой автору удаётся совместить официальную задачу прославления «великого перелома» с подлинной драмой крестьянского мира, создав тем самым уникальный документ своей эпохи.

Этот роман был выбран для лексико-семантического анализа репрезентации концептов «труд» и «работа» по следующим причинам:

1. Исторический контекст коллективизация 1930–1933 годов на хуторе Гремячий Лог знаменует период максимального идеологического давления на понятие труда. В официальном дискурсе труд колхозника провозглашался священным подвигом, «второй гражданской войной», актом социалистического строительства. Однако Шолохов не ограничивается пропагандистской схемой: он представляет труд как биполярный концепт – одновременно сакральное «созидание новой жизни» и изнурительное, зачастую бессмысленное физическое испытание.

2. Семантическая биполярность лексем «труд» и «работа» достигает в романе максимальной интенсивности. С одной стороны, сохраняется исходный семантический слой, связанный с трудностями и страданиями («работа каторжная», «труд адов», «надрываются людишки»); с другой, насильно навязывается новая архисема «священного долга» и «героический энтузиазм» («трудоу подъем», «трудоу победа», «в труде – наше спасение»). Это столкновение семантических слоёв не разрешается, а драматически обостряется, делая роман идеальной площадкой для изучения насильственной идеологической перестройки семантики труда в сталинский период.

3. Авторская позиция Шолохова амбивалентна, он искренне верил в коллективизацию, но как писатель-реалист не мог игнорировать её трагедию. В результате лексемы поля труда становятся ареной скрытых размышлений автора: чем громче пропагандистский пафос, тем яснее проступает этимологическая сема страдания, делая текст подлинным (хотя и зашифрованным) свидетельством эпохи.

«Поднятая целина» – это не просто иллюстрация официальной мифологии труда, а текст, в котором семантический конфликт между лексемами «труд» и «работа» достигает такой степени интенсивности, что раскрывает сам механизм принудительного переформатирования языкового сознания в условиях тоталитарного режима.

Переходя к конкретным примерам, рассмотрим, каким образом данные концепты репрезентируются в художественной ткани романа:

«Тоска по физическому труду угнетала Давыдова» [230, с.220].

«Плюнул Давыдов на такие условия труда и, чтобы не быть помехой Сидоровичу, ругаясь про себя, как матёрый боцман, ушёл из кузницы; мрачный, злой, засел в правлении колхоза» [230, с.220].

«Пока он сворачивал папироску, Аркашка не без труда выгнал хворостиной из-под амбара пёструю толпу нарядных кур» [230, с.229].

«Дед Щукарь изогнулся вопросительным знаком, протянул вперёд руку и, поводя грязным указательным пальцем, тяжело дыша, с трудом просипел...» [230, с.233].

«Давыдову с трудом удалось навести порядок» [230, с.249].

«С трудом он поднялся с земли, с трудом переставляя натруженные ноги, пошёл вдоль борозды к стану» [230, с.251].

«Да изволь, только труды твои пропадут даром, согласился Давыдов» [230, с.253].

«С той поры он притих, работал исправно и даже стал для тех, кто работал с ленцой, примером сознательного отношения к труду» [230, с.255].

«Размётнов фыркнул и с трудом сдержал готовый прорваться смех» [230, с.275].

«Ему хотелось ещё до прихода комиссии по приёму самому – и как следует – осмотреть отремонтированные к сенокосу лобогрейки и конные грабли, тем более что в работу по ремонту была вложена частица и его труда» [230, с.279].

«А вот теперь и говорю, и скажу ишо больше: по ихней милости они такой труд учитывают, какой на виду, ну, скажем, ремонт плугов, пропашников, словом, инвентаря видимого, а что касемо мелочей, скажем, ковка лошадей, или подковы делаешь...» [230, с.282].

«Подохнем мы с тобой с голоду от таких наших трудов!» [230, с.306].

«В голосе Дубцова зазвучало такое неподдельное изумление, что Давыдов с трудом удержал улыбку» [230, с.315].

«...имел привычку, выводя буквы или рисуя, низко клонить голову и высовывать язык, каждым движением его как бы помогая себе в нелёгком труде» [230, с.333].

«К его великой радости, боль оказалась не столь уже сильной, и хотя с трудом, но передвигаться он мог» [230, с.344].

«Но когда он, молча расталкивая чему-то улыбавшихся женщин, вошёл в кухню и торопливо осмотрелся, у него подкосились ноги, и, творя крестное знамение, он с трудом прошептал: «Что это такое?»» [230, с.353].

«Сами понимаете, товарищ председатель, что шахтёрский труд – и тяжёлый труд, и нам надо своих рабочих-шахтёров кормить как положено и не меньше» [230, с.354].

«Легко сходились и без труда, без переживаний и жалких слов расходились, а через неделю встречались уже как чужие и лишь для приличия обменивались холодными улыбками и несколькими незначащими словами» [230, с.393].

Анализ проводился на основе корпуса из 46 контекстов, взятых из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), и основывался на принципах компонентного анализа (В. Г. Гак), контекстуального подхода (Н. Д. Арутюнова) и установленных словарных определениях (С. И. Ожегов, Д. Н. Ушаков). В ходе исследования было выявлено четыре основные семантические группы: **труд как деятельность, как усилие или затруднение, как результат и употребление в переносном значении.** При этом наиболее частотной оказалась вторая группа – «труд как усилие» (56,5

%), отражая внутреннее напряжение романа, показывая физические и моральные испытания, которые переживают герои в процессе коллективизации.

Основное значение **«труд как деятельность»** проявляется в описаниях творческой и коллективной работы, где труд показывается как нечто хорошее и важное, человек через работу самореализуется и исполняет свой долг перед обществом. Например, когда автор пишет, что кто-то «трудился усердно и даже стал примером добросовестного отношения к работе» или говорит о «тяжёлом шахтёрском труде», он представляет труд как моральную ценность. Труд в таком контексте не просто работа, а проявление дисциплины, честности и заботы об общем благе. Подобные описания создают красивый, практически идеальный образ того, как должен трудиться человек, отражая дух тогдашней советской эпохи и связанной с ней идеологии.

Напротив, вторая группа значений **«труд как усилие»** появляется в основном в фразеологических сочетаниях («с трудом», «без труда», «не без труда»). Здесь слово лексема «труд» уже не несёт какой-либо идеологии, просто показывая как человеку тяжело что-то сделать, ему нужно прилагать немало усилий, терпеть и преодолевать трудности: «с трудом поднялся с земли» или «с трудом сдержал смех». Благодаря таким фразеологизмам повествование становится более живым и драматичным, и мы глубже чувствуем, как тяжело человеку жить в трудное, переломное время.

Переносные значения лексемы «труд» встречаются редко, как правило, в случаях когда речь идёт о каких-то спорах или обвинениях, где «чужой труд» выступает в качестве лакмусовой бумажки эксплуатации и социального зла (например, «эксплуатировал чужим трудом – становися к стенке»). Этот пример демонстрирует политическую семантику слова, характерную для советской эпохи 1930–х годов, где «труд» резко противопоставляется «капиталу»: свой труд хорошо и справедливо, а чужой – плохо и нечестно.

Анализ показывает, что в романе «Поднятая целина» лексема «труд» функционирует как многослойная семантическая единица, объединяющая

конкретно-бытовые, эмоциональные и идеологические аспекты. Её значения варьируются от прямой физической деятельности до метафорического обозначения человеческих усилий, судьбы и социальной роли.

Результаты исследования подтверждают ключевую роль лексемы «труд» в структуре повествования, позиционируя её как концептуальный центр, глубоко отражающий мировоззрение, лежащее в основе реализма Шолохова. Однако наряду с ним существует и более приземлённое понятие – «работа», значения которого варьируются от конкретных видов деятельности до обозначения социальной функции. Чтобы проследить особенности его использования, обратимся к ряду примеров из романа.

«Захворал я, товарищ Давыдов, отпустите меня нынче с работы»
[230, с.216].

«Пятьдесят с лишним лет назад она – тогда молодая и красивая казачка, – отрываясь от домашней работы, стряпни, с восторженной улыбкой прислушивалась к тому, как неуверенно, с перерывами шлёпают по полу в соседней горнице босые ножонки её первенца...» [230, с.218].

«Всё его здоровое, сильное тело жадно просило работы, такой работы, от которой к вечеру в тяжёлом и сладком изнеможении ныли бы все мускулы, а ночью вместе с желанным отдыхом немедля бы приходил и лёгкий, без сновидений, сон» [230, с.220].

«Но какая же это к чёрту работа, когда через каждые полчаса человека отрывают от дела, синея, стынет в клещах поковка, ворчит старый кузнец Сидорович и мальчишка–горновой откровенно ухмыляется...» [230, с.220].

«...на разбор различных заявлений колхозников, на производственные совещания – словом, на всё то, без чего немислимо существование большого коллективного хозяйства и что в работе менее всего удовлетворяло Давыдова» [230, с.220].

«Вовлеку её в общественную работу, упрощу или заставлю заняться самообразованием» [230, с.224].

«Давыдов никакой работой не гнушается, я – тоже, почему же ты фуражечку на бочок сдвинешь и по целым дням сиднем сидишь в своём Совете....и таскаешься по хутору, как неприкаянный?» [230, с.234].

«Только топай завтра пораньше, подавай бабам пример, как надо выходить на работу» [230, с.236].

«Я, когда от неё избавился, так вроде заново на свет народился: никаких венерических болезней не боюсь, великолепно английский язык изучаю, и много тут достиг своим умом, безо всяких учителей, и партийные дела веду в порядке, и от другой работы чуром не отгораживаюсь» [230, с.237].

«Они, эти женщины, никогда не загорали по–настоящему, на работе так закутываясь в белые головные платки, что оставались только узкие щели для глаз» [230, с.246].

«Отличная работа, факт! – холодно сказал Давыдов» [230, с.249].

«Мои быки, втянутые в работу и собою справные, а две пары молодых бычат у нас сейчас на курорте» [230, с.250].

«Они с зимовки вышли захудалые, а тут каждый день работа, они и скисли, не тянут плуг – и всё!» [230, с.250].

«Уже после демобилизации, в первый год работы на заводе, Давыдов все же как-то отважился сходить в баню» [230, с.252].

«Вчера наморился за день, он ведь у нас в работе заклопавшей, да и лёг поздно» [230, с.259].

«Я уже говорил и ему и Размётнову, повторяю и тебе: плохо вы ведёте работу по вовлечению в партию хороших колхозников, преданных нашему делу людей» [230, с.263].

«По крайней мере старые быки в работе, это я точно знаю» [230, с.265].

«Мне положено и смотреть, и помогать исправлять недостатки в работе, что я и делаю при полном к тебе расположении, Семён» [230, с.266].

«Иначе чем же объяснить непростительные провалы в твоей работе, в работе Нагульнова?» [230, с.266].

«Ты, товарищ Нестеренко, один день побыл в Гремячем Логу и за это время успел обнаружить вон сколько промахов и недостатков в нашей работе, да и моё поведение отметил...» [230, с.267].

«Но с организацией комсомольской ячейки вы нам помогите, то есть райком, пришлите одного–двух ребят и девушку комсомолку, хотя бы на временную работу» [230, с.267].

«Можно бы, и без особого ущерба для работы в поле» [230, с.268].

«...Варя Харламова бросила утратившую для неё теперь всякий интерес работу и, понуриг голову, медленно брела к стану» [230, с.271].

«...с одной стороны, он негодовал на Варю за самовольство, а с другой – его мужскому самолюбию льстила догадка, что из–за него девушка на какое–то время оставила работу...» [230, с.271].

В семантическом поле, охватывающем лексемы, обозначающие трудовую деятельность и усилия, особое внимание следует уделить слову «работа», которое в различных словоформах встречается в романе М. А. Шолохова «Поднятая целина» 148 раз. Этот количественный показатель свидетельствует о высокой частотности и концептуальной значимости лексемы, позиционируя её как одну из концептуальных семантических единиц в художественном мире писателя.

Контекстуальный анализ выявляет широкий спектр значений, определяемых синтаксической позицией и прагматической направленностью. В примере «Я заболел, товарищ Давыдов, отпустите меня сегодня с работы» [230, с.216] слово «работа» употребляется в своём прямом значении – как повседневная занятость, от которой герой просит освобождения по болезни. Здесь оно отражает бытовую, а не идеологический смысл.

В примере «Более пятидесяти лет назад она – тогда молодая и красивая казачка – отрываясь от домашней работы...» [230, с.218] лексема приобретает бытовую оттенок, обозначая женский труд в частной, семейной сфере. В этом контексте «работа» противопоставляется коллективному труду, выражая

традиционное разделение ролей и исторические ограничения участия женщин в общественной деятельности.

В «Его здоровое, сильное тело жаждало работы...» [230, с.220] слово приобретает психофизиологическую окраску, обозначая не только внешнее действие, но и внутреннюю потребность, связанную с полнотой жизни. Шолохов использует лексему как средство психологической характеристики, представляя трудовую деятельность как синоним самого существования.

Наглядным примером является фраза «Но что это за работа, черт возьми, когда каждые полчаса человека отрывают от его дела...» [230, с.220], где слово «работа» функционирует в оценочном смысле, выражая профессиональное недовольство и протест против нарушения трудового процесса. Такое употребление знаменует переход от нейтральной семантики к выразительному значению, передающему индивидуальную позицию персонажа.

В нескольких отрывках (например, «на производственные совещания – короче говоря, на все, без чего невозможно представить существование большого колхоза и что в работе меньше всего удовлетворяло Давыдова» [230, с.220]) слово используется метонимически для обозначения административной деятельности. Здесь мы наблюдаем семантический сдвиг от физического труда к управленческой работе, отражающий многослойный характер трудовых отношений в советском обществе.

Такие выражения, как «Я вовлеку её в общественную работу» [230, с.224] и «Вы плохо ведёте работу по партийному привлечению...» [230, с.263] демонстрируют устойчивое идеологическое значение лексемы, где «работа» приобретает институционально–политический смысл, обозначая деятельность, направленную на просвещение, агитацию и укрепление партийных структур и отражая характерное расширение понятия труда в сферу общественной деятельности.

Ряд примеров (например, «Обязательно приходи завтра пораньше, покажи женщинам пример, как нужно выходить на работу» [230, с.236]; «на работе, плотно укутываясь в белые платки...» [230, с.246]) иллюстрируют

нормативное поведенческое значение слова, связанное с идеей дисциплины и коллективного примера. В этих контекстах работа понимается как социальный ритуал, символизирующий участие в общем деле и принадлежность к трудовому коллективу.

В таких выражениях, как «отличная работа, факт!» [230, с.249] и «в неустанной работе» [230, с.259], лексема приобретает оценочную функцию: она обозначает результат деятельности и одновременно передаёт эмоциональное отношение говорящего – одобрение, усталость, гордость.

Особый интерес представляют случаи, когда работа переносится на зооморфные объекты, как в «мои волы, запряжённые в работу» [230, с.250] и «старые волы за работой» [230, с.265]. А в некоторых местах слово обретает совсем глубокий, жизненный смысл, это не просто труд человека, но символ самой жизни, непрерывного движения и действия.

Наконец, в ряде фраз («она бросила работу, которая потеряла для неё интерес» [230, с.271]; «она оставила свою работу...» [230, с.271]) мы наблюдаем, что это слово означает нечто судьбоносное: отказ от работы это не просто прекращение деятельности, но внутренний кризис, утрата смысла.

Семантическое разнообразие лексемы «работа» в романе Шолохова позволяет выделить несколько основных направлений её использования:

- работа как повседневное физическое дело либо служебные обязанности;
- работа как социальная миссия и форма коллективного участия;
- работа как внутренняя потребность человека, способ найти себя и самореализоваться;
- работа как мера ценности и критерий человеческого достоинства.

Таким образом, в художественном мире романа «Поднятая целина» лексема «работа» выполняет не только номинативную, но и мировоззренческую функцию, становясь лингвистическим выражением главного противоречия эпохи – конфликта между отдельным человеком и коллективом, между трудом как необходимостью и трудом как духовным

призванием. Благодаря своей частотности и контекстуальным вариациям концепт «работа» раскрывает центральную идею романа: утверждение труда как высшей формы человеческого существования и основы советской идентичности.

Лексико-семантическое сопоставление понятий «труд» и «работа» в произведениях С. Айни и М. Шолохова позволяет выявить, как эти понятия отражают культурный, социальный и идеологический контекст соответствующих эпох. Ниже приведены ключевые аспекты и различия в их употреблении.

В «Поднятой целине» М.А. Шолохова: труд – физическое или умственное усилие, направленное на достижение результата; борьба и лишения, повседневная рутина и связь с природой.

Используется в следующих контекстах: коллективный труд, труд как тяготы и лишения, труд как настойчивость и выносливость. Семантические коннотации как нейтральные либо положительные, а также негативные.

В «Ёддоштҳо» С. Айни: труд – принудительная работа, связанная с эксплуатацией, труд как моральная добродетель, насущная жизненная необходимость человека. Используется в следующих контекстах: труд как угнетение, труд как средство личного и общественного прогресса. Семантические коннотации охватывают широкий диапазон от физического труда до моральных принципов.

Работа в «Поднятой целине» М.А. Шолохова – это трудовая деятельность (физическая или интеллектуальная), долг или служебная обязанность, процесс, результат или социальная деятельность. Используется в следующих контекстах: коллективный труд в сельском хозяйстве (отражение идеологии коллективизации), работа как обязанность или результат. Слово «работа» полисемично, значение варьируется в зависимости от контекста.

В «Ёддоштҳо» С. Айни – физическая работа, ремесло, деятельность и её результаты. Контексты: труд как основа жизни (сельское хозяйство, коллективный труд), работа как угнетение или путь к прогрессу.

Семантические различия между словами «труд» и «работа» в произведениях С. Айни и М. Шолохова в первую очередь обусловлены различиями в историческом опыте, культурных традициях и идеологическом контексте, в котором формировалось мировоззрение русского и таджикского народов в начале XX века.

В произведениях Шолохова труд и работа отражают социалистическую модель коллективизации, где труд одновременно представлен как идеологический долг и как тяжёлая необходимость. Это порождает двойную семантику: с одной стороны, официальная риторика героизма и «трудового подвига», с другой – реальность лишений, физического истощения и психологического давления.

В произведениях Айни семантика труда возникает в иной культурной и социально-политической среде. Для него труд ассоциируется с моральной стойкостью, честностью и личным достоинством, но также и с опытом эксплуатации, перенесённым народом в досоветский период. Таким образом, труд в модели Айни несёт два взаимосвязанных значения: как форма угнетения в рамках феодально-байской системы, как моральная ценность, источник роста, знаний и социальной справедливости.

В отличие от российской модели, где «работа» часто приобретает негативные коннотации, в перспективе Айни труд и работа чаще понимаются как органическая часть жизни, укоренённая в ремесленных и сельскохозяйственных традициях, и остаются культурно значимыми даже при описании в суровых условиях.

Соответственно, различия определяются:

- противоположными историческими формами организации труда (коллективизация против традиционной аграрной экономики);
- различными социальными опытами (принуждение в рамках советских реформ против эксплуатации в феодальной системе);
- различными ценностными ориентациями (идеология коллективного героизма против труда как личной добродетели в таджикской традиции);

- различные подходы к трудовой этике (риторическое возвышение у Шолохова против органичной культурной интерпретации у Айни).

В результате лексика труда у Шолохова приобретает противоречивый и зачастую конфликтный характер, в то время как у Айни она остаётся последовательной и стабильной, отражая вековые культурные нормы и личный жизненный опыт автора.

Выводы по третьей главе

Проведённое исследование слова «труд/мехнат» в русской и таджикской лингвокультурах выявило как универсальные, так и этноспецифические особенности его репрезентации. Основные выводы главы сводятся к следующему:

1. Лексикографический анализ подтверждает, что концепт «труд» в обоих языках обладает богатым номинативным полем. «Ме́хнат» выступает в качестве ключевой лексемы в таджикском языке, а «труд» – в русском, их семантические структуры различаются:

– в таджикском языке акцент делается на «преодоление трудностей», на что указывает этимология «ме́хнат», восходящая к арабскому корню *mihnaṭu* [1]; *مِحْنٌ* и трактуется как «испытание, беда, горе», акцентируя внимание на том, что труд – это обязательное испытание на пути к успеху

– в русском языке труд понимается как «целенаправленная деятельность», происходящая от праславянского «трудь» (напряжение, усилие), где труд воспринимается как физическое или интеллектуальное усилие, направленное на достижение цели.

2. Семантика труда в обоих языках, несомненно, очень близка, отражая универсальные человеческие ценности. Однако культурное измерение каждого языка привносит свои специфические оттенки, формируя уникальный образ труда в сознании носителей:

– в таджикском языке труд прочно ассоциируется с «коллективной пользой» («хашар» – общинный труд) и «духовной самореализацией» (труд как служение Богу и обществу).

– в русском языке доминирующую роль играют прагматизм (труд как средство выживания) и личная ответственность («Дело мастера боится»).

3. Паремнологический анализ выявил общие концептуальные черты:

– труд приносит вознаграждение («Терпение и труд всё перетрут»; «Гар ту кунӣ ҳаракат, ёбӣ зари пурқимат»).

– труд воспитывает характер и требует упорства («Хочешь есть калачи, не лежи на печи» – «Аз ором нишастан гавҳари мақсад ба даст намеояд» (Драгоценность цели невозможно достичь, сидя на на одном месте)).

– труд – основа процветания («Где работано, там и густо, а в ленивом дому пусто» – «Ранчи мо – ганчи мо» (Наш труд – наше богатство)).

Сравнительный анализ «труд/меҳнат» подтверждает, что, хотя обе культуры разделяют фундаментальные ценности – труд как добродетель и движущая сила прогресса, – они выражают различные культурные акценты. Таджикские пословицы выражают духовные, этические и коллективные аспекты труда, в то время как русские пословицы сосредоточены на прагматизме, упорстве и общинности.

4. Лексико-семантический анализ репрезентации концептов «труд» и «работа» в произведениях С. Айни «Ёддоштҳо» и М.А. Шолохова «Поднятая целина» позволяет выявить их культурный, социальный и идеологический контексты.

Обращаясь к роману М. Шолохова «Поднятая целина», мы видим, что понятие труда обычно выражается через физические или интеллектуальные усилия, неразрывно связанные с коллективной деятельностью, взаимодействием с природой и, что важно, преодолением трудностей. По сути, это представляет собой прямое художественное воплощение идеологии коллективизации. Труд, несмотря на его тяготы, наполнен положительными

коннотациями, указывающими на целеустремлённость и ориентацию на светлое будущее.

Между тем, в «Ёддоштҳо» Айни семантическая структура оказывается значительно более сложной, даже двойственной. Здесь понятие труда воплощает как жестокую эксплуатацию, ведущую к дегуманизации, так и одновременно путь к нравственному совершенствованию и конструктивному личностному развитию. Устод Айни демонстрирует более широкий семантический диапазон: от мрачных практик принудительного труда до благородных инициатив. Здесь отсутствует монолитная, доминирующая идеологическая линия, столь характерная для М. Шолохова.

Любопытно проследить, как герои обоих авторов связывают труд с социальным единством. Оба писателя используют эту связь, хотя и с разными модальностями. Шолохов непосредственно связывает труд с социалистическими убеждениями и борьбой за общее благо. Устод Айни же использует этот концепт как средство демонстрации конфликта между прогрессивными силами и укоренившимся социальным неравенством. Эти расхождения, очевидно, предопределены историческими условиями, которые сформировали художественный мир каждого романа.

Семантика лексем «труд» и «работа» функционирует как инструмент отражения социально-политической и культурной атмосферы эпох, тем самым подтверждая их значимость для контекстуальной интерпретации.

В заключение хочется сказать, что выявленные различия между русским и таджикским пониманием труда не следует воспринимать как противоречия. Скорее, они дополняют наше межкультурное понимание труда как одного из фундаментальных понятий в жизни людей всех культур и национальностей. Результаты этого сравнительного анализа имеют значительную теоретическую и практическую ценность для таких областей, как межкультурная коммуникация, лексикография и антропология, обеспечивая надёжную основу для дальнейших исследований.

Перспективным направлением будущих исследований представляется развитие контрастно-типологического подхода и расширение сравнительных исследований концепта «труд» в русском, таджикском и других языках. Подобные исследования могут способствовать углублению межкультурных связей, выявлению как универсальных, так и культурно-специфических особенностей и, в конечном итоге, функционирования данного фундаментального концепта в различных лингвокультурах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование, посвящённое сравнительному лингвокультурологическому анализу концептов «труд» и «меҳнат» в русском и таджикском языках, достигло поставленной цели – выявления национально-специфических особенностей данных концептов в сопоставительном аспекте и определения совокупности их смысловых признаков, отражающих мировоззренческие установки русского и таджикского народов. Все намеченные задачи были последовательно выполнены:

1. Проанализированы теоретические основы когнитивной лингвистики в контексте описания национальной языковой картины мира;

2. Реконструированы концептуальные характеристики сферы «труд / меҳнат»;

3. Проведён лексикографический анализ основных компонентов концептов [2–А];

4. Рассмотрен паремиологический фонд и воплощение концепта в художественных текстах на основе произведений Садриддина Айни и Михаила Шолохова;

5. Определены лингвокультурные особенности концептов в сопоставляемых языках [1–А].

Теоретический фундамент исследования опирается на понимание концепта как центральной ментальной единицы когнитивной лингвистики, отражающей процессы концептуализации и категоризации окружающей действительности [4–А]. Языковая картина мира рассматривается как система ценностных ориентаций, воплощённых в языковых средствах. Изучение концептов раскрывает глубокую взаимосвязь языка, сознания и культуры, что имеет особое значение для сравнительного анализа [7–А]. Семантические структуры и концептуальные границы языка тесно связаны с фразеологическими и паремиологическими единицами, выступающими ключевыми репрезентантами национального лексико-семантического пространства [10–А]. Пословицы и поговорки как устойчивые формы

народной мудрости являются важнейшим источником реконструкции концептуальной картины мира.

Лексико-семантический анализ выявил многозначность единиц «труд» и «меҳнат». В русском языке «труд» охватывает физическую деятельность, волевое усилие и нравственные ценности, тогда как в таджикском языке «меҳнат» в большей степени акцентирует внимание на этических аспектах, включая страдание (ранҷ) и терпение (сабр). Сопоставление пословиц показало, что в русской традиции труд оценивается прежде всего как источник личного благополучия и нравственного совершенствования, в то время как в таджикской традиции превалируют терпение, стойкость и вера в конечное вознаграждение за приложенные усилия [3–А].

Анализ художественных текстов подтвердил этнокультурную специфику объективации концепта. В «Воспоминаниях» (Ёддоштҳо) Садриддина Айни труд связывается с социальными преобразованиями, духовным очищением и переходом от феодального гнёта к новому общественному строю. В романе Михаила Шолохова «Поднятая целина» труд представлен как коллективное действие, преодоление трудностей и утверждение идеологических ценностей советской эпохи. Художественные воплощения отражают историческую и социальную детерминированность концепта в обеих традициях [14–А; 9–А].

Сравнительный анализ позволил определить как общечеловеческие элементы, так и национально-специфические черты концептуализации труда. К интеграционным элементам относятся: понимание труда как фундаментальной нравственной ценности; его связь с жизненными идеалами; устойчивое противопоставление «труда» и «лени». Культурные различия проявляются в приоритете коллективных форм труда и эмоционально-оценочных аспектах в таджикской лингвокультуре, тогда как в русской традиции сильнее акцентируются индивидуальная ответственность и прагматические аспекты [8–А; 3–А].

Анализ пословиц и поговорок показывает четыре основных способа понимания труда. Во-первых, труд считается неотъемлемой частью человеческой жизни и условием существования. Во-вторых, он рассматривается как процесс, в центре которого находится деятельность. В-третьих, его оценивают по результатам и реальным плодам труда. Нам представляется, что лексема «работа» отражает определённую модель поведения человека, показывая, как личные ценности и нравственные установки влияют на отношение к труду. С диахронической точки зрения хорошо видно семантическое изменение данного слова. В дореволюционную эпоху «работа» и «труд» в первую очередь ассоциировались с тяжёлым, подневольным физическим трудом. В советское время значение слова претерпело значительные изменения и труд стал восприниматься как один из основополагающих принципов социальной жизни и основа общественного устройства. В наши дни к понятию «труд» порой относятся с иронией, и изменения в семантике являются прямым отражением в социальных ценностях и жизненных установках общества [б–А].

Результаты исследования полностью подтверждают положения, выносимые на защиту. Семантика концептов «труд» / «мехнат» имеет многослойную структуру, включающую как описательные, так и оценочные элементы. Сравнительный анализ фразеологизмов, пословиц и поговорок показал, что между восприятием и оценкой труда в русской и таджикской культурах наблюдаются заметные различия. Оба концепта отражают исторические представления о физическом и умственном усилии, а также моральном долге. Именно поэтому тема ценностного отношения к труду занимает одно из центральных мест в литературе, в полной мере отражая социальные, экономические и культурные особенности того времени.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с функциональным анализом паремий в современных коммуникативных контекстах; сравнительным изучением концептов труда в цифровом и медийном дискурсах; разработкой методологии перевода культурно-специфических

концептуальных единиц, а также с диахроническим анализом концептуальных изменений в условиях глобализации и транснационального культурного обмена.

Данное исследование через интеграцию лексикографического подхода, анализа паремиологического фонда и художественного текста представляет многогранную и целостную картину концептуальной репрезентации труда в русском и таджикском языках. Полученные выводы углубляют наше понимание механизмов языкового и культурного кодирования ключевых концептов и создают базу для дальнейших изысканий в области когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и этнолингвистики, одновременно раскрывая этнокультурные особенности языковой картины мира в условиях межкультурного взаимодействия.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе проведённого исследования, направленного на углубление сравнительного анализа концептов «труд/мехнат» в различных языках и усиление внимания к национальным культурам через осмысление ключевых лингвокультурных категорий, предлагаются следующие научные рекомендации:

1. Результаты данного исследования могут служить материалом для научно-исследовательских работ, разработки учебных программ или изучения проблем, связанных с сравнительным анализом понятия «труд/мехнат» в лингвистическом аспекте.

2. На основе полученных данных можно разработать методические рекомендации по преподаванию русского и таджикского языков, а также по обучению межкультурной коммуникации в средних общеобразовательных школах и высших учебных заведениях.

3. Результаты исследования могут быть использованы для разработки и совершенствования двуязычных словарей (русско-таджикских и таджикско-

русских) с учётом культурно-исторических особенностей семантики концептов «труд/мехнат» в русском и таджикском языках.

4. Было бы целесообразно включить результаты данного исследования в программы подготовки филологов и переводчиков в высших учебных заведениях, что может способствовать формированию лингвистической культуры, более точному и глубокому пониманию национальной языковой картины мира и повышению качества литературного и научного перевода.

5. Диссертация может служить надёжной теоретической, методологической и фактологической основой для исследователей, занимающихся сравнительным анализом наиболее значимых концептов в родственных и неродственных языках, а также междисциплинарными исследованиями в области лингвистики, культурологии и этнопсихологии.

Выполненное исследование вносит вклад в развитие современной когнитивной и лингвокультурологической лингвистики и обладает значительным прикладным потенциалом. Оно открывает новые перспективы для дальнейших работ в области сравнительного концептуального анализа, переводоведения, межкультурной дидактики и социолингвистики, способствуя укреплению взаимопонимания носителей русской и таджикской культур в условиях современного образовательного и коммуникативного пространства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Азимова, М.Н. Сопоставительно-типологическое исследование фразеологической системы таджикского и английского языков/М.Н. Азимова.-Душанбе,2006.-242 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология: учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов. – Москва: Флинта; Наука, 2009. – 344 с.
3. Алефиренко, Н. Ф. Проблемы вербализации концепта / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.
4. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии/Н.Н. Амосова. – Ленинград: ЛГУ, 1963. – 208 с.
5. Андреева, И. В. Ценностная картина мира как лингвистическая и философская категория / И. В. Андреева // Вестник Тамбовского государственного университета. Аналитика культурологии. – 2006. – № 3.
6. Аникин, В. П. Мудрость народов. Пословицы и поговорки народов Востока / В. П. Аникин. – Москва: Книга, 1961. – 365 с.
7. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – Москва, 1974. – 368 с.
8. Апресян, Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. Т. 2. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
9. Арутюнова, Н. Д. Морфология / Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина // Общее языкознание (внутренняя структура языка). – Москва: Наука, 1972. – С. 210–258.
10. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Наука, 1988. – 341 с.
11. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка: Ментальные действия: сб. статей / Под ред. Н. К. Рябцевой. М.: Наука, 1993. – 176 с.
12. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека: Субъект - предмет - связка. Сравнение - метафора - метонимия. Истина - правда - судьба. Норма.

- Аномалия. Стихия - воля / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
13. Арутюнова, Н. Д. Логический анализ языка: Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 784 с.
14. Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. – Москва, 1997. – С. 267–279.
15. Бабаянц, В. В. Ценности как объект лингвокультурологической рефлексии / В. В. Бабаянц // Тамбов : Граммота, 2013. – № 6 (24), ч. 1. – С. 32–35.
16. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Бабушкин А. П. – Воронеж, 1996. – 315 с.
17. Бабушкин, А. П. Картина мира в концептосфере языка / А. П. Бабушкин // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 1999. – Вып. 2. – С. 12–14.
18. Бабушкин, А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления / А. П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 52–58.
19. Бабушкин, А. П.; Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика и семасиология. – Воронеж: Ритм, 2018. – 229 с.
20. Басова, Л. В. Концепт ТРУД в русском языке (на материале пословиц и поговорок) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Басова Лариса Валерьевна. – Тюмень, 2004. – 241 с.
21. Беседина, Н. А. Морфологически передаваемые концепты / Н. А. Беседина. – Тамбов, 2006. – С. 84–85.
22. Бижева З. Х. Антропоцентризм культуры – антропоцентризм языка / Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Казань, 2004. С. 207.

- 23.Блакар, Р.М. Язык как инструмент социальной власти / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88–125.
- 24.Бобоев, М. М. Психолингвистические особенности концепта «бўй» («запах») в таджикском и немецком языках (на материале произведений таджикских и немецких писателей): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / Бобоев М. М. – Душанбе, 2024.
- 25.Бойматова, Н. К. Семантическое поле концепта «Красота» в таджикской и английской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / Бойматова Н. К. – Душанбе, 2020.
- 26.Бодуэн де Куртенэ, И. А. Некоторые из общих положений / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные работы по общему языкознанию. – Москва: Издательство АН СССР, 2015. – 384 с.
- 27.Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика / Н. Н. Болдырев. – Тамбов, 2002. – С. 22.
- 28.Болдырев, Н. Н. Концептуализация отрицания в языке / Н. Н. Болдырев // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы междунар. симпозиума. – Волгоград, 2003. – Ч. 1. – С. 189.
- 29.Болдырев, Н. Н. Прототипический подход: проблемы метода / Н. Н. Болдырев // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов, 26-28 сентября 2006. – Тамбов, 2006. – С. 34.
- 30.Бондарко, А.В. Грамматическая категория и контекст / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1971. – 184 с.
- 31.Бондарко, А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
- 32.Бондарко, А. В. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / А. В. Бондарко. – Москва: Наука, 2005. – 480 с.
- 33.Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – Москва: Русские словари, 1996. – 416 с.

34. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Булыгиной. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
35. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелева. – Москва, 1999. – С. 263–305.
36. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва: Рус. язык, 1980. – 320 с.
37. Верещагин, Е. М. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Словари и лингвострановедение: сб. ст. – Москва: Рус. язык, 1982. – С. 89–98.
38. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва: Рус. язык, 1983. – 269 с.
39. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – 3-е изд. – Москва: Высш. школа, 1986. – 640 с.
40. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография: избр. тр. – Москва: Наука, 1986. – 312 с.
41. Воркачев, С. Г. Культурно-языковая специфика концепта любви в русском и испанском языках: опыт этносемантического анализа / С. Г. Воркачев // Язык и антропологические сущности / КубГУ; отв. ред. Г. П. Немец. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 1997. – С. 194–198.
42. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
43. Воркачев, С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метакоммуникативной деятельности: межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж, 2002. – Вып. 3.
44. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.

45. Воробьев, В. В. Лингвокультурология. Теория и методы / В. В. Воробьев. – Москва: РУДН, 1997. – 332 с.
46. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. – Москва: Космопсихо-логос, 1994. – 61 с.
47. Гоннова, Т. В. Отношение к труду в русской культуре / Т. В. Гоннова // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания. – Волгоград: ВГПУ, Перемена, 1997. – С. 42–43.
48. Гоннова, Т. В. Отношение к труду в русской паремиологии / Т. В. Гоннова // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания. – Волгоград: Колледж, 2002. – С. 188–192.
49. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – Москва: Прогресс, 1985. – 450 с.
50. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт; пер. с нем.; общ. ред. Г. В. Рамишвили. – Москва: ОАО ИГ Прогресс, 2000. – 400 с.
51. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – Москва, 1972. – 285 с.
52. Давлатмирова, М. Б. Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта «судьба» (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Давлатмирова М. Б.; РТСУ. – Душанбе, 2019. – 42 с.
53. Джалилов, Х. Структурно-семантические особенности и синтаксические функции фразеологических единиц в современном таджикском современном языке / Х. Джалилов. – Душанбе, 1976. – 232 с.
54. Еремина, М. А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Еремина М. А. – 2003. – 10. – № 01.

55. Жеребило, Т. В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань: Пилигрим, 2011. – 280 с.
56. Жигулев, А. М. Русские народные пословицы и поговорки / А. М. Жигулев. – Москва, 1965. – 360 с.
57. Жинкин, Н. И. Механизмы речи / Н. И. Жинкин. – Москва, 1958. – 370 с.
58. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – Москва, 1982. – 159 с.
59. Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // Язык. Речь. Творчество. – Москва, 1998. – С. 146–162.
60. Жинкин, Н. И. Избранные труды. Язык. Речь. Творчество / Н. И. Жинкин. – Москва, 1998. – 368 с.
61. Жуков, К. А. Концепт «Труд» как один из центральных фрагментов пословичной картины мира / К. А. Жуков // Вестник Новгородского Государственного Университета. – 2004. – № 29. – С. 88–92.
62. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – Москва, 2003. – 534 с.
63. Зайкина, З. М. Построение паремиологического поля концепта «Труд» в русском языке / З. М. Зайкина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2013. – № 7-4 (14). – С. 16–19.
64. Зубкова, Л. Г. Общая теория языка в развитии / Л. Г. Зубкова. – Москва: Изд-во РУДН, 2002. – 472 с.
65. Имомзода, М. М. Национальная специфика языковой объективации концепта «семья» в лексико-фразеологической и паремиологической системах таджикского и китайского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Имомзода М. М.; РТСУ. – Душанбе, 2018. – 25 с.
66. Искандарова Д.М. Исследования по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике в таджикском языкознании / Д.М. Искандарова // Вестник Университета (Российско-Таджикский

- (Славянский) Университет). Душанбе: РТСУ, 2023. – №3 (81). – С. 58-70.
67. Ивин, А.А. Современная аксиология: некоторые актуальные проблемы / А.А. Ивин // Философские науки. – 2006. – № 4. – С. 9–25.
68. Каналаш, О. П. Национальная картина мира как компонент лингвистического исследования / О. П. Каналаш // *Lingua mobilis*. – 2012. – № 6 (39). – С. 70–73.
69. Карасик В. И. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) / Концепты. Выпуск 2. Архангельск, 1997. – С. 156–158.
70. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования. Методологические проблемы когнитивной лингвистики / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин. – Воронеж, 2001. – С. 75–80.
71. Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования. Методологические проблемы когнитивной лингвистики / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2002. – 477 с.
72. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 389 с. – ISBN 5 7333 0143 0.
73. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. I. С. 13–15.
74. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сборник научных трудов. Воронеж, 2001. – С. 76–77.
75. Караулов, Ю. Н. Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57–68.
76. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

77. Ключевский В.О. Курс русской истории. – Т. 1. – М.: Мысль, 1987. – С. 385–386.
78. Кольшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Кольшанский. – М.: Наука, 1990. – 231 с.
79. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 287 с.
80. Костомаров, В. Г. О пословицах и крылатых выражениях в лингвокультуроведческом учебном словаре / В. Г. Костомаров, Е. М. Верещагин // Фелицина В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь. – Москва: Рус. язык, 1988. – С. 4–17.
81. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. – Москва: Международные отношения, 1996. – С. 312
82. Красных, В. В. Фрейм структуры как единицы языкового сознания. Языковое сознание содержание и функционирование / В. В. Красных. – Москва, 2000. – С. 128–129.
83. Крысин, Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. – Москва: Наука, 1989. – 188 с.
84. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – Москва: Наука, 1986. – 159 с.
85. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – Москва: Наука, 1988. – С. 141–172.
86. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика - психология - когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–48.
87. Краткий словарь когнитивных терминов / отв. ред. Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с.

88. Кубрякова, Е. С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – № 3. – С. 22–31.
89. Кубрякова, Е. С. Языковое сознание и языковая картина мира / Е. С. Кубрякова // Филология и культура: материалы междунар. конференции. – Тамбов: ТГУ, 1999. – С. 6–13.
90. Кубрякова, Е. С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков / Е. С. Кубрякова // Вопросы филологии. – 2001. – № 1 (7). – С. 28–34.
91. Кубрякова, Е. С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии / Е. С. Кубрякова // Реальность, язык и сознание: междунар. межвуз. сборник научных трудов. – Тамбов, 2002. – Вып. 2. – С. 14.
92. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
93. Курбонова, Х. Х. Национально-специфические особенности концепта «сабр» (терпение) в таджикской и русской этнолингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Курбонова Хафиза Халимовна. – Душанбе, 2020. – 197 с.
94. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1988. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – С. 12–52.
95. Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живем / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Жирмунской. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 387–415.
96. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 416 с.

97. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- 98.
99. Лихачев, Д. С. ИАНСЛЯ / Д. С. Лихачев. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3–9, с. 5.
100. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В. П. Нерознака. – Москва, 1997. – С. 281.
101. Любимова Н. А. Картина мира: бытие и научный потенциал термина / Н. А. Любимова, Е. В. Бузальская // Русский язык за рубежом. – 2012. – № 6 (235). – С. 40-49.
102. Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты. Научные труды. Центрконцепта. – Архангельск: Изд-во Поморского госуниверситета, 1997. – Вып. 1. – С. 11–35.
103. Мамедова, М. Д. Концепт «ум» в китайской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок): дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / Мамедова М. Д. – Душанбе, 2015.
104. Маркелова, Е. В. Когнитивно-семантическая структура имён деятельности (на материале русских пословиц о труде и лени): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Маркелова Е. В. – 2004.
105. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – Москва: Академия, 2001. – 208 с.
106. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. М.: Тетра Си-стемс, 2004. – 256 с.
107. Матробиён, С. К. // Вестник Таджикского национального университета (серия филология). – Душанбе, 2019. – № 2. – С. 27–31.

108. Матробиён, С. К. Тасвири забонии ҷаҳон. Паёми Академияи таҳсилоти Тоҷикистон (Языковая картина мира. Вестник Академии образования Таджикистана) / С. К. Матробиён, Ф. Р. Начмиддиниён. – 2021. – № 3 (40). – С. 100–106.
109. Матробиён, С. К. Этнолингвистическое исследование языковой картины мира таджиков: автореф. дис. ... док. филол. наук: 5.9.6 / Матробиён С. К. – 2022.
110. Мирзоев, Х. Х. Лексико-семантическое поле horse/асп в английском и таджикском языках: автореф. дис. ... док. фил. наук : 10.02.20 / Мирзоев Х. Х. – Душанбе, 2014.
111. Нагаева, К. Э. Терпение, терпимость, толерантность в русской языковой картине мира / К. Э. Нагаева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 12 (805).
112. Нагзибекова, М. Б. Концепт как основная проблема исследований русской и таджикской когнитивной лингвистики / М. Б. Нагзибекова, С. Ш. Хабибов // Язык: мультидисциплинарность научного знания. – 2024. – № 7. – С. 59–63.
113. Неретина, С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм П. Абеляра / С. С. Неретина. – Москва, 1994. – С. 119.
114. Никишина, Ю. И. Язык, сознание, коммуникация: Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике / Ю. И. Никишина // Сборник статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва: МАКС Пресс, 2002. – Вып. 21. – 184 с.
115. Нотина, Е. А. Национальная научная картина мира и сопоставительные исследования / Е. А. Нотина // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки, и методика их преподавания». – 2013. – № 2. – С. 95–99.

116. Островская, Т. А. Концепт «труд» в русской и американской лингвокультурах: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / Островская Татьяна Александровна. – Краснодар, 2005. – 163 с.
117. Павлов, С.Г. Лингвоаксиологическая модель человека: научно-методический аспект / С.Г. Павлов // Вестник Мининского университета. – 2013. – № 2. – С. 56–68.
118. Панарина, Н. С. Прецедентный текст как культурно значимая когнитивная модель / Н. С. Панарина // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2003. – № 2 (26). – С. 94–99.
119. Петров, В. В. Структуры значения: логический анализ / В. В. Петров. – Новосибирск, 1979. – 140 с.
120. Пименова, М.В. Предисловие / М.В. Пименова // Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово, 2004. – 208с.
121. Пименова, М. В.; Кондратьева, О. Н. Концептуальные исследования: введение. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 176 с.
122. Планк, М. Смысл и границы точной науки / М. Планк // Вопросы философии. – 1958. – №5.
123. Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. – 31 с.
124. Попова, З. Д. К методологии лингво-когнитивного анализа / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Филология и культура: тезисы междунар. конференции. – Тамбов, 2001. – Ч. 1. – С. 22–24.
125. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 2-е изд., стереотип. – Воронеж: Истоки, 2002. – 191 с. (а).
126. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 2002. – 59 с. (б).

127. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
128. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
129. Поппер, К. Логика и рост научного знания: избр. работы / К. Поппер; пер. с англ.; сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. – Москва: Прогресс, 1983. – С. 34–45.
130. Пословицы и поговорки русского народа. Из сборника В. И. Даля / под общ. ред. Б. П. Кирдана; вступит. слово М. А. Шолохова; послесл. В. П. Аникина. – Москва: Правда, 1987. – 656 с.
131. Пословицы, поговорки и мудрые мысли / сост. М. Раковский. – Душанбе: Ифрон, 1969. – 355 с.
132. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Пермский государственный педагогический университет. – Пермь, 2011. – С. 1–14.
133. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – Москва: Искусство, 1976. – 614 с.
134. Потебня, А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. – Москва, 1990. – 342 с.
135. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова [и др.]. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
136. Рахилина, Е. В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты / Е. В. Рахилина // Семиотика и информатика. – Москва: Языки русской культуры, 1998. – Вып. 36. – С. 274–323.
137. Рахими, С. С. Концепт «Измена» в русском и таджикском языках: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.20 / Рахими С. С. – Душанбе, 2016.
138. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – Москва, 1998. – 413 с.

139. Рош, Э. Cognitive Representations of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology: General. – 1975. – Т. 104, № 3. – С. 192–233.
140. Савенкова, Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. – Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 2002. – 240 с.
141. Селиверстова, О. Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки / О. Н. Селиверстова // Вопросы языкознания. – 2002. – № 6. – С. 12–26.
142. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; пер. с англ.; общ. ред. и вступит. ст. А. Е. Кибрика. – Москва: Прогресс, Универс, 1993. – 656 с.
143. Сергеева, Е. Н. Репрезентация концепта «Судьба»: Языковой и лингвокультурологический аспекты на материале русского языка: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Сергеева Елена Николаевна. – Уфа, 2005. – 263 с.
144. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова. – Москва: Наука, 1988. – С. 141–172.
145. Серова, Л. А. Концепт «труд» в немецких и русских поговорках: на материале современных публицистических текстов сельской тематики: дис. ... канд. филол. наук / Серова Л. А. – Москва: Московский государственный областной университет, 2009.
146. Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы: учеб. пособие / Т.Г. Скребцова. – М.: Языки славянских культур, 2018. – 320 с.
147. Смирнова, О. М. К вопросу о методологии описания концептов / О. М. Смирнова // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2009. – № 3. – С. 247–253.
148. Соболев, А. И. Русские пословицы и поговорки / А. И. Соболев. – Москва, 1961. – 327 с.

149. Солодилова, И. А. Ценностная картина мира как объект лингвистического изучения / И. А. Солодилова, В. В. Перевалов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – № 3. – С. 180–18.
150. Сорокин, Ю. А. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания. Язык и сознание: парадоксальная рациональность / Ю. А. Сорокин. – Москва, 2004. – 200 с.
151. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова; пер. с англ. – Москва: Политиздат, 1992. – 543 с.
152. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 426 с.
153. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва Акад. проект, 2001. – 990 с.
154. Стернин, И. А. Концепты и невербальность мышления / И. А. Стернин // Филология и культура: материалы междунар. конференции, 12–14 мая 1999 г. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. – Ч. 3. – С. 69–79.
155. Стернин, И. А. Может ли лингвист моделировать структуру концепта? / И. А. Стернин // Когнитивная семантика. Материалы второй междунар. школы-семинара. – Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2000. – Ч. 1. – С. 13–17.
156. Стернин, И. А. Основные категории и постулаты когнитивной лингвистики / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Воронеж, 2011. – 192 с.
157. Талми, Л. Путь к когнитивной семантике. Том 1. Системы концептуального структурирования. Часть 1 / Пер. с англ. К. Савельевой; науч. ред. Я. Бутаков. – Москва: Директ-Медиа, 2024. – 374 с.
158. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – Москва: Наука, 1986. – 143 с.

159. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
160. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.
161. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – Москва: Слово, 2000. – 264 с.
162. Токарев, Г. В. Особенности лексической репрезентации концепта «труд» / Г. В. Токарев // Лингвистические парадигмы: традиции и новации: материалы междунар. симпозиума молодых ученых «Лингвистическая панорама рубежа веков». – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 192–201.
163. Токарев, Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии / Г. В. Токарев. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 43.
164. Токарев, Г. В. Теоретические проблемы вербализации концепта «труд» в русском языке: дис. ... докт. филол. наук / Г. В. Токарев. – 2003.
165. Токарев, Г. В. Концепт как объект культурологии (На материале репрезентации концепта «Труд» в русском языке) : монография / Г. В. Токарев. – Волгоград: Перемена, 2003. – 233 с.
166. Токарев, Г. В. Концепт ТРУД в русском языке: на материале пословиц и поговорок: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Токарев Г. В. – Москва, 2005.
167. Токарев Г. В. Лингвокультурология. Тула: изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2009. 135 с.
168. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – Ленинград: ЛГУ, 1960. – Вып. 1. – С. 135–168.

169. Уорф, Б. Л. Грамматические категории / Б. Л. Уорф // Принципы типологического анализа языков различного строя. – Москва: Наука, 1972. – С. 44–60.
170. Уфимцева, Н. В. Русские: опыт еще одного самопознания / Н. В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – Москва: ИЯ РАН, 1996. – С. 139–163.
171. Фазилова, Ш. К. Концепт «Богатство» в английской, русской и таджикской лингвокультурах (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок) / Ш. К. Фазилова. – Душанбе, 2019. – 25 с.
172. Фаткуллина, Ф. Г. Современная лингвистика и межкультурная коммуникация: монография / Ф. Г. Фаткуллина. – Одесса, 2012. – 119 с.
173. Филин, Ф. П. О лексико-семантических группах слов / Ф. П. Филин // Езиковедски изследование в чест на академика Ст. Младенов. – София, 1967. – С. 537–538.
174. Филлмор, Ч. Дж. Frames and the Semantics of Understanding // *Quaderni di Semantica*. – 1985. – Т. 6, № 2. – С. 222–254.
175. Фирсова, Н. М. О национальных характеристиках испаноязычных и англоязычных народов в сопоставительном плане / Н. М. Фирсова // Филологические науки. – 2004. – № 2. – С. 51–58.
176. Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 336 с.
177. Фрумкина, Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога / Р. М. Фрумкина // Научно-техническая информация. – 1992. – Сер. 2. – № 3. – С. 3.
178. Фрумкина, Р. М. Экспериментальные методы в языкознании / Р. М. Фрумкина // Большой энциклопедический словарь «Языкознание» / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 590–591.
179. Хайдеггер, М. Истоки художественного творения / М. Хайдеггер. Москва: Академический Проект, 2008. – 528 с.

180. Чернова, О. Е. Концепт «труд» как объект идеологизации: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Чернова Ольга Евгеньевна; Уральский государственный университет им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2004. – 162 с.
181. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – Москва: Высшая школа, 1985. – 160 с.
182. Шведова, Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарём» / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 3–16.
183. Шмаков, В. С. Структура исторического знания и картина мира : монография / В. С. Шмаков. – Новосибирск: Наука, 1990. – 187 с.
184. Юсупова, С. М. Концептуализация труда в идиомах (на материале английского, немецкого, русского и чеченского языков) / С. М. Юсупова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011. – № 2.
185. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – Москва: Гнозис, 1994. – 344 с.
- Словари:**
186. Александрова, З. Е. Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова. – Москва: Дрофа. – 564 с.
187. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты; практический справочник. В 2-х тт. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2003. – Т. 2. – 480 с. ISBN 5-7654-3156-9
188. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – Москва: Рус. язык, 1995. – Т. 1. – 669 с. ; Т. 2. – 779 с. ; Т. 3. – 555 с. ; Т. 4. – 689 с.
189. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 608 с.
190. Даль, В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль. – Москва, 2009. – 814 с.

191. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – Москва, 2000. – 1084 с.
192. Калонтаров, Я. И. Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими / Я. И. Калонтаров. – Душанбе: Ирфон, 1965. – 528 с.
193. Калонтаров, Я. И. Мудрость трёх народов / Я. И. Калонтаров; отв. ред. Б. Тилавова. – Душанбе: Адиб, 1989. – 552 с.
194. Калонтаров, Я. И. Мудрость трёх народов / Я. И. Калонтаров. – Душанбе: Адиб, 1989. – 432 с.
195. Клюева, В. Н. Краткий словарь синонимов русского языка / В. Н. Клюева. – Москва: Учпедгиз, 1961. – 344 с.
196. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
197. Колпаков, Н. П. Избранные пословицы и поговорки русского народа / сост. Н. П. Колпаков, М. Я. Мельц, Г. Г. Шопавалова. – Москва: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. – 204 с.
198. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
199. Лингвострановедческий словарь / сост. М. А. Денисова. – Москва: Рус. язык, 1978. – 227 с.
200. Мирбобоев, А. Фарҳангӣ тоҷикӣ-русӣ (Таджикско-русский словарь) / А. Мирбобоев. – Душанбе: Пайванд, 2006. – 780 с.
201. Молотков, А. И. Словарь русских пословиц и поговорок / А. И. Молотков. – Москва: Русский язык, 2000. – 544 с.
202. Мухаммадиев, М. Луғати синонимҳои забони тоҷикӣ (Словарь синонимов таджикского языка) / М. Мухаммадиев. – Душанбе: Маориф, 1993.
203. Назарзода, С. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка). – Душанбе, 2008. – Т. 2. – 945 с.

204. Назарзода, С. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка). – Душанбе, 2008. – Т. 1. – 950 с.
205. Назарзода, С. Фарҳанги мукаммали забони тоҷикӣ, чилди дуҷум (Полный словарь таджикского языка) / С. Назарзода. – Душанбе: Шарқи озода, 2011. – 832 с.
206. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 18-е изд., стер. – Москва: Русский язык, 1986. – 797 с.
207. Русско-таджикский словарь: свыше 72000 слов / С. Д. Арзуманов [и др.]; под ред. М. С. Асимова. – Москва: Рус. яз., 1985. – 1280 с.
208. Саймиддинов, Д. Таджикско-русский словарь 70000 слов и выражений / Д. Саймиддинов, С. Д. Холматова, С. Каримов. – 2-е изд., доп. и испр. – Душанбе, 2000.
209. Словарь сочетаемости слов русского языка: ок. 2500 словар. статей / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина ; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – Москва: Рус. яз., 1983. – 688 с.
210. Таджикско-русский словарь: 40000 слов / Ин-т языка и литературы АН Тадж. ССР; под ред. М. В. Рахими, Л. В. Успенской; гл. ред. Е. Э. Бертельс. – Москва: Госиздат иностр. и национ. словарей, 1954. – 793 с.
211. Тилавов, Б. Зарбулмасалҳои машхур / Б. Тилавов. – Душанбе: Дониш, 1983.
212. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ: иборат аз 2 ҷилд / зери таҳрири Сайфиддин Назарзода [и др.]; Паҷӯҳишгоҳи забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ. – Душанбе, 2008. – 950 с.
213. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. / М. Фасмер. – Москва: Прогресс, 1986. – 627 с.
214. Фозилов, М. Фарҳанги иборайи рехтаи забони ҳозирайи тоҷик / М. Фозилов. – Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1963. – Т. 1. – 971 с.
215. Фозилов, М. Фарҳанги иборайи рехтаи забони ҳозирайи тоҷик / М. Фозилов. – Душанбе: Ирфон, 1964. – Т. 2. – 807 с.

216. Фозилов, М. Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ / М. Фозилов. – Душанбе, 1975. – 367 с.
217. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – 3-е стереотип. изд. – Москва: Рус. язык, 1978. – 543 с.
218. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская; под ред. С. Г. Бархударова. – Москва: Учпедгиз, 1961. – 401 с.
219. Handbook of Cognitive Semantics / ed. by F. Th. Li ; foreword by L. Talmy. – Leiden; Boston : Brill, 2024. – Vol. 1–4.
- 220.

Электронные ресурсы:

221. Большой арабско-русский словарь с транскрипциями. – URL: <https://bars.org.ru/> (дата обращения: 18.12.2024).
222. Большой онлайн словарь синонимов русского языка. – URL: <https://sites.google.com/site/synonymonline.ru> (дата обращения: 23.12.2024).
223. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва: Олма Медиа Групп, 2007. – URL: <https://rus-proverbs-ict.slovaronline.com/search> (дата обращения: 23.12.2024).
224. Ильин, И. А. Сущность и своеобразие русской культуры. – URL: <https://dlib.rsl.ru/> (дата обращения: 06.12.2024).
225. Langacker, R. W. Cognitive Grammar: A Basic Introduction [Электронный ресурс]. – Oxford: Oxford University Press, 2008. URL: https://www.academia.edu/33614431/Ronald_W_Langacker_Cognitive_Grammar_An_Introduction (дата обращения: 24.02.2025).
226. Национальный корпус русского языка. – URL: <https://ruscorpora.ru/page/corpora> (дата обращения: 21.01.2025).
227. Национальный корпус таджикского языка. – URL: https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search (дата обращения: 21.01.2025).

228. Онлайн словарь пословиц и поговорок русского языка. – URL: <https://rus-proverbs-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 28.01.2025).
229. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – URL: <http://zinki.ru/book/kognitivnaya-lingvistika> (дата обращения: 07.05.2024).
230. Толковый словарь русского языка. – URL: <https://sites.google.com/site/ozhegov.textologia.ru> (дата обращения: 23.12.2024).

3. Источники художественных текстов

231. Айнӣ, С. Ёддоштаҳо (чаҳор қисм): иборат аз як китоб / С. Айнӣ. – Душанбе: Сарредаксияи илмӣи Энциклопедияи Миллии Тоҷик, 2009. – 680 с. – (Энциклопедияи насри муосири тоҷик).
232. Шолохов, М.А. Поднятая целина / М.А. Шолохов. – М.: Азбука-Аттикус, 2011. – 430 с.

II. ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ:

а) Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованные ВАК при Президенте Республики Таджикистан:

- [1–А]. Хабибов, С. Ш. Семантические аспекты концепта труд / меҳнат в русском и таджикском языках / С. Ш. Хабибов // Вестник института языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. – Душанбе, 2023. – № 3(51). – С. 134–138.
- [2–А]. Хабибов, С.Ш. Лексикографический анализ концепта труд/меҳнат / С.Ш. Хабибов // Вестник института языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. – Душанбе, 2023. – №4 (52). – С.128-132.
- [3–А]. Хабибов, С. Ш. Лексикографический анализ концепта «меҳнат/труд» / С. Ш. Хабибов // Вестник Педагогического университета. – Душанбе, 2024. – № 1(108). – С. 105–108.
- [4–А]. Хабибов, С. Ш. Концептуализация и категоризация: процессы познания и языка / С.Ш. Хабибов, Т.М. Хамидова // Вестник института языков. Серия филологических, педагогических и исторических наук. – Душанбе, 2025. – №1 (57). – С.154–158

б) Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованные ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

- [5–А]. Хабибов, С.Ш. Взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании как целостная структура единиц / С. Ш. Хабибов // Вестник Таджикского национального университета. Серия филологических наук. – 2012. – № 4–2(84). – С. 112–117.

в) Статьи, опубликованные в других изданиях:

- [6–А]. Хабибов, С.Ш. К вопросу о сопоставлении русской фразеологии с таджикской с лингвострановедческой точки зрения / С. Ш. Хабибов // Вестник Института языков (научный журнал). – Душанбе, 2012. – № 2 (6). – С. 45–47.
- [7–А]. Хабибов, С.Ш. К вопросу о сопоставительно–лингвистическом анализе фразеологизмов русского и таджикского языков / С. Ш. Хабибов //

Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы международной научной конференции. – Душанбе, 2018. – С. 485–488.

[8–А]. Нагзибекова, М.Б., Хабибов, С.Ш. Концепт как основная проблема исследований русской и таджикской когнитивной лингвистики // М.Б. Нагзибекова, С.Ш. Хабибов // В сборнике: Язык: мультидисциплинарность научного знания. 2024. № 7. С. 59-63.

[9–А]. Хабибов, С.Ш. Исследование лексического значения концепта «труд / мехнат» в лингвистике / С.Ш. Хабибов // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему: материалы V Всероссийской научной конференции. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2023. – С. 421–425.

[10–А]. Хабибов, С.Ш. Языковые репрезентации концепта «труд / мехнат» в русском и таджикском языках / С. Ш. Хабибов // Инновационные технологии и подходы в межкультурной коммуникации, лингвистике и лингводидактике: материалы II Всероссийской научной конференции (г. Барнаул, 1–2 ноября 2023 г.). – Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2023. – С. 459-462.

[11–А]. Хабибов, С.Ш. Концепт «мехнат / труд» в аспекте лексической и лексико–семантической системы языка / С.Ш. Хабибов // Масъалаҳои мубрами забоншиносии муқоисавии забонҳои аврупоӣ ва омӯзиши он дар шароити муосир (Актуальные вопросы сравнительного языкознания европейских языков и их изучения в современных условиях): материалы республиканской научно-практической конференции ТМУИЯ им. С. Улугзода. – Душанбе, 2024. – С. 123–127.

[12–А]. Хабибов, С.Ш. Модель концептуального поля как инструмент для анализа когнитивных структур / С.Ш. Хабибов // Обучение иностранному языку для профессиональных целей. Традиции, инновации и перспективы: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции. – М.: НИУ «МЭИ», 2024. – С. 117–121.

[13–А]. Хабибов, С.Ш. Полевая структура концептов в разных языках / С.Ш. Хабибов // Современная языковая ситуация и тенденции развития русского языка в Республике Таджикистан: материалы республиканской научно-

практической конференции (28 февраля 2024 г.). – Душанбе: ТМУИЯ им. С. Улугзода, 2024. – С. 185–190.

[14–А]. Хабибов, С.Ш. Репрезентация концепта «труд / меҳнат» в повести Садриддина Айни «Ёддоштҳо»: лексико-семантический, сравнительный и лингвистический анализ / С.Ш. Хабибов // Изучение иностранных языков в будущем образования: стратегии и перспективы: материалы республиканской научно-теоретической конференции (28 мая 2025 г.). – Душанбе: ТГФЭУ, 2025. – С. 92–101.

[15–А]. Хабибов, С.Ш. Меҳнат как культурно-языковой концепт: семантика, метафорика и паремиология / С.Ш. Хабибов // Поликультурная коммуникация, роль языков, литературы и науки в развитии современного общества: материалы международной научно-практической конференции (20 ноября 2025 г.). – Душанбе: ТМУИЯ им. С. Улугзода, 2025. – С. 529–534.

Таджикские пословицы и поговорки о труде и работе

1. Аввал кор, баъд гуфтор.
2. Аз дастам корама гир, аз даҳанам нонама нагир.
3. Аз зиндаи бекор мурда беҳтар аст.
4. Аз кишти худ хӯша бардор.
5. Аз падари беҳунар чӣ меомӯзад писар?
6. Аз сад марди лофзан, беҳ кори як зан.
7. Аз ту ҳаракат, аз ман баракат.
8. Аз чумчук тарсӣ, арзан накор.
9. Ба гуфтан кор осон нест.
10. Ба кордон кор осон.
11. Ба кори гузашта салавот.
12. Ба кори кас даст дар баҳор хунук намехӯрад.
13. Ба пешрави кор танқид даркор.
14. Ба танбал кор фармо, панд башнав.
15. Ба умеди «иншоолло» кор буд намешавад.
16. Ба уштур алаф даркор бошад, гарданаширо дароз мекунад.
17. Ба як ҷавонмард 40 хунар кам аст.
18. Бар вақт кору бар вақт бардор.
19. Барои кор кардан доништан даркор, барои доништан – хондан.
20. Бачаро кор фармову аз ақибаш дав.
21. Бе ранҷ наояд ганҷ.
22. Гадоӣ – на ранҷ асту на ганҷ.
23. Гап гӯӣ, ҷувол–ҷувол, кор гӯӣ, касали ниммурдаҳол.
24. Дар кори хайр ҳоҷати ҳеҷ истихора (фолбинӣ кардан) нест.
25. Дар кори шитоб пушаймонӣ бисёр.
26. Дар н–наомади кор: шиша сандон шиканад, атола дандон шиканад.
27. Дар сари кор айёр (ҳилагар), дар сари ош тайёр.
28. Дар хӯрдан – наҳанг, дар кор хари ланг.
29. Дар ҳама ор машварат бояд, кори мевашварат накӯ н–ояд.
30. Дасти шикаста кор мекунад, дили шикаста кор намекунад.
31. Девона ба кори худ хушёр.
32. Дил ки ранҷид аз касе, хурсанд кардан мушкил аст.
33. Дилбеқарор гум кунад сари кор.
34. Доно аз паси кори худ давад, нодон аз паси умед.
35. Доно ба ишорати абрӯ кор мекунад.
36. Илму хунар барзагарӣ (деҳқонӣ) дигар ҳама – ҳилагарӣ.
37. Имрӯз туро дард мекунад, фардо туро мард мекунад.
38. Касби палар – мерос ба писар.
39. Кӣ канад ҷон, кӣ хӯрад нон.
40. Кор бо танбал намешавад ҳал.
41. Кор дар файзи баҳор – сарфа аз амбори пур.
42. Кор кунӣ – нон мехӯрӣ.
43. Кор накӯ шавад, аммо ба сабр.
44. Кор шавад, аммо ба сабр.
45. Қорам ба кал афтод, кал ҳам ба ноз афтод.
46. Қоргар ҳеҷ хор намешавад.
47. Қоре ки ба сулҳ дарнаёяд, девонагӣ дар ӯ бибояд.

48. Кори имрӯзаро ба фардо магузор.
49. Кори мондашудагӣ нимкора мемонад.
50. Кори мустаҳкам умри дароз мехоҳад.
51. Кори накардаро карда ҳиоб макун.
52. Кори неқӯ кардан аз пур кардан аст.
53. Кори сайёд барор гирад, шикор ба пой худ ба дом меояд.
54. Кори судхӯр барака надорад.
55. Кори шаб – хандаи рӯз.
56. Коркун яктаю балеғӯй садта.
57. Корро кӣ кард? Он ки тамошо кард. Корро ки кард? Он ки тамош кард.
58. Корро корд мекунад, на ғилоф.
59. Кӯш то халқро ба кор ой.
60. Кӯшиши ҷавонӣ – роҳати пирӣ
61. Лӯллийён медаванд сар–сари бом, хаппақиҳо мекунанд корро тамош.
62. Мард бояд, ки ҳаросон нашавад, мушките нест, ки осон нашавад.
63. Маҷлис бисёр шуд, зарба ба кор шуд.
64. Меҳнат бераҳат не.
65. Меҳнат кунӣ, ҳалол кун, ҳосилаша ҷувол кун.
66. Меҳнат фаровон мекунад, Танбалӣ вайрон мекунад.
67. Меҳнати ҳалол – нони бемалол.
68. Молу чизат ҳамеравад, илму ҳунар намеравад.
69. Нлумедӣ кори шайтон аст.
70. Нобурда ранҷ, ганҷ муяссар намешавад.
71. Нодон ба кори худ хайрон.
72. Нокарда, туро ба ин кор чӣ кор?
73. Нон бихӯр аз меҳнати хеш, ни ин ки аз пасу пеш.
74. Одами бекор – дараҳти бебор.
75. Олими беамал – абри беборон.
76. Олими беамал – занбӯри беасал.
77. Ранҷ диду ганҷ надид.
78. Ранҷи мо – ганҷи мо.
79. Ранҷи худу роҳати ёрон талаб.
80. Садаспаро ба як аспа кор меафтад.
81. Сертараддуди камкор.
82. Тилло дар оташ, одам дар меҳнат маълум мешавад
83. Тилло дар оташ, одам дар меҳнат маълум мешавад.
84. То ба зер ор мурдана дар зери кор мурдан беҳтар аст.
85. То дастат начунбад, даҳонат намечунбад.
86. То меҳнат накунӣ, санги сиёҳ лаъл нагардад.
87. Тобистон кӯшӣ, зимистон нушӣ.
88. Тобистон соя–соя, зимистон ба хонаи ҳамсоя.
89. Толеъ аз дарав дорему аз дарза не.
90. Хар ки нон аз амали хеш хӯрад, миннати Холами Той набарад.
91. Харро амак гӯю корро пеш бар.
92. Ҳам лаъл ба даст ояду ҳам ёр наранҷад.
93. Ҳама чоям сусту муст, фақат ишкамам дуруст.
94. Ҳар кас аз меҳнати худ роҳат мебинад.
95. Ҳар касу хар кор.
96. Ҳаракату баракат.
97. Ҳунар аз мулку мероси падар бех
98. Ҳунар бех аз мероси падар.
99. Ҳунар чу мушк аст, мушк кай ниҳон дорад.

100. Чаро оқил кунад коре ки боз орад пушаймонӣ?
101. Чи хуш бувад, ки барояд ба як карашма ду кор.
102. Аз илм мурод чуз амал нест (Камоли Ҳучандӣ).
103. В–он к–ӯ накунад тоати илмаш, набувад илм, Заргар набувад мард, чу бар зар накунад кор (Носир Хисрав).
104. Даст агар дар кор машғул аст, по осуда аст (Сайидо).
105. Илме ки дар ӯ амал набошад, Чуз арбадаю (чанҷол) чадал набошад (Ҳилолӣ).
106. Имрӯз бикун чу метавонӣ коре, Фардо чи кунӣ чун натавонӣ кард (Абӯалӣ Сино).
107. Кӯш, то халкро ба кор ой, То ба хизмат чаҳон биорой (Низомӣ).
108. Наёбад касе ганҷ, нобурда ранҷ (Фирдавсӣ).
109. Пароканда лашкар наояд ба кор, Дусад марди чангӣ беҳ аз сад ҳазор (Фирдавсӣ).
110. Рӯзӣ насиби кас ба нишастан намешавад, Бояд чу осие зи паи обу дона рафт (Сайидо).
111. Рӯ намеорад ба хони ҳеч кас соҳибхунар, Боғбон ризки худ аз пушти гулистон мехӯрад (Сайидо).
112. Тан бувад чун ғилофу чон – шамшер, Кор шамшер мекунад, на ғилоф (А. Чомӣ).
113. Ҳиммат ҳар ҷо беш кунад кореро, Душворӣ нест ҳеч душвориро (Бедил)

Русские пословицы и поговорки о труде и работе

1. Бегают от работы, как собака от мух.
2. Без волнения, без заботы не жди радости от работы.
3. Без охоты нет работы.
4. Без прогулки день потеряешь, не воротишь, а работа всегда перед тобой.
5. Без работы и машина ржавеет.
6. Без работы и печь холодна.
7. Без работы и червь не живет.
8. Без работы нудно, без денег трудно.
9. Без работы пряников не купишь.
10. Без труда день годом кажется.
11. Без труда жить только небо коптить.
12. Без труда и блоху не поймаешь.
13. Без труда и зайца не поймаешь.
14. Без труда и меду не едят.
15. Без труда и отдых не сладок.
16. Без труда и палку не выстругаешь.
17. Без труда и плод с дерева не упадет.
18. Без труда любой клад останется на дне.
19. Без труда мечта мертва.
20. Без труда не вынешь и рыбку из пруда.
21. Без труда не проживешь.
22. Без труда нет добра.
23. Без труда нет ни добра, ни плода.
24. Без труда нет отдыха.
25. Без труда нет плода.
26. Без труда ничего не дается.
27. Без труда хлеб не родится никогда.
28. Без труда человек не находит желаемого.
29. Без труда чести не получишь.
30. Без трудностей труд не мыслим.
31. Без успеха в учебе нет успеха в труде.
32. Без учебы и труда не придет на стол еда.
33. Без учения, без труда и жизнь не годна никуда.
34. Без хлопот и труда растет не кукуруза, а лебеда.
35. Белоручка чужие труды любит.
36. Белые ручки чужие труды любят.
37. Бери в работе умом, а не горбом.
38. Берись не торопись, а работой не ленись.
39. Беседа дорогу коротает, песня работу.
40. Благо жизни в труде.
41. Благо людей в жизни, а жизнь в труде.
42. Блины съел, вареники съел, а уж на третью работу цепом махать сил не хватает.
43. Бог труды любит.
44. Богатое сердце большого труда просит.
45. Большая работа требует и большой заботы.
46. Будешь в работе будешь и в почете.
47. Была бы охота, а впереди еще много работы.
48. Были бы руки, а работу дадут.
49. Быт здоровый труд толковый; быт плохой и труд такой.

50. В дни уборки одна забота: не встала бы работа.
51. В еде здоровяк, в труде калека.
52. В колхозе лад, охота там спора работа.
53. В колхозе нет тому славы, кто на язык легок, а тому, кто в работе стоек.
54. В колхозе чужой работы нет.
55. В поле Маланья не ради гулянья, а спинушку гнет, для труда живет.
56. В полплеча работа тяжела: оба подставишь легче справишь.
57. В работе малыш, а есть крепыш.
58. В работе железо не ржавеет.
59. В работе заяц, а в еде жидовин.
60. В работе отстаем, а за едой обгоняем.
61. В работе разгар, а лодырь на базар.
62. В работе руки дрожат, а чарку хорошо держат.
63. В руках умелого работа огнем горит.
64. В субботу на работу, а в воскресенье на веселье.
65. В труде красота человека.
66. В труде наше счастье.
67. В труде победить мир укрепить.
68. В труде рождаются герои.
69. В труде смелее будешь жить веселее.
70. Вдохновенье приходит во время труда.
71. Весна трудом красна.
72. Вино работе не товарищ.
73. Воду в реке весна разливает, цену человеку труд добавляет.
74. Воля и труд дивные всходы дают.
75. Все надоедает, кроме работы.
76. Всяк пожинает плоды своих трудов.
77. Всяк свою работу делай, на другого не кивай.
78. Всякая работа мастера хвалит.
79. Всякий труд достоин награды.
80. Всякий труд концом хорош.
81. Всякий труд ценен, да не всякий полезен.
82. Всякое умение трудом дается.
83. Где нет труда сады не зацветут и мир пустыня.
84. Где охота и труд, там поля цветут.
85. Где труд, там и правда.
86. Где труд, там и счастье.
87. Где хмель шумит, работа стоит.
88. Глядя на чужой труд, сыт не будешь.
89. Гордись не красотой, а работой.
90. Горька работа, да хлеб сладок.
91. Господской работы не переработаешь.
92. Денег нажить немного труда, да худо наживешь и слава худа.
93. Денежки труд любят.
94. День в день, а топор в пень; смотрю не на работу, а на солнышко.
95. День к вечеру, а работа к завтраму.
96. День труда шаг к коммунизму.
97. Дерево сильно корнями, а человек трудами.
98. Дерево узнают по плодам, а человека по трудам.
99. Для кого труд радость, для того жизнь счастье.
100. Для работы всякий край хорош.
101. Для умелой руки все работы легки.
102. Добрые люди день начинают работой.

103. Дорога не работа, дорого уменье.
104. Душу и сердце в работу вложи, каждой секундой в труде дорожи.
105. Египетская работа.
106. Едим, едим, а работа впереди.
107. Если весело живется, и работа спорится.
108. Если есть работа, так и спать не охота.
109. Если труд удовольствие, то жизнь наслаждение.
110. Есть работа, есть и хлеб.
111. Ешь не стыдись, а работай не ленись.
112. Железо в работе не ржавеет.
113. Железо закаляют огнем, а человека трудом.
114. Живи своим умом, а честь расти трудом.
115. За бесплодный труд и спасибо нет.
116. За дело не мы, за работу не мы, а поест, поплясать против нас не сыскать.
117. За недосугом и работа лежит.
118. За труд не бьют, а награды дают.
119. За трудами дня не видно.
120. За хороший труд на трудовень продуктов пуд, а ленивому Ивану не дали и бурьяну.
121. Зажиточно жить надо труд любить.
122. Здоров в еде, да хил в труде.
123. Здоров на еду, да хил на работу.
124. Землю красит солнце, а человека труд.
125. Земля мать богатства, труд его отец.
126. Земля трудом кормится.
127. Земля, в которую не вложен труд, имени не имеет.
128. Зерно зреет в земле, а талант в труде.
129. Знание и труд новый быт дают.
130. Золото познается в огне, а человек в труде.
131. Искусство и труд неразлучны.
132. К пирогам идут, а от работы бегут.
133. К работе «ох!», а ест за трех.
134. К славе ведет один путь: труд.
135. Каждой минутой в труде дорожи.
136. Как ты к работе, так и работа к тебе.
137. Какие труды, такие и плоды.
138. Каков мастер, такова и работа.
139. Какова работа, такова и плата.
140. Каторжная работа.
141. Кипит работа, да день мал.
142. Кляча воду везет, козел бороною трясет значит оба работают.
143. Когда в работе успех перекур не грех.
144. Когда живется весело, то работа спорится.
145. Когда труд удовольствие, жизнь хороша.
146. Колхозная воля да труд богатые всходы дают.
147. Колхозник колхозника по работе узнает.
148. Коль честен в труде почет везде.
149. Кому работа в тягость, тому неведома радость.
150. Коня узнают в езде, а человека в труде.
151. Кто в труде впереди, у того ордена на груди.
152. Кто весел на работе, тот и на отдыхе игрив.
153. Кто живет своим трудом, тем работа второй дом.
154. Кто любит труд, того люди чтут.
155. Кто любит труд, тому войны не надо.

156. Кто много болтает, тот работе мешает.
157. Кто не работает, тот не ест.
158. Кто от своего труда питается, тот каждый день причащается.
159. Кто первый в труде, тому слава везде.
160. Кто работы не боится, тот и человек.
161. Кто труд любит, долго спать не будет.
162. Кто труда не боится, того и лень сторонится.
163. Кто труда не видел, тот покоя не знает.
164. Кто упорен в труде, тот устойчив в беде.
165. Кто хочет счастливо жить, тот должен труд полюбить.
166. Любовь и труд счастье дают.
167. Любовь к труду у людей на виду.
168. Любое дело без труда не одолеешь.
169. Мастерство в труде достается.
170. Много надо затратить усилий, чтобы поднять на гору камень, спустить же его вниз не стоит никакого труда.
171. На благо Отчизны идет твой труд не трать без толку рабочих минут.
172. Напрасный труд удить без крючка, учиться без книги.
173. Наше счастье в общем труде.
174. Не богатству почет, а труду.
175. Не боюсь трудностей на целине: труд воздаст сторицей мне.
176. Не гордись лицом, не гордись крыльцом, а гордись трудом.
177. Не жалея труда урожай хоть куда.
178. Не печь кормит, а труд да забота.
179. Не пожалеешь трудов снимешь с гектара двести пудов.
180. Не рынок кормит человека, а труд.
181. Не тому почет, кто много говорит, а тому, кто трудом чудеса творит.
182. Не тот живет больше, чей век дольше, а тот живет дольше, чьих трудов больше.
183. Невелик кусок пирога, а стоит много труда.
184. Никакой труд не позор, а леность позор.
185. От безделья дурь наживается, в труде воля закаляется.
186. От бессонницы трудом лечатся.
187. От всякого труда прибыль, от пустословия только ущерб.
188. От труда зависит, чтоб посеянное взошло.
189. От трудов праведных не наживешь палат каменных.
190. От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь.
191. Передовик не тот, кто вырвался вперед, а тот, кто в труде за собой других ведет.
192. По труду и доход.
193. По труду и честь воздается.
194. Победа в воздухе не вьется, а руками в труде достается.
195. Поле труд любит.
196. Поседали в боях, молодеем в труде.
197. Приложишь труд будет и рыбка, и пруд.
198. С песней и труд спорится.
199. Самым дорогим кажется то, во что вложен твой труд.
200. Своими трудами живем, своими руками работаем.
201. Старанье и труд свое возьмут.
202. Страна учтет твои труды.
203. Суди о человеке по его труду.
204. Счастье и труд в одном доме живут.
205. Счастье тому бывает, кто в труде да ученье ума набирает.